

SLAVICA XLV

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XLV

EDITIONEM CURANTE
KORNÉL KOVÁCS

ADIUVANTE
JÓZSEF GORETITY

REDIGUNT
KLÁRA AGYAGÁSI

DEBRECEN UNIVERSITY PRESS
2016

Reviewers

Prof. DSc Klára AGYAGÁSI, University of Debrecen, Hungary
Prof. DSc Zoltán HAJNÁDY, University of Debrecen, Hungary
Prof. DSc Katalin SZÓKE, University of Szeged, Hungary
Prof. DSc András ZOLTÁN, Eötvös Lóránd University, Budapest, Hungary
Dr. habil. Gábor L. BALÁZS, University of Szeged, Hungary
Dr. habil. József GORETITY, University of Debrecen, Hungary
Dr. habil. Aneliya PETKOVA, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko
Turnovo, Bulgaria
Dr. habil. Olga SZŰCS, University of Debrecen, Hungary
CSc Stilyan STOYANOV, South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria
PhD Beáta GYÖRFI, University of Debrecen, Hungary

Журнал основан в 1961 году
European Research Index for Humanities Category NAT

Книги принимаются для рецензии по адресу: H-4032 Debrecen, Egyetem tér 1.
Адрес редакции: szlavisztika.intezet@arts.unideb.hu

ISSN 0583-5356

Дебреценский университет
Издатель: Zoltán SZILVÁSSY, ректор университета
Оригинал-макет подготовлен Институтом славистики Дебреценского
университета
Отпечатано в отделе репрографии Дебреценского университета

Авторы тома

Prof. DSc, habil. Klára AGYAGÁSI
Дебреценский университет
Венгрия
klara.agyagasi@gmail.com

Kornél KOVÁCS PhD Student
Дебреценский университет
Венгрия
kkornel89@gmail.com

PhD Камен ДИМИТРОВ
Великотырновский университет
им. Святых Кирилла и Мефодия
Болгария
kamenius@abv.bg

Enikő LOSONCZI-BAGOLY PhD Student
Дебреценский университет
Венгрия
enikobagoly@postafiok.hu

PhD Леся ГЛИВИНСКАЯ
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко
Украина
franco@univ.kiev.ua

Dr. habil. Angelika MOLNÁR
Дебреценский университет
Венгрия
manja@t-online.hu

Ilona GUMOWSKA
Люблинский университет им. Марии-
Кюри Склодовской
Польша
ilona.gumowska@poczta.umcs.lublin.pl

PhD Marek OLEJNIK
Люблинский университет им. Марии-
Кюри Склодовской
Польша
molejnik@gazeta.pl

PhD Beáta GYÖRFI
Дебреценский университет
Венгрия
blazsenyka@yahoo.com

Проф. Дмитрий РЕУТ
Московский педагогический государ-
ственный университет
Россия
dmreut@gmail.com

PhD Agnieszka JANIEC-NYITRAI
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша
Венгрия
janiec.nyitrai@gmail.com

PhD Камен РИКЕВ
Люблинский университет им. Марии-
Кюри Склодовской
Польша
rikev@umcs.pl

PhD Szabolcs JANURIK
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша
Венгрия
janurik@yahoo.com

PhD Нава-Ванда ШАХВЕРДОВА
Дебреценский университет
Венгрия
sahverdova@gmail.com

PhD Marcin KOJDER
Люблинский университет им. Марии-
Кюри Склодовской
Польша
marcin.kojder@wp.pl

Katalin SCHREK PhD Student
Дебреценский университет
Венгрия
katalin.schrek@arts.unideb.hu

PhD Krisztina K. KOVÁCS
Мишкольцский университет
Венгрия
kisskrisz70@gmail.com

Проф. Лариса Ивановна ШЕВЧЕНКО
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко
Украина
style_m_k@ukr.net

Содержание

Языкознание	9
Камен ДИМИТРОВ: Местоименная система в среднобългарския превод на словата против аномалиите от св. Йоан Златоуст.....	10
Kornél KOVÁCS: Некоторые уникальные названия текстильных материалов в древненовгородском диалекте.....	23
Klára AGYAGÁSI: Агентивные производные существительные русского происхождения в марийском лексиконе.....	35
Pona GUMOWSKA: Bieda – Wieloaspektowość konceptu w potocznych relacjach gwarowych w języku polskim.....	44
Marcin KOJDER – Marek OLEJNIK: Wpływ zmian politycznych na nazewnictwo miejskie na Ukrainie.....	56
Ванда ШАХВЕРДОВА: Нарративный анализ идентитета сконструированного/воспроизводимого в дискурсе фокусированного группового качественного интервью.....	63
Szabolcs JANURIK: Вопросы лексикографической регистрации иноязычных неологизмов в русском языке (на материале нового словаря английских заимствований).....	84
Культурология	103
Дмитрий РЕУТ: Культурная самоидентификация, ее основания, инструменты и возможные следствия.....	104
Литературоведение	113
Angelika MOLNÁR: Заметки о лирической прозе Тургенева («Дворянское гнездо»).....	114
Камен РИКЕВ: Христианского светосущане в лириката на Атанас Далчев.....	131
Agnieszka JANIEC-NYTRAI: Pochod masek, pochod tváří. Otázka nejednotné identity v románu „Život je jinde” Milana Kundery.....	148
Enikő LOSONCZI-BAGOLY: Мнимый берлинский путеводитель Владимира Набокова. Зеркало как текстообразующий элемент в рассказе «Путеводитель по Берлину».....	160
Обзоры и рецензии	169
Леся ГЛИВИНСКАЯ: Studia Linguistica et juridica (об опыте лексикографической параметризации научного языка) Лариса Шевченко (ред.), Дмитро Дергач, Дмитро Сизонов, Иван Шматко, Юрислінгвістика. Словник терміні і понять. Київ: ВПЦ Київський університет, 2015.....	170

Лариса ШЕВЧЕНКО – Леся ГЛИВИНСКАЯ: Социальный институт права в лингвистическом освещении: текст – смысл – личность Ванда Шахвердова, Иерархия в дискурсе правосудия: власть и подчинение в речи профессионала и гражданина (на материалах юридического шоу «Час суда») // Tractata Slavica Debreceni Egyetem 2012	176
Beáta GYÖRFI: В.Ю.Копров Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: учебное пособие. Москва 2011	184
Krisztina KISSNÉ KOVÁCS: Алла Александровна Акишина – Хироко Кано «Словарь русских жестов и мимики» 2-е изд., Москва, Издательство ООО Русский язык.....	190
Enikő LOSONCZI-BAGOLY: Максим Д. Шраер: Бунин и Набоков. История соперничества, Москва 2015	194
Katalin SCHREK: Szvák Gyula (szerk.) A mi Ruszisztikánk: Tanulmányok a 20/25. évfordulóra. Ruszisztika Könyvek XL- Budapest, Russica Pannonicana 2015.....	197
In memoriam: László Dezső (1927-2016).....	202
Формальные требования	216

Языкознание

**МЕСТОИМЕННАТА СИСТЕМА В СРЕДНОБЪЛГАРСКИЯ ПРЕВОД
НА СЛОВАТА ПРОТИВ АНОМЕИТЕ ОТ СВ. ЙОАН ЗЛАТОУСТ**

Камен ДИМИТРОВ

Старобългарските местоимения са един от най-интересните класове думи, тъй като те не само заместват съществителни, прилагателни и числителни имена, но и някои от тях имат свойството да изразяват определеност, като синтактичните им позиции и особеностите им при релативна функция могат да бъдат твърде разнообразни [БЮЮКЛИЕВ 1993; ИЛИЕВ 2012]. Въпреки че в историческото развитие на българския език прономиналните промени са значителни, местоименията не са засегнати изцяло от аналитичната тенденция и при някои от тях дори в съвременния български език се пазят отделни форми за косвените падежи.

Основната задача на настоящото проучване е да се ексцерпират и анализират местоименните форми и да се открие тяхната специфика и функции в среднобългарския превод на словата *Против аномеите* (*De incomprehensibili dei natura. Contra Anomoeos // Περί Ακατάληπτου. Πρὸς Ἀνομοίους*) от св. Йоан Златоуст в превод на Дионисий Дивни (=ЙоЗлПА), включени в сборника *Маргарит**. Изследването на славянския превод на *Маргарит* е много важно за очертаването на преводаческата практика на книжовниците от кръга на Теодосий Търновски в Кефаларево, тъй като това е текст с установено авторство, време и място на създаване [АНГЕЛОВ 1980; ЧЕРТОРИЦКАЯ 1989; КАЗЕНИНА 2002; СЕРГЕЕВ 2003; ТУРИЛОВ 2005; ТУРИЛОВ 2007; СПАСОВА 2009; ДИМИТРОВ 2014 и др.]. За малко текстове от Късното славянско средновековие е известно кой е техният преводач, незначителна част от тях са точно датирани и локализирани, а това е от изключително значение за проучването на историята на книжовния български език. Основната цел на проучването е да се провери до каква степен особеностите на местоименията в превода на тези важни за славянската ръкописна традиция текстове отразяват процесите, характерни за развитието на книжовния и говоримия език през среднобългарския период, както и да се установи до кои други книжовни практики от епохата *ЙоЗлПА* стои най-близо в езиково отношение.

* Проучването на старобългарския текст се извършва по най-ранния български препис на книга *Маргарит* – ръкопис F.I.197 от РНБ (Санкт Петербург) от третата четвърт на XIV в., за който се счита, че е възникнал приживе на преводача му – българския книжовник Дионисий Дивни. Текстът не е издаван, научното разчитане е мое. Славянските примери се посочват според пагинацията в ръкопис F.I.197. Гръцките съответствия се ексцерпират от критическите издания на текста на оригинала [MALINGREY, DANIELLOU, FLACELIÈRE 1970; MALINGREY 1994, 284–315].

І. Лични местоимения и възвратно-лично местоимение

При личните местоимения Дионисий Дивни се придържа към състоянието, характерно за класическите старобългарски паметници, и в идиолекта му не намират отражение формалните промени, настъпили при *pronominā personalia* в говоримия език през среднобългарския период [МИРЧЕВ 1963: 163 – 165].

Книжовникът преводач следва традиционната практика кратките дателни форми на личните местоимения да изпълняват функция на непреки допълнения в изречението:

везвѣстнаа и тинаа прѣмѣждрѣсти твоѣжъ явилъ ми еси (46); *аще ли не довлѣжѣ ти и сѣа рѣ, глѣа и другѣе третѣе* (256); *что глѣши рѣци ми ѿѡане* (266); ... *нж и блѣгдариши его ѡ коемѣжѣ ѡ сѣлзчажѣцихъ ти сѣа люти, ѡстѣпнѣтъ ѡвода искѣшенѣа* (32a); *тѣмѣже и ѡсѣждѣ ми мнитъ сѣа на ѡнѣ стѣклѣти* (44a).

Макар и рядко, Дионисий Дивни употребява кратки дателни форми на личните местоимения вместо притежателни, т.е. в *ЙоЗЛПА* се срещат форми за дателен падеж на личните местоимения и в посесивна функция:

помыслите неразѡумѣе еретичѣское · *равѡмѣ ниже имена свѣлы, и влѣнее ти сѣщѣство многовѣщѣствоужѣтъ* (тоѡ Δεσπότης αὐτὴν τὴν οὐσίαν περιεργάζονται) · (256);

не зрѣнѣ ли едино доволно ѣ ѡжасити ти помыслѣ (σε καταπλήξαι) *и вѣ милованѣе привѣсти* · (30a).

Първият пример не е много сигурен, тъй като в гръцки стои показателно местоимение в единствено число – възможно е да става въпрос за по-свободно интерпретиране на текста на оригинала и *ти* да е форма за именителен падеж мн.ч. на *тѣ*, а не кратка форма за дателен падеж ед.ч. на *азѣ*. Във втория случай обаче съчетанието от лично местоимение във 2 л. ед.ч. винителен падеж и инфинитив на глагола *καταπλήσσω* е разширено със съществително име, при което личното местоимение неминуемо бива натоварено с притежателна функция.

По-категорични са примерите, при които кратки форми за дателен падеж на личните местоимения в посесивна функция предават форми на *сѡс* или такива за родителен падеж на *сѡ*:

и егда видиши пришѣша, сѣ ми ѡсѣтѣ тѣщанѣемѣ привѣгни къ влѣцѣ · *тако да видѣвѣ ти топлѣж* (ἵνα ἰδῶν σου τὴν θερμὴν) *и вѣзѣвиженѣж дѣшѣ вѣсѣ, невѣходнѣ толѣ прочѣе вѣмѣнитѣ вѣти мыслѣ твоѣж* · (30a).

Подобни примери в езика на Дионисий Дивни са редки, тъй като най-вероятно в това отношение той се придържа към характерния за търновската книжовна продукция от XIV в. стремеж да не се допускат в книжовния език елементи от говоримия език.

Въпреки че в писмените паметници от старобългарския и среднобългарския период се срещат и кратки форми за дателен падеж мн.ч. *нѣ* и *вѣ*, в *ЙоЗлПА* книжовникът преводач избягва и тях, като използва единствено дългите *намѣ* и *вамѣ*, което отново е в синхрон с принципното нежелание на търновските реформатори да допускат граматична омонимия (във винителен падеж мн. ч. също има форми *нѣ* и *вѣ*).

След предлог във винителен падеж се употребяват само кратките форми на личните местоимения и на възвратно-личното местоимение, когато предлогът на е в значение 'срещу, против; към':

и ничтоже тако тоѣже иже на *ны* хоженіе заграждати ѡбъчче, такоже мѣтва и моленіе прилежное. (30б); ... которѣже же не привлечеши на *са* мжкж. (9б); и еже въ исповѣдавъ толикж прїазнь привлече на *са* ѡ ба... (41б).

В съвременната езикова ситуация това е типично разговорно българско явление (напр. *говори (действа) срещу ни/срещу ви*; срв. с дългите форми в руски: *наговаривает на нас*).

И в това отношение Дионисий Дивни се придържа към характерната и за останалите представители на Търновската книжовна школа езикова практика [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 66 – 69].

В *ЙоЗлПА* енклитичната форма на възвратно-личното местоимение за винителен падеж *са* често се употребява дистантно спрямо глагола:

вѣроуите ми гроза ма съдръжитъ хотѣщю тѣ изглати. *лѣна* во *са* азыкъ ѡ изнести, иже повчаѣт *са* въ мисли ѡни вѣсегда. (10а); прочее *шждит* ми *са* правды вѣне. (13б); *вожши* во *са* и такоже *воженіа* нѣкаа своа дѣиства събвирѣщи ѡ коегоѣ ѡ чувѣствѣтъ тѣлесны, поусты ѡставляѣтъ оуды. (19б); не *воиши* ли *са* да не когда тебѣ бесѣдзжш... (30а); ... нж и блгодариши его ѡ коемѣѣ ѡ *сѣлзчажших* ти *са* люты... (32а).

Тези употреби са свързани с процеса на преосмисляне на формата на възвратното местоимение и превръщането ѝ във възвратна частица при рефлексивните глаголи (ДАВИДОВ 1993: 234).

В текста на *ЙоЗлПА* не се срещат лични местоимения в двойствено число – дуалната функция изцяло е поета от формите за множествено число.

II. Показателни местоимения

Тъй като липсват специални форми на личните местоимения за 3 л., още в старобългарския книжовен език формите на показателните местоимения предимно в именителен падеж се употребяват и като третолични [МИРЧЕВ 2000: 76, ДАВИДОВ 1993: 237]. В *ЙоЗлПА* за изразяване на 3 л. се използват всички *propotina demonstrativa* (без *онъ*, до което се прибъгва предимно при *противопоставяне* или *изброяване*), като се спазва изначалната им семантична диференциация – *онъ*, *она*, *оно* се употребява за посочване на отдалеченост в най-

широкия смисъл на понятието, *съ, си, се* – за близост, познатост, установеност и под., *тъ, та, то* – за общо посочване:

Тѣмже егда слышиши. тако снѣ тако вѣстѣ ѡца такоже тѣ снѣ, ничтоже възыскзи мнѡжае. (37а); ѡкрывает же не елико тѣ вѣ, нж еликоже мы вѣмѣцаемъ. (37б); *аще вѣрвали бисте мнѡсез, вѣрвали бисте и мнѣ. ѡ мнѣ бо тѣ писа.* (44б); *она бо аще и мнѡга сжтѣ. аще и ѡвѣсждѣ текжтѣ, не съѡходѣ къ ѡнои жизни.* (47б); непристѣпно же ѡно глет сѡ, еже ни вѣ началѣ възыскати сѡ можѣ. (18а); *аще же ѡни лювопржт сѡ вѣдѣти. въпроси, что когда ѣ сжщѣствѣ дѣша.* (36б); *си* бо близѣ стожтѣ. *ѡни* же самѣи прѣстолѣ сжтѣ бжѣи. (20а); и *сѣ* при рѣцѣ тигри тогда стоаше. (20б); *сѣ* же неджгѣ вѣсѣкого ѡвѣта лишенѣ ѣ. (21б).

Освен че не се наблюдава ясно изразено предпочитание към някое от показателните местоимения за изразяване на трето лице, липсват и по-строги правила за тяхната употреба в тази им функция (освен горепосочените условия). Това много добре личи от случаите, в които една и съща гръцка местоименна форма в един и същ библейски цитат бива предавана с различни *pronomina demonstrativa*, напр.:

единородный снѣ сын въ нѣдрѣ ѡчий ѡнѣ (αὐτὸς) исповѣда. (28а);

единородный снѣ сын въ надрѣ ѡчѣихъ тѣ (αὐτὸς) исповѣда. (33а).

Посочената семантична диференциация е характерна и за езика на Патриарх Евтимий, но при него се наблюдава по-строга обусловеност на избора кое точно показателно местоимение да бъде употребено във функция на третолично [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 66 – 67].

В косвените падежи количествено преобладават случаите, в които във функция на третолично се използва местоимението *тѣ*, напр.:

такѣ тако ѡ ба. того во ѡ части разумѣвае. (5б); нарицаимъ оубо того неизречеѣнаго и неѡвкъмыслимаго ба. (16б); съвѣстѣ разгѣни прѣ бѣмѣ, и тому покажи стрѡпы, и ѡ него лѣчвы попроси. (41б); *дан бо тѣ рѣ, не гладѣ хлѣба ниже жжжѣ воджж. нж гла еже не слышати слово гнѣ.* (47а); ѡ мнѡга изѡцѣства тѣми повѣжаем сѡ. (2а).

Такива употреби са характерни за търновската редакция на Закхеевия превод на триодните синаксари [ТАСЕВА 2010: 87], за славянския превод на Посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил, също възникнал в Търново през XIV в., и особено за езика на Патриарх Евтимий и на Григорий Цамблак [СЛАВОВА 2013:57].

Прави впечатление наличието на множество случаи, в които показателните местоимения са в постпозиция, с избледняло деиктично значение и биха могли да се разглеждат като носители на определеност, напр.:

и още и похотѣніе распалѣетъ тѣ, погасити то оудовѣ възможеши хрданъ съ (τὸν οἶκον τοῦτον) видѣвъ тѣчїа· (49a); малъи съ (ἡ μικρά αὐτή) рѣ· не к томъ ѣ малъ вывъ велїи· (2б); ... да не тѣчїа истрѣгнема, нѣ и съжежема здыи съ корень (τὴν πονηρὰν αὐτὴν ρίζαν)· (16a); сего ради и вы цркви ѡнож (τῆς Ἐκκλησίας ἐκείνης) въ неже родихом сѧ и въспитахом сѧ и наказани выхомъ... (43a); тѣмже и мы камень ѡнъ (τὸν λίθον ἐκεῖνον) въ ржкы имѣма· (43б); не чювестѣвныи. нѣ мыслѣныи камень варварскѣ ѡнъ (τὴν βαρβαρικὴν ἐκείνην) низложи глаж· (44a); ты же блажене ѡно сщїство (τὴν μακαρίαν αὐτὴν οὐσίαν) еже въсѣ строителствѣжще мнѡговещствѣжще не достоинъ ли еси трѣсновенїю· (13б); дрзгыи же любопрет сѧ мощно выти пандїж ржкы въсе то (πάντα αὐτὸν) мѣрацѣ прѣкити· (38б); тако ниже еже единъ бѣ· излагаетъ сѧ ѡ истиннаго и приснаго вѣтѣва· ниже ѡче то (τοῦ Πατρὸς αὐτὸ) тѣчїж показѣтъ· (34a).

В посочените примери липсват случаи, при които избледняването на деиктичната семантика при *pronomina demonstrativa* в славянския превод да е съпроводено с липса на съответно показателно местоимение в оригиналния гръцки текст. Когато в текста на оригинала е налице комбинация от определителен член и показателно местоимение, също не би могло да се определи със сигурност дали става въпрос за деиктична, или за анафорична функция на прономиналните форми. Това състояние е характерно и за езика на Патриарх Евтимий и неговите последователи. Представителите на Търновската книжовна школа избягват употребата на „некласически форми“, но същевременно не могат да пренебрегнат факта, че в говоримия език членната форма се употребява широко, което логично довежда до многократно увеличаване на броя на случаите (в сравнение с класическия старобългарски период), при които определеност се изразява с помощта на показателни местоимения [ИВАНОВА-МИРЧЕВА 1987: 302]. Убедителни доказателства, че членните форми през XIV в. се считат за книжовно явление, се съдържат в ръкопис НБКМ 674 от 1350 – 1360 г., където в текста на среднобългарския превод на 16-те слова на св. Григорий Богослов постпозитивните местоимения с анафорична функция са изстъргани или зачеркнати от коректора на превода [СПАСОВА 1994: 92, СПАСОВА 2014: 462].

В много редки случаи задпоставното показателно местоимение предава гръцки определителен член, което сочи, че е налице членна форма и в славянския текст:

просто и тоуне гль съ привръженъ въ (ἀπλῶς καὶ εἰκῆ τὸ ῥῆμα προσέρριπται)· (28б).

Подобни примери сочат, че твърдението за пълна липса на членни форми при търновските реформатори не е неоспоримо [СПАСОВА 1994: 92].

Формите за именителен и винителен падеж ед.ч. и мн.ч. на показателните местоимения *съ, си, се и тѣ, та, то* често се удължават:

сѣа и зчитель не съиіи ваниъ вѣсѣдоуѣтъ. (1а); *прѣвѣваетъ же, вѣра · надежда · любовь · трї сѣа · волши же сї любовь ·* (2а); аще во павелъ снѣ творитъ, мнѡжае паче хс̄ · (37б); снѣ во оплѣченїа привытокъ ѣ, еже тѣцати сѣ на болащѣхъ брани члстѣ · (47б); ниже вѡ азъ сѣа г̄ла, нѣ прѣци таа любовомъдрѣствоуѣтъ · (10а); сѣ съкрѣшенож мыслѣж · таа во ѣ кѣ нѣси вѣсхѡдащїа · (39б).

Нещо повече – във винителен падеж мн.ч. ж.р. вместо традиционната форма тѣи Дионисий Дивни употребява само удължената форма тѣмѣ:

и такоже воды дондеже вѡ по равнѣ земли текѣтъ и мнѡга вѣсприемаѣ пространѣства, не вѣзвѣжѣтъ сѣа кѣ висотѣ · вѣнегѣ же тѣмѣ рѣцѣ хѣдожника ѡ теченїа загражѣше съверѣтъ, оутѣшнѣемы стрѣлы вѣсѣкож вѣзвѣше кѣ висотѣ вѣзлѣтажѣтъ · (39б).

По аналогия посочената трансформация обхваща и формата за м.р. мн.ч. винителен падеж:

помыслы низлагаѣща и вѣсѣко вѣзношенїе вѣзносащѣе сѣа на разѣ бѣжїи · низлагати вѡ тѣмѣ, а не вѣзносити повелѣваемїи есмы · (44а).

Тези форми се срещат още в някои от класическите старобългарски паметници (Зографско евангелие, Савина книга, Супрасълски сборник и др.), а удълженият вариант за винителен падеж мн.ч. ж.р. е единственият употребяван и от Патриарх Евтимий. Вероятно той е възприет от търновските реформатори по две причини: първо, чрез него се постига унифициране в парадигмата на показателните местоимения от мекото и от твърдото склонение (тѣмѣ-снѣмѣ), и второ, неутрализира се опасността от смесване с формите на личното местоимение за 2 л. ед.ч. тѣи.

Дионисий Дивни много по-често си служи с местоимението-прилагателно инѣ (45 употреби) и много по-рядко употребява дроуѣтъ със същото значение (едва 13 употреби, като изключим редупликациите дроуѣтъ дроуѣга, дроуѣтъ дроуѣгоу, дроуѣтъ съ дроуѣгомѣ и т.н.).

Местоименните прилагателни снѣ и такѣ, получени от показателните местоимения сѣ и тѣ, в *ЙоЗЛПА* се срещат само във форми, разширени със суфикс -ов- – сицевѣ и таковѣ:

сѣа и сицевѣа искаахъ · (13а); *яко сицевѣ тѣмѣ волѣзни видѣ ѣ* · (15а); и многа такова ѣ съврати свѣтелѣства · (27а); *тогда вѡ поемлѣхѡ вставлѣжщїи таковѣхъ мѣтѣж, и вѣ вѣмѣ шно вѣнѣ хѡдащїи...* (29б).

В противовес на тази тенденция местоименията за посочване на признаци ѣликѣ и толикѣ (сѣликѣ не се употребява) се откриват само с непроменени форми. Това е характерно изобщо за българския книжовен език през периода

XII – XIV в. и за представителите на Търновската книжовна школа [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 69 – 70].

III. Анафорично местоимение

Парадигмата и употребите на анафоричното местоимение в *ЙозлПА* почти не се отличават от тези в класическите старобългарски паметници.

В косвените падежи то изпълнява функцията на третолично местоимение, като след предлози се появява епентетично *н*, напр.:

тѣчѣж притецѣмъ къ немъ и не ѿстѣпанѣмъ · (42б); и къ симъ же, тоу сын оубо раздѣлѣетъ съ ними же ѡ тѣцани мѣзды. (1а); и живѣщѣх на неѣ тако прѣгы · овода же, въси жъци тако каплѣ ѿ кади прѣ ними · (11б); вслышимъ во что рѣшѣ прѣци ѡ неѣ · (4а).

При предложна употреба във винителен падеж ед.ч. м.р. се регистрира употреба на формата *нъ*, характерна за редица предевтимиевски паметници, както и за езика на Патриарх Евтимий и Григорий Цамблак [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 68]:

аще во славѣ даѣ бѣи вѣроужи къ нъ, не вѣроужи емъ, безчестіе на своѣ ѡбращаетъ главѣ. (12б).

При безпредложна употреба във винителен падеж ед.ч. м.р. формата и последователно е изместена от родително-винителната *его*:

око во не видѣ и оухо не слыша и на срѣце члѣкоу не възыде, таже готова бѣ любаши его · (5а); глааше ѡ вѣрѣ. еже познати его и силѣ въскрѣніа его · (14а); хоулащен же его и хоулащен, своѣ погоулащѣтъ сѣнїе · (16б).

Формите за родителен падеж изпълняват посесивна функция:

... нѣ ѡбаче безвѣстнаа и тайнаа прѣмѣдрости его навъкъ... (4б); вѣи во рѣ гѣ и вѣи крѣпѣ его и разоумоу его нѣ числа · (4б); и миръ его прѣвѣсходитъ въсѣкъ оумъ · даръ его неисповѣдимъ. (5а); и крила и кому двѣ покрываща тѣлеса и · (20б).

И тези особености са характерни за книжовната продукция, възникнала в Търново през XIV в. [СЛАВОВА 2013: 59].

IV. Относително местоимение

В същинска релативна функция Дионисий Дивни употребява относителното местоимение в класическия му облик, без да се наблюдава тенденция формите *иже*, *таже*, *ѣже* да бъдат заменени от неизменяеми и общи за всички родове форми, явление, характерно за говоримия език през среднобългарския период [МИРЧЕВ 1963: 168; ХАРАЛАМПИЕВ 2001: 116]. Изпълнявайки ролята на връзка

между подчиненото и главното изречение, относителното местоимение се съгласува по род и число с името (съществително, прилагателно, причастие, местоименно прилагателно), към което се съотнася:

вЪзлюбленныи хъ въ іωаннѣхъ · иже на прѣси вЪзлегъи влѣнаж, и бжтѣвныи иствчники ѿ онѣдѣз почрѣпѣ · что вбо тѣ рѣ · (26б); что вбо аще покажемъ его вѣдѣща и ина нѣкаа, иже никтоже ѿ члѣкѣ навъикнѣ прочее · (37б); праведныи аггла видѣ и не сътрѣпѣ иже дрѣзновеніе толико имѣжи · (24б); *данїиле мѣжѣ желанїи · разсмѣки вѣ словесѣ си хъ иже азъ глѣ к тебѣ* · (19б); ниже два · ни трї ни сто · нѣ вѣса аже по вѣселенѣи грѣшники · (23а).

В *ЙозлПА* изобилстват примерите за употреба на относителното местоимение като средство за изразяване на определеност. За разлика от детерминирането, при което се използват задпоставни показателни местоимения в двучленна комбинация с име (най-често съществително или прилагателно), при изразяването на определеност с помощта на иже именната група винаги е сложна и многокомпонентна. Формата на относителното местоимение в такива случаи е относително неизменяема, защото тя не се изменя по падеж, но променя рода и числото си в зависимост от центъра на именната група [ХАРАЛИАМПИЕВ 1990: 79]. Тези нетипични за българския език построения възникват като резултат от стриктното следване на гръцкия синтаксис и калкирането на гръцкия определителен член в препозиция:

и звѣрское естѣство вдрѣжа, ради иже къ бѣу дрѣзновенїа (διὰ τῆς πρὸς τὸν Θεὸν παρρησίας) · (24б); тѣмже аще и братїа невѣрѣжеши, понѣ себе пощѣди · и иже вѣ твоѣ дѣшѣ вѣходѣ (τὴν κατὰ τῆς σῆς ψυχῆς εἴσοδον) загради ажкавомѣ вѣсѣ · (30б); ѿкждоу вбо намъ ѣ начати иже къ нї слова (τῶν πρὸς ἐκείνους λόγων) · (8а); не просто мнѣжѣство прѣлагаетъ, нѣ да навъикнеши яко иже съ съгласїемъ мѣтѣва (ἢ μετὰ συμφωνίας εὐχῆ), велїа иматъ сила · (22б); ... нї еже ω послоушани оуспѣдїе (τὴν περὶ τὴν ἀκρόασιν προθυμίαν), имѣнїомъ тѣщета погаситъ · (31б); кто во вашии не вдивитъ сѣ и почюдитъ ражеженѣи ревности · нелицемѣрнѣи любви, иже вѣ зчителѣ прїазни (τὴν περὶ τοὺς διδασκάλους εὐνοίαν) · еже къ дрѣгъ дрѣгѣ единомыслиѣ (τὴν πρὸς ἀλλήλους ὁμόνοιαν) · (43а); не ω съврѣшенѣмъ · нѣ ω еже ѿ члѣсти сїе рѣ оупражненїе (ἀλλὰ περὶ τῆς μερικῆς τοῦτο φησι, κατάρρησιν) · и еже на лучшее прѣсхоженїе (τὴν ἐπὶ τὸ βέλτιον πρόοδον) глѣ · (2а).

Примери за калкиране на гръцкия определителен член се срещат още в класическите старобългарски паметници, но фреквентността им в преводите от XIV в., особено при тези, извършени в Търново, значително нараства [ТИХОВА 1994: 396, ТАСЕВА 2010: 57 – 58, СЛОВОВА 2013: 61 – 62].

V. Притежателни местоимения

Формите на притежателните местоимения в *ЙоЗлПА* не се отличават от тези в класическите старобългарски паметници. Те предават или съответни гръцки *pronomina possessiva*, или родителни форми на личните местоимения от текста на оригинала:

сїи не мои (ἐμῶ) сѣтѣ нѣ павлови гѣи· (17а); вратѣ твои (σου) въ ѡздѣ, и ты въ разлѣкнени (30а); не слышасте ли како прѣпрѣродителехъ нашихъ (ἡμετέρων)· сто и двадесате вѣхъж вѣрнїи въси· (48а); хошъж нѣчто и къ вашей (ὕμετέραν) любки повесѣдовати· (21б); гѣи отрокъ мои (μου) съ лежитѣ въ дому разслабленъ люте мѣчимъ. (45б).

Както вече бе отбелязано, с посесивна функция могат да бъдат натоварени също анафоричното и показателните местоимения, тъй като липсва специална форма на притежателните местоимения за 3 л. В такива случаи формите на показателните местоимения са в препозиция, а на анафоричното – в постпозиция:

... нѣ како зѣо того тварь не видѣ... (37а); сего ради во· и сѣж разѣ оукрылъ ѣ бѣ ѡ многа прѣкѣзѣцѣства възѣцаж нѣ и вдрѣжаваж· (36б); и по ѡнѣхъ же ѡшестѣви, лїнкѡ достїгошъж памяти чѣсты· и не лѣпо прѣкѣвидѣти страдалецъ ѡнѣ блѣвнїа· (82а); ... и кропѣщїи лице ихъ стоуденож водож... (20а); и плѣца ї исплѣнъ ѡчесъ окръстѣтъ четыремъ. и подобїе нѣ главож ї сѣвьше· (20б).

Аналогично е състоянието и при останалите представители на Търновската книжовна школа. Също като тях и Дионисий Дивни не употребява използваните през среднобългарския период притежателни местоимения *еговъ/неговъ*, *еговъ*, *тоговъ* и *оноговъ* [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 71].

VI. Въпросителни местоимения

И трите въпросителни местоимения (*къто*, *что* и *къи*, *кага*, *кою*) се употребяват с формите, познати от класическите старобългарски паметници:

кто во вѣчѣ члѣскаго, развѣ дхъ иже члѣка въ нѣ· (33б); и что зѣо горшее сего вѣдѣ неразѡумїа· и что глѣ сѣщѣствомъ какова ѣ дша· (36б); къи вѣо ѣ корень зѣимъ. (10а).

Въпросителните местоимения *къто* и *что* се употребяват и във функция на неопределителни:

Бънегда аще хошѣ кто длѣжаишъж вѣсѣды жти сѣ... (32б); ... аще и такѡе десное око имаши кого дроуга· и того ижени и ѡсѣци ѡ лже къ сѣвѣ лювке аще сѣвлажнѣетъ тѣ· (6б); ... и аще что ино сї немоцинѣше и хоудѣише... (10а);

Формите на местоименното прилагателно с въпросителна семантика за количество и обем *коликъ* запазват класическия си облик:

видѣ ли *коликъ* ѣ горѣ страхъ; (5б); помысли въ *колицѣхъ* гворѣ тяжестѣ · *коликы* же ѡзыкы · *коликы* же высоты и мнѡжества садѡвъ · *коликы* же грады · и *колика* зданіѡмъ величства · и *колика* четѣрѣногый звѣрїи и гадѡвъ мнѡжества въсѣбьскы, на плещоу своею носитѣ · (11а).

За сметка на това обаче формите на местоименното прилагателно за признаци *какъ*, *кака*, *како* разширяват структурата си с наставка *-ов-*:

и что зко горшеє сего бждѣ неразѡумїа · и что гла сщцѣствомъ *какова* (ѡпоїа) ѣ дша · (36б).

Традиционно се счита, че разширените с наставка *-ов-* форми проникват в писмените паметници под влияние на говоримия език. В това отношение представителите на Търновската книжовна школа допускат компромис, но той е подчинен на строга системност – местоименните прилагателни за количество и размери *толикъ*, *селикъ* и *юликъ* запазват класическите си форми, а тези за означаване на качество (*таковъ*, *сицевъ*, *яковъ*, *каковъ*) са с модифицирана морфемна структура в сравнение със старинните си аналози [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 72]. Възможно е да става въпрос и за общ развоен процес при тази категория, характерен и за книжовния, и за разговорния език.

VII. Неопределителни и отрицателни местоимения

При тези местоимения не се регистрират отлики от състоянието през старобългарския период – те се образуват с помощта на частиците *нѣ-* и *ни-*, прибавени към *pronotina interrogativa*, като *въпросителните* добавят *допълнителна задпоставна частица же*, а *неопределителните* могат да бъдат получени и с помощта на *задпоставното наречие люво*:

ѡ *никтоже* видѣ нигдеже · (33а); а како се ѣ емѡ сщцѣства има, *никыиже* ѡ прѣркъ рѣ *никыиже* аплѣ назнамена · (38а); аще и инаа *нѣкаа* стѣрѣтъ ѡбѣстоитѣ тѡ, въсѣбь възмѡжеши вѡлити взра · (49а); хощѡ *нѣчто* и къ ваши любви побесѣдовати · (21б); аще и *что люво* творѡтъ, не ѡставлѣи врачеванїа любимичѣ · (15а).

Използват се и неопределителни и отрицателни местоимения, образувани от местоименното прилагателно с въпросителна семантика *кѡторѣи*:

тако и ѡ дши сълзчати сѡ ѡкыче, егда ѡ *нѣкѡторого* зжаса и боазни съд-рѣжаема ѣ · (19б); пакы прѣркъ поема ѡ немощи *нѣкѡторѡмъ*... (38б); *никыиже* ѡ прѣркъ рѣ *никыиже* аплѣ назнамена · *никѡторыиже* еѡлїстѣ (38а).

Старото неопределително местоимение *ѣтѣръ* не се употребява от Дионисий Дивни, а *онѣсица* се среща три пъти, но в рамките на едно изречение:

почто *онѣсица* *мжчимъ ѣ*, и *онѣсица* *милоуемъ ѣ*. почто *онѣсица* *прѣмѣнѣет са мжкы, съ же въ лютьи ѣ*. (13a).

Тук отново е налице сходство между лингвистичните предпочитания на Дионисий Дивни и тези на останалите представители на Търновската книжовна школа (ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 73).

VIII. Обобщителни местоимения

В *ЙозлПА* обобщителното местоимение *въсь*, *вста*, *всѣ* пази непроменен облик си, познат от класическите старобългарски паметници, като в двойствено число вместо *въсь* се използват формите на местоименното числително *оба*.

Дионисий Дивни употребява и познатите от класическите старобългарски паметници обобщителни местоимения, образувани от *pronomina interrogativa* и наставка *-ждо*:

не мѣнее *къждо* *ка* *болѣзнуѣ* *гаже ѡ сѣ* *вслѣшати словеса*. (8a); на *къждо* *збо днѣ* *тецѣмъ* *зде събраніе* *творацие*. (49a); и чисто *сжцѣство* *никтоже* *видѣ ѡ* *онѣ*, *такѣ ѡ* *еже* *различнѣ* *комъждо* *зрѣти*. (27a).

Тези местоимения често се използват и от Евтимий Търновски и Григорий Цамблак [ХАРАЛАМПИЕВ 1990: 73].

Прегледът на местоименната система в *ЙозлПА* показва категорична близост между лингвистичните предпочитания на Дионисий Дивни и тези на най-видните представители на Търновската книжовна школа. Сходство е налице при употребата на всички видове местоимения: при *pronomina personalia* се избягва употребата на кратки дателни форми вместо притежателни, кратките форми за дателен падеж мн.ч. *нѣ* и *вѣ* изобщо не се използват, а след предлог във винителен падеж се употребяват само кратките форми на личните местоимения и на възвратно-личното местоимение; членни форми се допускат изключително рядко и се засилва ролята на показателните местоимения за изразяване на определеност; във винителен падеж мн.ч. ж.р. при *pronomina demonstrativa* вместо традиционната форма *тѣ* се употребява само удължената форма *тѣа*, която се настанява по аналогия и в м.р. мн.ч.; при предложна употреба във винителен падеж ед.ч. м.р. при анафоричното местоимение се среща формата *нѣ*, а при безпредложна употреба във винителен падеж ед.ч. м.р. формата *и* последователно е изместена от родително-винителната *ѣго*; стриктно се следва синтаксисът на оригиналния текст, като гръцкият определителен член в препозиция се калкира чрез относителното местоимение, изразяващо определеност; не се употребяват използваните през среднобългарския период при-

тежатели местоимения *юговъ/неговъ*, *сеговъ*, *тоговъ* и *оноговъ*; местоименните прилагателни за количество и размери *толикъ*, *селикъ* и *юликъ* запазват класическите си форми, а тези за означаване на качество (*таковъ*, *сицевъ*, *такъвъ*, *каковъ*) разширяват морфемната си структура с наставка *-овъ*; използват се неопределителни и отрицателни местоимения, образувани от местоименното прилагателно с въпросителна семантика *котоури*, старото неопределително местоимение *ютиръ* не се употребява, а *онъсица* се среща изключително рядко; често се използват обобщителни местоимения, образувани от *pronomina interrogativa* и наставка *-ждо*.

Литература

- АНГЕЛОВ 1980: Ангелов Б. Търновският книжовник Дионисий Дивний. – Старобългарска литература. София, 7, 54–62.
- БУЮКЛИЕВ 1993: Буюклиев, Ив. Сложно склонение на прилагателните имена. Значение и функция на сложните форми на прилагателните имена // Граматика на старобългарския език. София: БАН. 203–206.
- ДАВИДОВ 1993: Давидов, А. Лични местоимения и възвратно местоимение. Нелични (родови) местоимения // Граматика на старобългарския език. София: БАН. 227–245, 247–250.
- ДИМИТРОВ 2014: Димитров, К. Средновековният славянски превод на словата против аномеите на св. Йоан Златоуст. // Средновековният човек и неговият свят. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико Търново: Изд. „Фабер“. 301–306.
- ИВАНОВА-МИРЧЕВА 1987: Иванова-Мирчева, Д. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането. София: Народна просвета.
- ИЛИЕВ 2012: Илиев, Ив. Теория на относителността. Българските относителни местоимения – произход и развой. Пловдив: Весела.
- КАЗЕНИНА 2002: Казенина Е. Т. „Маргарит“ и историко-културна ситуация на Руси XV–XVI в. – Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (10), 57–66.
- МИРЧЕВ 1963: Мирчев, К. Историческа граматика на българския език. София.
- МИРЧЕВ 2000: Мирчев, К. Старобългарски език. Велико Търново.
- СЕРГЕЕВ 2003: Сергеев, А. Рукописна традиция „Дионисиева Маргарита“. – В: *Slavia orthodoxa: Език и култура*. Сборник в чест на проф. Румяна Павлова. София: УИ Св. Климент Охридски. 351–357.
- СЛАВОВА 2013: Славова, Т. Славянският превод на Посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил. София: УИ Св. Климент Охридски.
- СПАСОВА 1994: Спасова, М. Към въпроса за възникването на членната форма в българския език // Лингвистични студии. Велико Търново, 89–99.
- СПАСОВА 2009: Спасова, М. Приписка с името на книжовника Дионисий в български ръкопис от 1355/1365 г. – В: България, земя на блажени. In memoriam Professoris Iordani Andreevi. Велико Търново: Ивис. 423–433.
- СПАСОВА 2014: Спасова, М. 16 слова на св. Григорий Богослов (фототипно издание на ръкопис НБКМ 674). София: УИ Св. Климент Охридски.
- ТАСЕВА 2010: Тасева, Л. Триодните синаксари в средновековната славянска книжнина (=Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, LIV). Freiburg i. Br.

- ТИХОВА 1994: Тихова, М. Към преводите на търновската книжовна школа // Търновска книжовна школа. Т. 5. Паметници. Поетика. Историография. Велико Търново, 391–400.
- ТУРИЛОВ 2005: Турилов, А. К истории търновского „царского“ скриптория XIV в. – В: Старобългарска литература. София: БАН Мерин Дринов. 33–34, 305–328.
- ТУРИЛОВ 2007: Турилов, А. Дионисий Дивный. – В: Православная энциклопедия. Том 15 (Димитрий – Дополнения к „Актам Историческим“). Москва: Издательство Православная энциклопедия, 339.
- ХАРАЛАМПИЕВ 1990: Харалампиев, Ив. Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски. София: Наука и изкуство.
- ХАРАЛАМПИЕВ 2001: Харалампиев, Ив. Историческа граматика на българския език. Велико Търново: Фабер.
- ЧЕРТОРИЦКАЯ 1989: Черторицкая, Т. Маргарит. – В: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград: Наука, 100–102.
- MALINGREY, DANIELOU, FLACELIÈRE 1970: Malingrey, A.-M, J. Daniélou, R. Flacelière. Jean Chrysostome. Sur l'incompréhensibilité de Dieu. I (Homélie I-V) (Sources Chrésiennes 28bis), 2e éd.. Les Éditions du CERF, Paris.
- MALINGREY 1994: Malingrey, A.-M. Jean Chrysostome: Sur l'égalité du Père et du Fils. Contre les Anoméens homélie VII-XII (Sources Chrésiennes 396). Les Éditions du CERF, Paris.

Abstract

The Pronominal System in the Middle Bulgarian Translation of the Homilies Against the Anomoeans by st. John Chrysostom

The article deals with the *pronominal system* in a hitherto linguistically unexplored text, namely the Middle Bulgarian translation of *Against the Anomoeans. On the Incomprehensible Nature of God* by John Chrysostom. This text consists of six *homilies*, comprising the first part of the book *Margarit (Pearl)*, a crucial component of the Slavic handwritten tradition. The study of the Slavonic translation of *Margarit* is very important for outlining the translation practice of the scholars of the *literary circle around* Theodosius of Tarnovo. Although the knowledge about the authorship of the translation is essential for the study of the history of the Bulgarian language, it is only for very few of the texts from this period, that the translator is known, and only a minor part of them are accurately dated and localized.

The survey is based on the earliest Bulgarian transcript – manuscript F.I.197, kept in The *National Library of Russia*, Saint Petersburg – written in the middle of the fourteenth century. The manuscript is considered to have been composed during the lifetime of his translator – the scholar Dionisiy *Divnyi*. The article highlights a high degree of similarity between the linguistic devices used by Dionisiy *Divnyi* and the language of the other representatives of the Tarnovo Literary School.

**НЕКОТОРЫЕ УНИКАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ***

Kornél KOVÁCS

0. Введение

В настоящей статье рассматривается особая семантическая группа лексики древненовгородского диалекта: названия текстильных материалов – часть словарного запаса торговли. Этимологический и морфологический анализ служит лексико-семантическим целям. Данный анализ является частью более крупного исследования, направленного на именное словообразование древненовгородского диалекта. Ожидаемым результатом анализа является подтверждение того, что древненовгородский диалект не был интегрированной частью древнерусского языка, а существовал как восточнославянский территориальный языковой вариант. Запланированным исследованием будет освещено и то, как отражаются в номинации разновидностей одних и тех же текстильных материалов территориальные и хронологические отличия.

В текстах древненовгородских берестяных грамот встречается значительное количество названий текстильных материалов. В нашем анализе все они присутствуют.

Корпус для анализа был собран из текстов берестяных грамот. Языковой материал древненовгородского диалекта доступен в большом количестве благодаря открытию берестяных грамот и их систематизированию 1) А.В. Арциховским, М.Н. Тихомировым, В.И. Борковским, В.Л. Яниным, А.А. Гиппиусом, Р.И. Аванесовым и А.А. Зализняком в монографиях в серии «Новгородские грамоты на бересте» (раскопки берестяных грамот из 1951-2014 гг.) и 2) А.А. Зализняком в монографии «Древненовгородский диалект». Материал раскрытых до 2003 г. берестяных грамот также доступен на сайте «www.gramoty.ru». В вышеупомянутых научных трудах анализируется морфология, синтаксис и фонетика древненовгородского диалекта, в «Древненовгородском диалекте» (2004) Зализняк касается и словообразования, и лексики указанного диалекта.

Данные для анализа сгруппированы по происхождению. Они представляют 1) иноязычные заимствования и 2) образцы славянского словообразования. Наличие иноязычных заимствований в древненовгородском диалекте связано с географическим положением, историческими и политическими условиями древнего полиса Новгорода. Официальной датой основания города считается 859 г. Город рано стал центром торговли. Иноязычные заимствования перешли

* Статья является отредактированным вариантом доклада, прочитанного на конференции «Conference for Young Slavists in Budapest» 05.05.2016.

в древненовгородский диалект в основном путем торговли. Новгород был расположен на пересечении торговых путей. «Волжский торговый путь вел с востока на запад, Путь из Варяг в Греки от Балтийского моря в Византию, и пути Ганзы: из Лондона в Новгород» [Янин 2008]. Благодаря такому выгодному расположению и чужеземным торговым партнерам, в лексике древненовгородского диалекта в довольно ранний период появились заимствованные слова со всех четырех сторон света.

В анализе нумерация берестяных грамот совпадает с нумерацией, которая отражает не возраст, а порядок раскопок грамот. Подробная система нумерации находится в работе ЗАЛИЗНЯКА 2004: 873-874.

1. Заимствованные названия текстильных материалов

Внутри этой тематической группы имеются 4 заимствованных слова. Заимствованные слова в нашем анализе расположены по хронологическому порядку зафиксирования. Названия текстильных товаров в памятниках древненовгородского диалекта встречаются с XII до XV вв.

1.1. фѳѳдыа 'род драгоценной ткани' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 296-297]

Это слово было зафиксировано впервые около 1140-1160 гг. в тексте грамоты № 675.

Срезневский в своем словаре [СРЕЗНЕВСКИЙ 1912/3: 1357] реконструирует значение как 'восточная золототканная материя' из ПВЛ под 6420 г., (что соответствует по современному летоисчислению дате 971 г.) и приводит предложение из источника ПВЛ, сохранившегося только в более позднем списке:

«Ц(а)рь же Леонъ почти послы Рог(с)кыѣ дарни, злато(и) и паволокани и фѳѳдыаи.»

Изучаемое слово встречается в Суздальской летописи под 1115 г. и в Лаврентьевской летописи под 6623 г. (что соответствует 1364 году) в следующем предложении, где семантика слова не объясняется:

«И повелѣ Колодимеръ метати паволокы, фѳѳдыю и орничѣ, вѣль, людеиъ силно налегшииъ, а вѣша легко дошли церке.»

В отрывках не определяется точное значение слова «фѳѳдыа», но из контекста выясняется, что это должен быть какой-то товар. Историю слова изучал Фасмер [ФАСМЕР 1986/4: 205]. Он реконструирует значение как 'драгоценная ткань для императорских одежд' и считает, что русское слово является заимствованием среднегреческого *φουφοῦδιον. Известно, что Византия имела прямой контакт на территории Древней Руси только с Новгородом, поэтому первичное заимствование могло реализоваться только между византийским греческим языком и древненовгородским диалектом. Слово в текст ПВЛ вошло при древненовгородском посредничестве. Это слово не сохранилось в современном русском языке.

1.2. *хамъ* 'полотно' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 541]

Слово появляется в первой половине XIV-го века, около 1320-1340 гг. в тексте грамоты № 288.

Оно, по всей вероятности, является корневой формой, поскольку Срезневский в своем словаре [СРЕЗНЕВСКИЙ 1912/3: 1359] цитирует форму прилагательного из источника «Явка сельского прикащика Второго Васильева и разныхъ крестьянь» в форме *хамыганъныи* под 1579 г. без указания на его значения в предложении: «со второго снали однорядкъ синю, съ пугвицами съ хамыганъныи».

Далю в своем словаре были известны также только устаревшие производные формы этого слова, такие как *хамовникъ* 'ткачъ, полотнящикъ, скатертникъ', откуда и название части города в Москве - Хамовники. *Хамовное дело*, ткацкое, полотняное дело [ДАЛЬ 4: 542].

На основании словаря Даля и источника из XVI-го века вероятно, что употребление корневой формы было характерно лишь древненовгородскому диалекту, но производные формы были известны в русском языке до XIX-го века.

Этимология слова *хамъ* до последних времен не была изучена. Подробности его происхождения были впервые освещены в 2016 г. в статье Клары Адягаши.

По мнению AGYAGÁSI 2016, это слово является бродячим: китайск. **kiəm-χ*¹⁶ → западно-древнетюркск. *qamgi* → волжск-бул. *xamī* → др. новг. *хамъ* 'драгоценная шелковая ткань, дамаст, камка'.

Слово *хамъ* в древненовгородском диалекте является корневым существительным, которое встречается в других древнерусских вариантах только в производных словоформах: *хамыганъныи* («со второго снали однорядкъ синю, съ пугвицами съ хамыганъныи») «Явк. Вт. Вас. 1579 г.» [СРЕЗНЕВСКИЙ 1912/3: 1359]. Как на это было указано, корневое слово в такой форме было употреблено лишь в древненовгородском диалекте, но в XIX-ом веке оно встречалось в устаревшей словоформе: *хамовник* 'ткач'. Вероятно, на основании этого и возникло предположение Зализняка о том, что слово *хамъ* означало 'полотно' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 541]. При обращении к тексту берестяной грамоты, содержащей слово *хамъ*, становится ясным, что в древненовгородском диалекте *хамъ* означал не простое полотно, а дорогой товар: «хамъ г локти золотникъ зеленого шолкоу дрозгии церленого третии зеленого желтого золотнъ вклилъ на вълкоу мыла на вълкоу возргалскога а на дрозгою вълкоу.» (...хама 3 локтя..., золотник зеленого шелка, другой красного, третий желто-зеленого, золотник белил на белу, бургалского мыла на белу, а еще на одну белу).

Слово с этим значением было известно в других древнерусских языковых вариантах в звуковой форме: *камка*, ср. *камка* 'шелковая цветная узорчатая ткань' [СДРЯ 7: 48].

«Е Бедеръ же торгъ на кони, да на товаръ, да камкы, на шелкъ и на всякои инои товаръ» - Х. Афан. Никит., 16 XV-XVI вв. ~ 1472 г.

Agyagási (2016) доказала, что слово «камка» этимологически восходит к тому же самому китайскому существительному, как и слово «хамъ». Результаты анализа показывают, что в древненовгородском диалекте это слово является волжско-булгарским (западно-древнетюркским) заимствованием, а другие древне- и среднерусские варианты восходят к одному из тюркских языков восточного типа.¹

1.3. водмолъ 'род грубого сукна' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 518, 597; ЗАЛИЗНЯК–ЯНИН 2013: 5-6]

Это слово встречается в тексте грамоты № 56 около 1240-1260 гг., в тексте грамоты № 130 около 1360-1380 гг. и в текстах грамот № 1023 и № 1032 (дата возникновения которых еще не установлена).

Фасмер в своем словаре [ФАСМЕР 1984/1: 331] упоминает это слово как прозвище (Гриноръ Бодмолъ) и указывает на разные возможные языки-источники: древнеисландский *vaðmál*, древнешведский *vaþmál* или средненижне-немецкий *vâtmâl*. Однако Фасмер не мог выбрать тот вариант, который на основании фонетических, морфологических или семантических критериев без сомнений мог бы быть прототипом древненовгородского слова.

Зализняк в своей монографии (2004) изучал возможное происхождение этого слова, и впервые он определил его источник как средненижне-немецкий *wâtmâl*, *wâtmel*, *watman* [ЗАЛИЗНЯК 2004: 597]. Но позже в его статье (2013), написанной в соавторстве с Яниным [ЗАЛИЗНЯК–ЯНИН 2013: 4-5], это мнение было отвергнуто и языком-источником был определен древнешведский язык. Хотя у Зализняка и Янина отсутствует этимологическая аргументация древнешведского происхождения, такую гипотезу можно принять правильной на основании фактов фонологической системы древнешведского языка. В фонологической системе восточного типа древнескандинавского языка² существовал специфический гласный, нейтральный по горизонтальному движению языка: краткое /a/ и долгое /a:/. В ранне-древнешведском языке (1225-1375 гг.) звук /a:/ перешло в /ɔ:/, у которого позже появилась краткая пара /ɔ/ в позициях, где оригинально стоял звук /a/ [RIAD 2002: 896-897]. В древненовгородском диалекте звук [ɔ] отсутствовал, но он был больше похож на звук [o], чем на звук [a], и таким образом в Новгороде субституировался через «o». Процесс заимствования ренонсируется следующим образом:

Др.вост.ск. **vaþmál* [vaðma:l] > др. шв. **vaþmál* [vɔðmɔ:l] > др. новг. водмолъ [vodmol]

Это слово кроме древненовгородского диалекта в других древнерусских вариантах не встречается.

¹ Эти факты свидетельствуют о том, что в тексте, процитированном в словаре Срезневского, речь идет о тканевой пуговице, сделанной из шелка или дамаста.

² Предок древнешведского и древнедатского языков.

1.4. зѣндѣнѣца 'ткань из Бухары' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 657]

Этот тип наименования ткани был зафиксирован около 1400-1420 гг. в тексте грамоты № 125.

По свидетельству СДРЯ (5: 381-382), слово имело разные морфологические варианты в древнерусском языке: зѣндѣнь, зѣндѣнѣ.

Редакторы СДРЯ определили их значение следующим образом:

«Шѣба лисѣа подѣ зѣндѣню.» Арх. Стр. I. 490. 1568 г. 'хлопчатобумажная ткань'

«Да привезъ Сергии зѣндѣнь велю еє дршин на ризы.» Кн. Прих. Корел. М. № 941, 30 об. 1575 'кусок этой ткани определенной длины (около 16 локтей), мера при штучном счете тканей'.

В тексте берестяной грамоты:

«поклонѣ от маринѣ къ снѣ к моему григорю купи ми зѣндѣнѣцю добру а кзну газѣ дала двѣдз привѣвшѣ и тѣ чадо издѣки при собѣ да привези сѣмо».

Как на это указывал Зализняк (2004: 657), ткань этого типа была известна на Руси как товар из Бухары и слово является заимствованием персидского *zandanīcī*, *zandanījī* от топонима *Zandane*, что является субстантивированным прилагательным (дословно значит 'зендянский').

В новгородской грамоте сохранилась старая морфологическая структура слова, которая содержала корень, персидский суффикс «c» в форме «с»³ и окончание женского рода.

перс. *zandan+īcī* → др. новг. зѣндѣнѣ+ѣц+а

В других древнерусских языковых вариантах этого слова суффикс «c» не присутствует. Это объясняется либо тем, что слово «зѣндѣнь» восходит к древне-новгородскому варианту, в котором элемент *-ьц-* был осмыслен как славянский уменьшительный суффикс, что позволило в дальнейшем его отбросить:

др. новг. зѣндѣнѣ'-ѣц-а → др. русск. зѣндѣнѣ

либо в других древнерусских вариантах форма «зѣндѣнь» появилась из другого персидского источника, и она была адаптирована по аналогии с названиями других городов (например Ярославль), восходящих к праславянскому притяжательному прилагательному, образованному суффиксом **-jъ*.

³ Персидский /c/ в древне-новгородском диалекте в результате фонетического явления цоканья реализовался как звук /с/.

2. Названия текстильных материалов восточнославянского происхождения

В этой группе встречаются названия по способу образования:

- существительные, образованные субстантивацией прилагательных в женском роде;
- существительные, образованные при помощи суффиксов.

2.1. Субстантивация прилагательных в женском роде

В этой группе имеются только существительные, означающие «ткань какого-то цвета» (соответствуя значению исходного прилагательного).

Следующие слова являются уникальными образованиями, характерными только древненовгородскому диалекту. Морфологически они – существительные женского рода, 3-го склонения. Грамматический род объясняется аналогией со словом «ткань» (*тка-+нь* → *ткань* 'то, что ткано'), поскольку эти существительные также обозначают ткани разного цвета. С помощью суффикса *-нь* образуются имена существительные от глаголов [ВАРБОТ 1969: 76], поэтому данный морф не мог добавляться к именам прилагательным. Но, по аналогии с образованием и семантической функцией суффикса *-нь*, окончание *-ь* могло присоединяться к корням прилагательных и выполнять те же функции.

Варбот в своей монографии (1969) опирается на данные словаря Срезневского, но этот тип образования ей не трактуется. Черных рассматривает образование от прилагательных с цветовым значением в древнерусском языке [ЧЕРНЫХ 1959: 89-91]. Данные показывают, что в памятниках древнерусского языка такой тип образования не встречается. Обозначенные факты также подтверждают, что данную модель образования можно обнаружить только в древненовгородском диалекте. В других древнерусских языковых вариантах эти слова не существовали, но в конце XIV-го века встречаются существительные, образованные по этой модели, но с другой семантикой: *главь* [СРЕЗНЕВСКИЙ 1: 546], *зелень* [СРЕЗНЕВСКИЙ 1: 969], *червлень* [СРЕЗНЕВСКИЙ 3: 1555-1556] - 'главный цвет ткани'.

2.1.1. *хѣръ* 'ткань серого цвета' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 597] от прилагательного *хѣръ*

Слово появляется в тексте грамоты № 130 около 1360-1380 гг.

В словоформе *хѣръ* не произошла вторая палатализация - это является специфическим фонетическим явлением древненовгородского диалекта. В других древнерусских вариантах встречается форма, в которой это изменение произошло:

«Дарокъ 40 корабленикъ 5 поставокъ Илскихъ лошакиъ сѣръ.» Львов. лет. I, 318, 1476 г. [СДРЯ 24: 93]⁴

Существуют мнения о том, что между семантикой слов *водмоль* и *хѣръ* имеется синонимическое отношение, или же они означают другие виды одного и того же продукта [ЗАЛИЗНЯК 2004: 597]. На мой взгляд эта теория опровергается тем, что эти существительные встречаются как элементы перечисления в одном и том же тексте [там же]. Если бы они были синонимами, они не употреблялись бы в одном тексте. Разница между ними может быть в типе материала. Тот, который называется «водмоль» - это шерстяная ткань, а то, что из чего производилась *хѣръ*, точно не известно.

2.1.2. *зелень* 'ткань зеленого цвета' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 609] от прилагательного *зеленъ*

Это слово встречается в тексте грамоты № 262 около 1360-1380 гг.

2.1.3. *цѣр[ѣ]мень* 'ткань красного цвета' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 713] от прилагательного *цѣрмень*

Слово было зафиксировано впервые в тексте грамоты № 713 около 1200-1220 гг.

В слове *цѣрмень* /*чермень*/ обнаруживается явление «второе полногласие», смешение «ь» и «ѣ» и фонетическое явление цоканье, характерное древненовгородскому диалекту.

Зализняк рассмотрел существительные, означающие цветные тканые материалы и пришел к выводу, что их образование осуществляется и такой же словообразовательной модели [ЯНИН-ЗАЛИЗНЯК 1986: 179-180]. Но он не называет этот тип образования субстантивацией и не уточняет, в чем состоит эта словообразовательная модель.

2.2. Суффиксальные образования

Следующие морфемы являются суффиксами из праславянского периода. Они были интегрированными элементами древнерусского словообразования.

2.2.1. Суффикс *-щин(а)*

рѣдаквишна /*рѣдаквишна*/ 'ткань буро-красного цвета' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 426]

Слово встречается в тексте грамоты № 713 около 1200-1220 гг.

⁴ После того как Новгород потерял свою независимость и стал частью Московского княжества (1478 г.), словоформы без результата второй палатализации вытеснялись формами с результатом второй палатализации: «*Очи белы с сѣрью...*» 1593 г. [Новг. каб. кн.: 150]

Это существительное тоже имеет значение «ткани какого-то цвета», однако оно было образовано не путем субстантивации от корневого прилагательного, а от производного прилагательного (рѣдавѣи 'буро-красный цвет') при помощи суффикса *-щина*. Эта словообразовательная единица восходит к праславянскому периоду и является сложным суффиксом от суффиксов *-ск-* и *-ин(а)* (как в слове мужчина ← *mǫžьsčīna* ← *mǫž|ь + ьsk + in+a*) [ЭССЯ 20: 166], то есть изначально употреблялся в существительных, образованных при помощи суффикса *-ин(а)* от прилагательных с суффиксом *-ск-*. Таким образом, семантическая функция суффикса *-щина(а)* основывается на семантической функции исходного суффикса *-ин(а)*, который восходит к праславянскому притяжательному суффиксу и образует существительные женского рода, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим именем прилагательным.

Был известен в древнерусском языке вариант суффикса *-щина(а)* в форме *-чин(а)*, которая встречалась и в слове «ржавчина» [СДРЯ 22: 160] от прилагательного «ржавѣи»: '1. покрытый ржавчиной 2. покрытый пятнами желтого или бурого цвета, появившимися в результате окисления жира 3. с водой бурого цвета, содержащей продукты окисления железа' [СДРЯ 22: 159].

В древненовгородском диалекте слово «рѣдавщина» могло образоваться от прилагательного «рѣдавѣи» по аналогии с морфологической структурой и семантикой (значение цвета) вышеупомянутого слова «ржавчина». Это производное слово и семантическая функция суффикса (название ткани) были характерны только древненовгородскому диалекту.

ржа + ав + чин+а → ржавчина

рѣд + ав + щин+а → рѣдавщина

В суффиксе обнаружена описка, которую вызвали окружающие гласные (...цѣто ти рѣдавѣшене...). Также в слове добавляется звук «е» для избежания закрытого слога.

2.2.2. Суффикс *-ин(а)*

голубина 'ткань голубого цвета' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 426]

Это существительное появляется в текстах грамот № 713 около 1200-1220 гг. и № 263 около 1360-1380 гг.

Оно было образовано от корневого прилагательного, так же как хѣръ, зѣлень, чермень, но в этом случае субстантивация привела бы к омонимии: (*голубь > голубѣи > голубь). Поэтому в образовании слова участвует суффикс *-ин(а)* по аналогии с существительным «зѣцинка». Слово «голубина» со значением названия тканного материала кроме древненовгородского диалекта нигде не встречается.

зџцинка 'узкая холстинка' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 650]

Это производное слово встречается в тексте грамоты № 21 около 1410-1420 гг. Это образование могло появиться уже в праславянском языке. Об этом свидетельствует результат первой славянской палатализации.

ранне-прасл. **ozьk+in+a* → прасл. **uzьċina* → др. новг. зџцина⁵

Суффикс *-ин(а)* в древненовгородском диалекте является продуктивным словообразующим суффиксом и встречается в отыменных деривациях, означающих какой-то предмет (кроме вышеуказанных существительных см. KOVÁCS 2016: 52). В этом слове обнаружен еще суффикс *-к-*, который выполняет уменьшительную функцию. В других древнерусских памятниках слово встречается в XVI-ом веке.

2.2.3. Суффикс *-ьц(ь) > -ец(ь)*

Следующие производные слова, по мнению Зализняка, являются уменьшительными формами к корневым существительным (см. 1.2, 1.3).

хльчъ [ЗАЛИЗНЯК 2004: 267], слово встречается в тексте грамоты № 644 около 1100-1120 гг.

кодльчъ [ЗАЛИЗНЯК 2004: 481], слово было зафиксировано в тексте грамоты № 927 около 1240-1260 гг.

Эти существительные производились с суффиксом *-ьц(ь)* (> *-ець*) от заимствованных существительных. В них отражается фонетическое явление «чоканье». ВАРБОТ в своей монографии (1969: 82) упоминает только отглагольную функцию этого суффикса: в отглагольных существительных он передает значение действующего лица. Этот суффикс в данных существительных имеет либо уменьшительную функцию, либо служит для формального маркирования освоения новгородцами иностранных слов (в древненовгородском диалекте суффикс *-ець* был продуктивным [KOVÁCS 2016: 47-49]).

2.2.4. Суффикс *-ищ(е)*

портџиџе 'отрез ткани, кусок ткани' от портџъ 'одежда' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 608-611]

Существительное появляется в тексте грамоты № 262-263 около 1360-1380 гг.

Это слово было образовано от существительного портџъ (означающего одежду) [СДРЯ 17: 129] при помощи суффикса *-ищ(е)*, которое передает значение «часть предмета, названного мотивирующим именем существительным».

кльџтиџиџе 'домотканый холст, род полотна, тканого клетками' [ЗАЛИЗНЯК 2004: 452-453, 468-469]

⁵ Результат палатализации, звук /ċ/, в древненовгородском диалекте из-за явления чоканья реализуется как звук /c/.

Слово встречается в текстах грамот № 108 около 1200-1220 гг. и № 718 около 1220-1240 гг.

По мнению ученых, это существительное имеет такое же значение, как существительное *кѣтчатина* (варианты: *кѣтчанина*, *кѣтганина*) [СДРЯ 7: 167]. Если это так, то функция суффикса отличается от основных его функций, так как основные функции этого суффикса:

- от основы существительного образует существительные среднего рода со значением «место, где находился прежде или находится в данный момент предмет, названный мотивирующим именем существительным»;

- от основы существительного образует имена существительные со значением «часть предмета, названного мотивирующим именем существительным».

По данным ВАРБОТ (1969: 92) подтверждается, что этот суффикс присоединяется к отглагольным корневым существительным и иногда к глаголам, но, как видно на примере слова «*кѣттище*», в древненовгородском диалекте этот суффикс присоединился к неотглагольному корневому существительному.

пороть → пор- + ть → порт|ть + ище → портище

кѣт|ть + ище → кѣттище

Первая функция наблюдается в слове «*портище*». Но в слове «*кѣттище*» ни одна из указанных функций суффикса не обнаруживается, и таким образом возможно, что это слово оригинально означало «место, где производили эту ткань». Потом это значение распространилось на производный предмет и изменилось (метонимия), либо это слово было образовано по аналогии (например со словом «*портище*»).

3. Выводы

Материал показывает, что большая часть проанализированных существительных является «новгородизмами». В случае нескольких заимствованных слов можно предположить, что они распространялись в другие древнерусские говоры с новгородским посредничеством. Уникальность этих существительных состоит в том, что они употреблялись только в древненовгородском диалекте, и в том, что они не вошли в лексику древнерусского языка после того, как Новгород стал частью Московского Княжества. Причиной этой уникальности может быть то, что эти существительные употреблялись в древненовгородских социолектах, на которых торговцы из Новгорода общались между собой и в деловых переписках. Употребление таких социолектов отличает древненовгородский диалект от остальных восточнославянских вариантов и доказывает самостоятельное развитие этого языкового варианта.

Приложение

Названия тканей

Древненовгородский диалект	Другие древнерусские варианты
фофѣдѣа ~1140 г.	фофѣдѣа - Пов.вр.л. 912 г.
хамѣъ ~1320 г.	(хамыганнѣи) - Явк.вт.вас. 1579 г.
водмолѣъ ~1360 г.	
зѣндѣанѣца ~1400 г.	зѣндѣнѣъ - Арх.Стр.1 1568 г.
хѣръ ~1360 г.	
зелѣнѣъ ~1360 г.	
цѣрѣмѣнѣъ ~1200 г.	
розѣдавѣщѣна ~1200 г.	
голѣвина ~1200 г.	
зозѣцинѣка ~1410 г.	зѣзѣчина - Оп.Кор.Ник.мон. 1551 г.
водмолѣчь ~1240 г.	
хамѣчь ~1100 г.	
портѣщѣ ~1360 г.	портѣщѣ - Расх.кн. 1584-85 гг.
кѣлѣтѣщѣ ~1200 г.	~кѣлѣтѣчѣтина - Кн.прих.расх.Ант.м. 1584 г.

Библиография

- ВАРБОТ 1969: Ж.Ж. Варбот, Древнерусское именное словообразование, Москва: Наука
 ДАЛЬ 1882: Владимир Даль, Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах, Санкт-Петербург-Москва, Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
 ЗАЛИЗНЯК 2004: А.А. Зализняк, Древненовгородский диалект 2-е издание, Москва: Языки славянской культуры.
 ЗАЛИЗНЯК-ЯНИН 2013: Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг. // Вопросы языкознания 4: 6–13.
 СДРЯ: Словарь русского языка 11-17 вв. 1-. Москва: Наука 1975-.

- СРЕЗНЕВСКИЙ 1893–1912: И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам в 3-х томах, Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук.
- ФАСМЕР 1984: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка в 4-х томах, Москва: Прогресс.
- ЧЕРНЫХ 1956: П.Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии, Москва: Издательство московского университета.
- ЯНИН 2008: В.Л. Янин, Очерки истории средневекового Новгорода, Москва: Языки славянских культур.
- ЯНИН-ЗАЛИЗНЯК 1986: В.Л. Янин, А.А. Зализняк, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.), Москва: Наука.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков под ред. Трубачева О.Н. Наука Москва 1963-.
- AGYAGÁSI 2016: Klára Agyagási, On Some Oriental Elements in Old Novgorodian and Other Old Russian Dialects // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 69: 391-396.
- KOVÁCS 2016: Kornél Kovács, Функциональная разница в употреблении суффиксов *-eśь*, *-ina*, *-ičь* в текстах берестяных грамот и других древнерусских памятников // Slované: souznění a konflikty. Praha: Russia Altera, 3-56. (Russia Altera, svazek 27, řada Slavica, svazek 14)
- RIAD 2002: Timas Riad, The Phonological Systems of Old Nordic II: Old Swedish and Old Danish // Handbooks of Linguistics and Communication Science 22.1: 896-911, Herbert Ernst Wiegand (ed.), Berlin.

Abstract

On Some Unique Names of Textile Materials in the Old Novgorod Dialect

In this paper, the author analyses some unique nouns denoting textile materials, which were used exclusively in the Old Novgorod Dialect. These nouns are from the texts of the Old Novgorod birch-bark letters published so far. These nouns can be divided into two groups: 1) loan-words and 2) specific derivations of the Old Novgorod dialect – nominalised adjectives and nouns containing suffixation. Analysing the second group in detail, we learn that the majority of the derived forms is unique to the Old Novgorod dialect, and in the case of suffixation, the types of derivations do not differ from the Slavic norms. The development of these unique forms confirms the view, that the Old Novgorod dialect was an independent Old East-Slavic language variety and as a result, the word forming tendencies could evolve independently in it.

**АГЕНТИВНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ РУССКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЛЕКСИКОНЕ**

Klára AGYAGÁSI

0. Введение

Русско-марийские непосредственные языковые контакты¹ начались в XVI веке [см. BERECZKI 1968, САВАТКОВА 1969]. На раннем этапе контактов было характерно заимствование предметов бытового обихода, терминов крестьянского образа жизни, названий растений, животных и т. п., источником которых чаще всего являлись простые производные слова русского языка. Если они были производными, характерные русские слово- и формообразующие морфологические средства в марийских соответствиях не сохранялись. Это объясняется тем, что вначале русские слова были освоены марийским языком соблюдая прамарийские структурные и фонетические правила (хотя прамарийское единство в географическом смысле тогда уже давно не существовало), сильно отличающиеся от русских [BERECZKI 1994]. (О возможном ходе географической дифференциации марийского языка см. AGYAGÁSI 2000: 161.) Сложные русские фонетические структуры, среди них и суффиксальные образования начинали укореняться в марийском языке в эпоху Петра I, после того, как в Среднем Поволжье была введена система русской государственной администрации на территориальном основании (были созданы губернии, волости, уезды)², и местное население имело больше официальных контактов с русскими. Основное русское население на территории Марийского края исторически составляли переселенцы из Вятской земли (Казанцев 2003: 4), диалектная речь которых принадлежит к северо-восточному (вологодско-вятскому) говору северного диалекта русского языка [СМОЛЯКОВА 1977: 5–8]. Но с течением времени в западно-марийских областях усиливались и среднерусские и даже южнорусские явления (Казанцев, там же). Заимствованные русские диалектные слова еще до появления марийского литературного языка подвергались марийским фонетическим изменениям. А после создания русского, а

¹ Статья является подготовительным исследованием для второго, тематического тома Этимологического словаря марийского языка (первый том см. BERECZKI G.–AGYAGÁSI, K. 2013), содержащего русские заимствования.

² Этот период – начало XVIII века – как раз оказывается переходом между старорусским и современным русским языковыми состояниями с точки зрения истории русского языка. Но так как на географическом ареале изученных языковых контактов не сразу распространился русский литературный язык, и участники контактов являлись носителями диалектной речи, справедливо будет определить время общения как поздне-старорусское.

позже марийского литературного языка и письменности русские слова перешли в марийский в большом количестве и без изменений.

Ниже будут изучаться производные слова с агентивными суффиксами, которые заимствовались марийскими диалектами до современного периода марийского языка, и отражают некоторые особенности русской и марийской диалектной фонетики и лексики. Но акцент будет поставлен на разнообразие продуктивных агентивных суффиксов старорусского периода в диалектах русского языка.

1. Агентивные существительные, образованные путем субстантивации прилагательных

В русском языке этот тип агентивных существительных по форме представляют прилагательные полной формы мужского рода с ударяемым окончанием в современном русском языке: *межевдой* 'землемер', *понятдой* 'свидетель', *слободской* 'живущий в слободе' и т.п. Исторически окончание полной формы в этих прилагательных восходит к прасл. структуре **-ъjь* с напряженным редуцированным, где *-ъ* перед *j* в сильной позиции изменился в *o* (**-ъjь > [oj]*) приблизительно в середине XIII века. Этот гласный под ударением сохранился во всех диалектах древнерусского и современного русского языка, в северо-восточных говорах древнерусского языка остался независимо от ударения, а в остальных говорах северного диалекта и в южном диалекте он перешел в [y] [Дурново 1924/2000: 113–115; Орлова 1970: 202–203]. Но это историко-фонетическое объяснение указывает только на возникновение полной формы прилагательного, а не на его субстантивата. Фрагменты старорусских памятников, содержащие цитированные прилагательные, показывают, что эти прилагательные с XIII века до середины XVII века были употреблены только как прилагательные, то есть как зависимые части определительных оборотов: *слободской человек* [АСВР III, 111. 1476 г.; СДРЯ 25: 93]; *межевой судья* [ДАИ X, 453. 1685 г.; СДРЯ 9: 70]³ (см. также ниже этимологическую базу данных). Их превращение в субстантиваты произошло эллиптированием не раньше конца XVII века или начала XVIII-го, и являлось лексической инновацией северо-восточного диалекта старорусского периода, ставшей в последствии частью словарного запаса литературного языка.

³ В случае *понятдой* 'свидетель' субстантивация прилагательного произошла раньше, видимо потому, что здесь мотивирующей основой образования прилагательного выступало страдательное причастие прошедшего времени, имеющее именную категорию. В памятнике 1535 г. встречается слово в определительном обороте, см. *пнятыи мужи* 'свидетели' [А. гражд. распр. I, 50., СДРЯ 17: 68], а в другом памятнике от 1541 г. (АЮ, 47.) уже употребляется его субстантиват: «... *передъ доводчиковыми пнятыи* сказалися ...» [СДРЯ там же].

Среди старых русских заимствований марийского языка было зафиксировано всего одно существительное с агентивным значением, которое было образовано путем субстантивации от прилагательного: *mežo-βoj* 'землемер'⁴. Структура слова состоит из именного корня *mež-*, суффикса *-ev*⁵ и окончания *-ōj*. Как это отражается в марийском слове, в русской диалектной донорной форме гласный суффикса *-ev* в первом предударном слоге реализовался как *-o-*. Такое явление известно в диалектологии под названием «ёканье». Оно встречается в полноокающих говорах северного диалекта. Но по словам Смоляковой «Предударное ёканье в целом не свойственно волго-камским полноокающим говорам. В то же время в них повсеместно встречаются отдельные случаи с предударным ёканьем, выступающим, как правило, на месте *e* не из *ъ*.» [СМОЛЯКОВА 1977: 13]. Изученное марийское слово обогащает ряд тех русских заимствований, в которых русские донорные формы имели эту особенность [см. подробнее AGYAGÁSI 2004]. Определение заимствования как сравнительно старого, то есть произошедшего до современного периода марийского языка подтверждается тем, что ударение на марийской стороне передвигалось на средний слог трехсложной структуры. Это значит, что русская форма начинала адаптироваться к интонационным правилам реципиентного марийского говора.

2. Существительные, образованные суффиксом **-arь*

Суффикс **-arь* имеет праславянское происхождение, в праславянском языке он образовывал существительные от существительных со значением действующего лица, см. прасл. **k'l'učarь* от **k'l'učь* [ЭССЯ 10: 49]. В древнерусском периоде отыменное свойство образований при помощи суффикса **-arь* не изменялось см. ВАРБОТ 1969: 90. А позже, как на это указывают данные старорусских памятников, появились и такие образования, мотивирующей основой которых являлись глагольные основы [см. ВАРБОТ 1969: 90, 151].

В марийском языке сохранилось всего одно существительное, донорная форма которого имеет суффикс **-arь*: *pisār* 'писарь' ← ст.р. [*pisъr*'], и как раз является отглагольным образованием. Но это слово возникло не в древнерусском языке, как это предполагает Варбот (1969: 90), а в западнорусском, см. [SŁAWSKI 1976: 22; ЗОЛТАН 2014: 33] и было заимствовано русскими в готовом виде. Русское слово впервые было зафиксировано в конце XV века в русских

⁴ По классификации Берецки слово было записано в йошкар-олинском говоре западного диалекта [BERECZKI 1994:21–24].

⁵ Среди простых отыменных суффиксов, образующих прилагательные с суффиксом *e+*сонант, Варбот называет суффикс *-ev* вопросительным знаком. Наверное это потому, что в памятниках древнерусской письменности такие образования весьма редки. Она нашла всего один пример, содержащий этот суффикс в материале Срезневского: дешевый (от числительного десять) [ВАРБОТ 1969: 157].

письменных источниках (см. базу данных). В марийском оно распространилось в обоих больших диалектах, и представляет разницу фонетической реализации русского заударного гласного двояким образом.

3. Существительные, образованные суффиксом **-ьникъ*

Агентивный суффикс **-ьникъ* в праславянском является последовательностью двух самостоятельных компонентов. Первый компонент (**-ьн*) образует прилагательное от существительного (от корневого отглагольного имени), а второй (*-икъ*) существительное от прилагательного с агентивным значением ср. прасл. **melьnikъ* [ЭССЯ 18: 94]. В древнерусском сочетание двух компонентов уже выступает как сложный суффикс, который может образовать существительное непосредственно от глаголов [ВАРБОТ 1969: 97-98]. Суффикс является очень продуктивным во всех периодах истории русского языка, его дериваты регулярно засвидетельствованы в письменных источниках.

В марийский язык попало два существительных, содержащих суффикс [*-n'ik*]:

KN *nasle-Dñâk* KN и *natša-l'nâk*. Они записаны в окрестности бывшего уездного центра (Козьмодемьянска) на территории горного наречия марийского языка, и были заимствованы не раньше конца XIX века.

4. Существительные, образованные суффиксом **-ьщѣикъ ~ *-ѣикъ*

Этот агентивный суффикс не имеет праславянское происхождение. Дементьев определяет как суффикс древнерусского происхождения [ДЕМЕНТЬЕВ 1938: 165] и указывает на его древнейшее употребление из 1267 г., а Варбот считает его суффиксом восточнославянского происхождения [ВАРБОТ 1969: 92]. Суффикс **-ьщѣикъ* Дементьев трактует как сложный, а Варбот как простой, но оба автора придерживаются мнения, по которому первичной формой суффикса является **-ьщѣикъ*, а **-ѣикъ* выступает только как его алломорф после основ на *d, t, z, s*. Как на это указывает Варбот, в древнерусском языке этот суффикс образует существительные от корневых отглагольных имен. [ВАРБОТ, там же] Интересно, однако, обратить внимание на древненовгородское образование *людьщикъ* 'род дороги; княжеская дорога' (XIII в.) [ЗАЛИЗНЯК 2004: 507], в котором грамматическую семантику суффикса совсем нельзя отождествлять агентивным значением.

Внутрисистемная мотивация для возникновения суффикса **-ьщѣикъ* неизвестна, ведь в восточнославянском и древнерусском языках уже имелся ряд синонимичных суффиксов, образующих существительные со значением действующего лица: **-арь, *-икъ, *-ьникъ, *-ель, *-тель*. Памятники древне- и старорусской письменности сохранили синонимичные существительные, образованные от одного и того же корня, ср. напр. *приказщикъ* и *приказникъ* (Ярл. Тайд. 1356 г.) [СРЕЗНЕВСКИЙ 2: 1410]. Часто наблюдается, что после возникновения литературного языка одно из синонимичных образований становится литературной формой, а другое остается на уровне диалекта, как напр. лит. *межевик* : диал. *межевщик* см. ниже в базе данных. Продуктивность суффикса *-щѣик ~ -ѣик* в современном русском литературном языке постоянно растет, см. ТИХОНОВ 1989.

Марийский язык заимствовал четыре русских слова, содержащих суффикс – *ščik* ~ *-čik*: (Вост. диал./луг.) *mežómšǎk* 'межовщик', (Morki) *najo-mšǎk* 'тот, кого нанимали в солдаты', Окр (Krasnoufimsk) *prika-ššik*, Ms (Sernur-Wiesend) *pârka-šǎk* и его варианты, и (К) *šè-tsǎk*, (Зап. диал./горн.) *šèčǎk* 'счётчик'.

Форма *mežómšǎk* отражает опять явление ёканья в донорном существительном, см. выше. Другая ее фонетическая особенность – субституция русского согласного звука [ʃ] через *m* в середине слова, из-за отсутствия этого фонетического качества во всех диалектах марийского языка до XX века. На основании субституции определяется время заимствования между XVIII и XX века. Слово *najo-mšǎk* попало в горное наречие марийского языка из русского диалектного языка как лексический диалектизм. Хотя русское слово не имеет никаких русских диалектных фонетических особенностей, тот факт, что оно было записано в начале XX века исследователем Беке, делает возможным его заимствования до XX века. Фонетические варианты из сернурского и моркинского говора существительного *prika-ššik*, *pârka-šǎk*, не имеют русских диалектных фонетических особенностей, но марийская адаптация второго (*pârka-šǎk*) указывает на более раннее заимствование: сочетание двух согласных в начале русского слова было устранено метатезой, а такие структурные изменения – как это отражается в Первой марийской грамматике (см. мар. *перня* ← *русск.* 'бревно', СЕВЕОК–РАУН 1956: 64) были характерны уже XVIII веке. Вопреки этому донорная форма существительного (К) *šè-tsǎk*, (Зап. диал./горн.) *šèčǎk* 'счётчик' свидетельствует о том, что мы имеем дело в этом случае с заимствованием из южнорусского диалекта. В первом слого этого слова имеется структура СèС, в котором в северном диалекте регулярно осуществлялось изменение è > о, а в смоленско-полоцком говоре южного диалекта и в архаических южновеликорусских говорах такое фонетическое изменение не происходило [ГОРШКОВА 1972: 99].

Этимологическая база данных

межевдой 'прилагательное от «межа»' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: JT *mežo-βoj* 'Feldmesser' [ВЕКЕ 5: 1429] ← ст.р. (С.в./Волог., Вят.⁶) [*mežovój*]

Русск. диал.: *межевдой* 'землемер' [ДАЛЬ 2: 314]; Русск. ист.: *межевой* 'относящийся к установлению границ, государственных рубежей' (АМГ I, 235, 1628 г.); 'относящийся к межеванию, связанный с межеванием полей и угодий' (Поруб. Д. 50. 1662 г.); 'служащий для обозначения межи, границы между угодьями (Нижегор. док., 243. 1597 г.) [СДРЯ 9: 70] < *mež*-+*ev*+*Aj* < прасл. **medja* [ЭССЯ 18: 45]

⁶ Ссылки на местные варианты диалектов русского языка даются по классификации Захаровой и Орловой [ЗАХАРОВА–ОРЛОВА 1970].

межевѣик 'специалист по межеванию' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: Вост.диал./луг. *mežómšâk* 'межовщик' [САВАТКОВА 1969: 103] ← ст.р. (С.в./Волог., Вят) [*mežòfš'š'ъk*]

Русск. диал.: *межевицик* 'сьемщик, планщик' [ДАЛЬ 2:314]; Русск. ист.: **межевщикъ** 'тот, кто устанавливает межи, границы между полями, угодьями' (Кн. расх. Болд. м., 140. 1599 г.) [СДРЯ 9: 70] < *mež+ev+ščik* < прасл. **medja* [ЭССЯ 18: 45]

наёмник 'в старину: солдат наемного войска' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: Mm₂ (Morki) *najo-mšâk* 'Anwerber von Soldaten; angeworbener Soldat' [MOISIO-SAARINEN 2008: 4] ← ст.р. [*nʌjòmš'š'ъk*]

Русск. диал.: *наёмцик* 'нанимающий, нанявший что или кого' [ДАЛЬ 2: 444], (С.диал./вл.пов..Яросл.) *наёмцик* 'тот, кого нанимают работать' (С.диал./вост. Вятк.) 'тот, кого нанимали в солдаты вместо другого' [СРНГ 19: 264]; Русск. ист.: **наимщикъ**, 'тот, кто работает или служит по найму, за определенную плату' (Арх. Стр. II 128. 1616 г.); **наемщикъ** 'то же' (Там. кн. II 159. 1651 г.) (СДРЯ 10: 105) < ст. русск. *naim* ~ *naem* + *ščik* < прасл. **najътъпъъ* [ЭССЯ 22: 112–113].

наслѣдник 'тот, кто получает наследство, наследует кому-н.; продолжатель чьей-н. деятельности. преемник' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: KN *nasle·Dnâk* '(Thron) Erbe' [ВЕКЕ 5: 1547] ← ст.р. [*nʌslèdn'ъk*]

Русск. диал.: *наследник* 'кто наследует по праву или на деле' [ДАЛЬ 2: 471]; Русск. ист.: **наслѣдникъ** 'тот, кто должен наследовать' (Остр. Ев. 1057 г.) [СРЕЗНЕВСКИЙ 2: 333] < прасл. *naslědъnikъ* [ЭССЯ 23: 54–55].

начальник 'должностное лицо, руководящее, заведующее чем-н. [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: KN *naša·lnâk* 'Amtvorsteher, Beamter' [ВЕКЕ 5: 1547] ← ст.р. [*nʌčâl'n'ъk*]

Русск. диал.: *начальник* 'главный, старший, большой над кем или чем, кому приказана власть, надзор, ответ; управитель, распорядитель' [ДАЛЬ 2: 495]; Русск. ист.: **начальникъ** 'первый человек, человек времен «начала мира»; тот, кто положил начало чему-л.; родоначальник; основатель; вождь' (Гр. Наз. 116, XI в.) [СДРЯ 10: 306] < др. русск. *načal'ъnikъ* < прасл. **načedlo* [ЭССЯ 21: 225].

писарь 'должностное лицо для переписки и составления канцелярских бумаг' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: Вост. диал. *pisêr*, Зап. диал./горн. *pisər* 'писарь' [САВАТКОВА 1969: 109] ← ст.р. [*pisʌr'*]

Русск. диал.: *писарь* 'низшее должностное лицо, для переписки бумаг' [ДАЛЬ 3: 113]; Русск. ист. **писарь** 'писец' (Библи. Генн. 1499 г.) [СДРЯ 15: 51]; **писарь** 'писатель' (Сбор. Кир. Белоз. XV в. [СРЕЗНЕВСКИЙ 2: 935] ← западнорусск. *pisarъ* < *pis- +ar'* < прасл. **psati* [ЧЕРНЫХ 1999/2: 35; SŁAWSKI 1976: 22].

приказчик (устар.) 'наемный служащий в торговом заведении, продавец' [ОЖЕГОВ]

Мар. диал.: Окр (Krasnoufimsk) *prika-ššik*, Ms (Sernur-Wiesend) *pārkaššik*, Mm₂ (Morki) *prika-ššik*, Mm₄ (Morki) *pārkaššik* 'Ladenangestellter, Handlungsgehilfe' [MOISIO-SÄÄRINEN 2008: 544] ← ст.р. [pr'ikàš's'ьk]

Русск. диал.: *приказчик* 'приказывающий, кто отдает приказанья, большак, старший между младшими, рядовичами; нарядчик, приказный, кому приказан порядок; поверенный по делам, уполномоченный от хозяина' (Даль 3: 415), (С.диал./п./Мурман.) *приказчик* (устар.) 'служащий, принимающий на пристани (брюге) рыбу от рыбаков' [СРНГ 31: 236]; Русск. ист.: *прикащикъ* 'доверенное лицо в каких-л. делах; лицо, ведавшее по чьему-л. поручению производственным, торговым или иными делами' (Суд. Ив. IV 164. 1550 г.) [СДРЯ 19: 172]; *приказчикъ* 'исполнитель поручений' (Жал. Гр. Дм. Юр. Тр. Серг. М. 1440 г.) [СРЕЗНЕВСКИЙ 1989/2: 1410] < *prikaz* + *ššik* < др. русск. *prikazь* (ср. *приказъ* 'приказ, распоряжение'; Берест. гр. III, 73. XIV–XV в.) [СДРЯ 19: 168] < *prikazati* (ср. *приказати* 'приказать, наказать, отдать приказание'; Новг. I лет., 264) [СДРЯ 19: 170].

счётчик 'лицо, производящее подсчет кого-чего-н.; прибор для подсчета чего-н.' (Ожегов)

Мар. диал.: К *šè-tsak* 'Steuereinnehmer' [ВЕКЕ 7: 2335]; Зап. диал./горн. *šèčak* 'счётчик' [САВАТКОВА 1969: 117] ← ст.р. (Ю.д.) [š's'èč'ьk]

Русск. диал.: *счётчик* 'кто считает, поверяет что-л. счетом, числом' [Даль 4: 281], (С.диал./вл.пов./Влад.) 'бродячий торговец, получающий товар по счету от хозяина' [СРНГ 43: 89]; Русск. ист.: *счётчикъ* 'лицо, производящее проверку счетов, расходов' (Арх. Стр. II, 278. 1613 г.) (СДРЯ 29: 116) < др. русск. *sčet* + *čik* < прасл. *čьstiti [ЭССЯ 4: 175]

Литература

- ВАРБОТ 1969: Варбот, Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Москва: Наука.
- ГОРШКОВА 1972: Горшкова, К.В. Историческая диалектология русского языка. Москва: Просвещение.
- ДАЛЬ 1882: Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий. С.-Петербург–Москва, Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
- ДЕМЕНТЬЕВ 1938: Дементьев, А.А. Агентивные суффиксы *-щик*, *-чик* в русском языке. // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. Вып. 2. 154–175.
- ДУРНОВО 1924/2000: Дурново, Н.Н. Очерк истории русского языка // Избранные работы по истории русского языка. Москва: Языки русской культуры. 1–336.
- ЗАЛИЗНЯК 2004: Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. Москва: Языки славянской культуры.
- ЗАХАРОВА–ОРЛОВА 1970: Захарова, К.Ф., Орлова, В.Г. Диалектное членение русского языка. Москва: Просвещение.
- ЗОЛТАН 2014: Золтан, А., Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. Москва: Индрик.

- КАЗАНЦЕВ 2003: Казанцев, Д.Е. Русские говоры Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт.
- ОЖЕГОВ 1973: Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Издание десятое. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва Советская Энциклопедия.
- ОРЛОВА 1970: Орлова, В.Г. Северное наречие русского языка. В сборнике Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (ред. В.Г. Орлова). Москва: Наука.
- САВАТКОВА 1969: Саваткова, А.А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- СДРЯ 1975–. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. Москва: Наука.
- СМОЛЯКОВА 1977: Смолякова, Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний). Наука. Москва.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1989: Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Книга. Москва.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров 1–. (ред. Филин, Ф.П., Сороколетов, Ф.П.) Ленинград–Санкт-Петербург: Наука, 1965–.
- ТИХОНОВ 1989: Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка I–II. Москва: Наука.
- ЧЕРНЫХ 1952: Черных, П.Я. Историческая грамматика русского языка. Москва: Учпедгиз.
- ЧЕРНЫХ 1999: Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка I–II. 3-е издание, стереотипное. Москва: Русский язык.
- ЭССЯ 1974–: Этимологический словарь славянских языков. 1–. Под ред. О.Н. Трубачева. Москва: Наука.
- AGYAGÁSI 2000: Agyagási K. Az átadó nyelvjárások kérdése a csuvas nyelv mari eredetű jövevényszó-állományában. Nyelvtudományi Közlemények 97: 155–182.
- AGYAGÁSI 2004: Agyagási, K. Отражение северно-великорусской диалектной особенности «ёканье» в русских заимствованиях марийского языка. // Slavica 33: 43–53.
- BEKE 1997-2002 Beke, Ö. Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) 1-9. Neu redigiert von G. Bereczki, bearbeitet von M. Kuznecova, herausgegeben von János Pusztay. Szombathely: Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola.
- BERECZKI 1968: Bereczki G. Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarumelsingae habitus 23–28 VIII. 1965. Pars I. Acta Linguistica, Helsinki, Societas Fenno-Ugrica, 70–78.
- BERECZKI 1994: Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Studia Uralo-Altaica 35. Szeged.
- BERECZKI–AGYAGÁSI 2013: Bereczki G.–Agyagási, K. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Nach dem Tode des Verfassers herausgegeben von K. Agyagási und E. Winkler). Wiesbaden: Harrassowitz.
- MOISIO–SAARINEN 2008: Moisio, A., Saarinen, S. Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von V. Porkka, Genetz, Y. Wichmann, M. Rasänen, T.E. Uotila und E. Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, Kotimaisten kielten Tutkimuskeskus.
- SEBEOK–RAUN 1956: Sebeok T.– Raun, A. The First Cheremis Grammar (1775). A Facsimile Edition with Introduction and Analysis by Thomas A. Sebeok and Alo Raun. Chicago: The Newberry Library.
- SŁAWSKI 1976: Sławski, F. Słownik prasłowiański. Tom II. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Abstract

Derived Nouns Denoting Nomina Agentis Borrowed from Russian in Mari Lexicon

In the paper eight Mari loanwords from Russian (*mežo·βoĭ mežómšâk, najo·mšâk, nasle·Dńâk, natša·l'nâk, pisâr, pârka·šâk, šè·tsâk*) denoting nomina agentis are investigated. In one case the Russian donor form is a substantivated adjective, which emerged in the North-Russian dialect at the end of the 17th or the beginning of the 18th century. As for the other words two suffixes of protoslavic (*-arь, *-nikъ) and one of Old Russian origin (*-ščikъ) take part in their structure. The author analyses their phonetic and grammatical-semantic peculiarities, and reconstructs the Russian dialectal prototypes of the borrowings in Mari. According to the author the borrowing is supposed to have taken place in the XVIII-XIX centuries.

**BIEDA – WIELOASPEKTOWOŚĆ KONCEPTU W POTOCZNYCH RELACJACH
GWAROWYCH W JĘZYKU POLSKIM**

Iłona GUMOWSKA

Językowo-kulturowy obraz *biedy* w polszczyźnie jest złożony i wielowymiarowy. Wynika to z uwikłania problemu ubóstwa w kontekst ekonomiczny, historyczny, terytorialny, a także psychospołeczny. Socjologowie podkreślają, że długotrwała bieda prowadzi do wytworzenia się modelu życia, który za Oscarem Lewisem można określić „kulturą ubóstwa”. Monika Oliwa-Ciesielska podkreśla, że doświadczenie ubóstwa, ponadczasowe i uniwersalne, pozostawia ślad w psychice jednostek, ich wzorach postępowania i realizowanych wartościach, staje się trwałym elementem ich tożsamości [2013: 14, 19]. W Polsce – jak dowodzą najnowsze analizy statystyczne – bieda dwukrotnie częściej dotyka mieszkańców wsi niż miast [BIENKUŃSKA I IN., 2015: 14]. W świadomości ludności wiejskiej jest ona pojęciem stale obecnym, często determinującym sposób myślenia o sobie, innych i o świecie. Próba dotarcia do wieloznacznej struktury konceptu pozwoli nie tylko opisać fragment rzeczywistości wiejskiej, ale lepiej zrozumieć mechanizmy interpretacji świata i jego wartościowania dokonywanego przez mieszkańców wsi. Materiał badawczy artykułu stanowią teksty gwarowe wyekscerpowane z wybranych zbiorów oraz wywiady z mieszkańcami wsi¹. Ramy czasowe analizowanych relacji obejmują teksty notowane od lat siedemdziesiątych do chwili obecnej.

Celem niniejszego artykułu jest opis wybranych, a zarazem głównych aspektów konceptu *biedy* utrwalonego w świadomości mieszkańców wsi. Tak zakreślony problem badawczy pozwala łączyć metody wykorzystywane przez socjolingwistykę i dialektologię z założeniami etnolingwistyki. Wszystkie trzy subdyscypliny językoznawstwa traktują język jako „twór zbiorowości, wspólnoty, wprowadzający w świat wartości i określonych wzorców kulturowych” i, skupiając się na interpretacji świata zawartej w języku, przyglądają się sposobom „opisu znaczeń słów, wydobywania ich symboliki i szukania obok podstawowych komponentów opisujących słowa także elementów naddanych” [PELCOWA 2006: 100]. W artykule wykorzystujemy dwa pojęcia pomocne podczas rekonstrukcji językowo-kulturowego obrazu świata: koncept oraz aspekt. Na koncept, zdaniem Jerzego Bartmińskiego i Wojcie-

¹ Wykaz zbiorów tekstów gwarowych oraz miejscowości, w których dokonano nagrań dołączono na końcu artykułu. W nawiasach podano numer strony tomu. Wszystkie teksty poddane analizie pochodzą z terenu wschodniej Polski, zwłaszcza zaś z Lubelszczyzny, południowego Podlasia i Łomżyńskiego. Analizowane teksty notowano od lat 70. XX w. do chwili obecnej. Są to relacje pozwalające porównać obraz *biedy* dawnej i współczesnej utrwalony w świadomości najstarszego pokolenia mieszkańców wsi wschodniej Polski.

cha Chlebdy, składa się nie tylko treść poznawcza, ale także emotywna i pragmatyczna, oparta na indywidualnym i społecznym doświadczeniu ludzi [BARTMIŃSKI, CHLEBDA 2013: 71]. Nina Gryshkova, prezentując rozumienie konceptu w lingwistyce, zwróciła uwagę, że dla badaczy języka nie ogranicza się on do słowa czy pojęcia, które ma wiele znaczeń, ale jest „generatorem kultury”, subiektywnym, odzwierciedlającym doświadczenie wspólnoty i pojedynczego człowieka [GRYSHKOVA 2014: 29]. Aspekt zaś to „domena wyróżniona z określonego punktu widzenia” [BRZOZOWSKA 2006: 40].

Bieda była stałym elementem krajobrazu polskiego w odległej przeszłości, czego dowodzą badania historyków [m.in. Jabłońska 2012: 56], ale i współcześnie widzi się w niej wyróżniający komponent mentalności narodowej. W mediach często spotyka się określenie *polska bieda*², które Ewa Młynarczyk definiuje jako ‘niedostatek, splot niesprzyjających okoliczności, uznawanych przez polskie społeczeństwo za charakterystyczne dla jego dziejów i współczesności’ [2015: 155]. Dowodem szczególnego miejsca konceptu *biedy* w świadomości Polaków są bardzo liczne formy derywowane, np. *biedak*, *biedaczek*, *biedaczysko*, *biedny*, *biedniutki*, *biedniuteńki*, *biedniusi*, *biedniusieńki*, *bidul*, *bidulek*, *biedować*, *biadolić*, a także bogata frazeologia, również gwarowa [MŁYNARCZYK 2016; GUMOWSKA 2016], oraz teksty folkloru, wśród których odnaleźć można wiele przykładów bajek [GUMOWSKA 2014c], opowieści, legend i pieśni dotyczących motywu ubóstwa.

Mimo że *bieda* zajmuje w polskiej conceptsferze miejsce szczególne, nie doczekała się jak dotąd wielu analiz językoznawczych. Liczne są przede wszystkim opracowania socjologiczne [m.in. TARKOWSKA red., 2013; MARMUSZEWSKI 1998; 2003; ZABŁOCKI I IN., 1999], badaczy polityki społecznej, w mniejszym stopniu historyczne [m.in. MIERNIK red., 2012]. Wśród językoznawców na wyjątkowy charakter leksemu *bieda* uwagę zwróciła Władysława Książek-Bryłowa, stwierdzając, iż stanowi ona pojęcie „globalne, syntetyczne”, które w języku mieszkańców wsi oznaczać może każdą trudną sytuację życiową [2002: 269]. Opracowań komparatystycznych doczekała się frazeologia *biedy* [DYONIZIAK 2005; WOJCIECHOWSKA 2012; KANASH 2012]. Maciej Rak zaliczył to pojęcie do katalogu kulturomów podhalańskich [2015: 242-245]. Ostatnio badania nad językowo-kulturowym obrazem *biedy* oraz pożywienia ludności wiejskiej w sytuacjach niedostatku materialnego podjęła Ewa MŁYNARCZYK [2015; 2016]. Rekonstrukcji konceptu *biedy* w świadomości mieszkańców wsi poświęcone są prace Ilony GUMOWSKIEJ [2014a; 2014b; 2014c; 2016].

² Wyrażenie *polska bieda* pojawia się w dyskursie publicznym zwłaszcza w opisie wyników pomiaru ubóstwa oraz poziomu życia w Polsce, np. polskabieda.com [dostęp 24.09.2016]; *6 zł na żywność dziennie. Oto polska bieda*, <http://www.money.pl/gospodarka/wiadomosci/artykul/6-zl-na-zywnosc-dziennie-oto-polska-bieda,211,0,1824467.html> [dostęp 24.09.2016]; *Tak wygląda polska bieda. Najważniejsze fakty o ubóstwie Polaków*, <http://forsal.pl/artykuly/878105,tak-wyglada-polska-bieda-najwazniejsze-fakty-o-ubostwie-polakow.html> [dostęp 24.09.2016].

Analiza porównawcza definicji słownikowych pojęcia oraz interpretacji pochodzących od mieszkańców wsi jednoznacznie potwierdza, że struktura konceptu *biedy* jest złożona i wieloaspektowa. Rekonstrukcja tej struktury powinna uwzględnić tło, jakim jest potoczne rozumienie *biedy*, etymologia słowa, a także jego synonimia.

Bieda we współczesnej polszczyźnie definiowana jest jako ‘brak wystarczających środków materialnych do zaspokajania potrzeb życiowych’, ‘trudna, przykra sytuacja; nieszczęście, kłopot’, potocznie także jako ‘ogół ludzi niezamożnych, biedacy, nędzarze’ [PSWP IV 1997: 229-230]. Sama nazwa rozpowszechniona dziś w języku polskim – *bieda* – to pierwotnie nieregularna postać rzeczownika *biada*, notowanego od XIV w., będącego dziś bardzo archaicznym, właściwie zapomnianym wykrzyknieniem na oznaczenie groźby, kary, nieszczęścia. Źródłostłowu szukać należy w prasłowiańskim czasowniku *běditi* ‘zmuszać, skłaniać, zwyciężać; niesprawiedliwie oskarżać, spotwarzać; męczyć, dręczyć; powodować biedę, szkodę’, a od XV w. w polszczyźnie także ‘pasować się, mocować się, walczyć’ [SPRS I 1974: 222]. Twórcy *Słownika prasłowiańskiego* stwierdzili, że *běda* jest najprawdopodobniej rzeczownikiem odczasownikowym, którego rozwój semantyczny przebiegał w etapach: 1. ‘przymus, konieczność’, 2. stan godny pożałowania, nieszczęście, niedola, cierpienie’, 3. ‘ubóstwo, nędza’ [SPRS I 1974: 221]. Wszystkie trzy etapy rozwoju znaczeniowego tworzą strukturę konceptu *biedy* utrwaloną i stale obecną w świadomości mieszkańców wsi.

Grupa wyrazów pozostających z *biedą* w relacji synonimicznej jest zróżnicowana semantycznie i stylistycznie. Za hiponim uznać można wyraz *niedostatek*, który jednak należy do rejestru oficjalnego polszczyzny, a dodatkowo umniejsza wymiar wiążącego się z *biedą* cierpienia. Synonimem o charakterze hiperbolicznym [MŁYNARCZYK 2015: 153] jest słowo *nędza*, której przypisuje się znaczenie skrajnej *biedy*. W dyskursie publicznym i naukowym często używa się także leksemu *ubóstwo*, należącego zwłaszcza do rejestru religijnego i odnoszącego się do sfery duchowej. Wszystkie wymienione synonimy w języku mieszkańców wsi zyskują odrębne odcienie znaczeniowe. *Niedostatek* odnosi się przede wszystkim do braków materialnych, *nędza* do skrajnej *biedy* łączącej się z tak zwanymi *upadkami*, a więc chorobami i śmiercią członków rodziny, stratami inwentarza i upraw. *Ubóstwo*, słowo znane mieszkańcom wsi przede wszystkim dzięki nauczaniu Kościoła katolickiego, jest dla nich konsekwencją dobrowolnego wyboru człowieka rezygnującego z dóbr materialnych [GUMOWSKA 2014b: 277-278].

Spojrzenie na obraz *biedy* utrwalony w języku mieszkańców wsi pozwala dotrzeć do złożonej struktury wieloznacznego konceptu. Jego osią jest **aspekt temporalny**, organizujący narracje o biedzie, którą na wsi dzieli się na dawną i obecną. Z tym dychotomicznym podziałem wiąże się bardzo istotny komponent **aksjologiczny**. Przeszłość przez mieszkańców wsi waloryzowana jest pozytywnie, mieszczą się w niej inne wartości, m.in. tradycja, wiara, religia, praca [PELCOWA 2007: 116-126]. Teraźniejszość wiąże oni z ich dewaluacją. Perspektywa temporalna, umieszczająca *biedę* na osi czasu, pozwala mieszkańcom wsi przypisywać jej niejednoznaczną ewaluację. Jako doświadczenie braku, cierpienia, *bieda* wartościowana jest

negatywnie. Jednak upływ czasu, a wraz z nim poprawiające się warunki życia sprawiają, że dostrzega się w niej skutecznego nauczyciela empatii oraz szacunku dla pracy i wysiłku ludzkich rąk. To podwójne wartościowanie utrwalone jest zwłaszcza we frazeologii [GUMOWSKA 2016: 275], np. *bieda człowieka dusi/gniecie/gryzie/głodzi // bieda nauczy rozumu/szacunku/pracować; kto poznał biedę, uzali się nędznego*. Dawną biedę ludzie na wsi postrzegają jako skrajną, wyjątkowo dokuczliwą, a zarazem powszechną, bo dotyczącą wszystkich w lokalnej wspólnotie w równym stopniu. Obecną biedę oceniają przede wszystkim z perspektywy braku pracy zarobkowej, a co za tym idzie, braku pieniędzy, które w przeszłości, w społeczności tradycyjnej, żyjącej z uprawy ziemi, nie odgrywały aż tak istotnej roli. Perspektywa porównawcza prowadzi nawet do kategorycznego stwierdzenia, że współcześnie nie ma już biedy, np.: *I tera w ogóle inse życie na świecie, a przeważnie nam biedakom, po wsiach i w ogóle po miastach i wszędzie. To aż się chce żyć [ŁTG: 35]³; Ale tera to życie to nie tak jak wpród [...] I teraz to insy żywot na świecie ludziom i biednym, i najbiedniejszym [ŁTG: 34]; Jak ja pamiętam, że jeszcze było trochę gorzej, że gorszy był niedostatek. A dzisiaj? A dzisiaj czego, no czego dzisiaj nie ma? Dzisiaj ktoś chleba nie ma? No chyba, chyba każdy ma. Mówię, może tak jak gdzieś, że nie ma pracy, nie mam żadnych dochodów, ale niech są nawet jakieś tam marniutkie te dochody czy marna ta rencinka, ale zawsze na chleb i coś tam do chleba wystarcza to. To dla mnie już nie ma biedy [BW, KOŻANÓWKA].*

Drugim ważnym komponentem w strukturze konceptu jest aspekt **historyczny**. Bieda jest zjawiskiem, które oglądać należy na tle historii. Przeszłość i zawierające się w niej najważniejsze, pokoleniowe wydarzenia kształtowały nie tylko ludzkie życiorysy, ale także świadomość i sposób opisywania świata. Właśnie aspekt historyczny przynosi odpowiedź na pytanie o przyczyny biedy na wsi. Ta dawna jest dla najstarszych mieszkańców terenów wiejskich brutalną, ale oczywistą konsekwencją I i II wojny światowej, np.: *Wojna! Bieda się wdala, bo Niemcy wkroczyli [ŁTG: 67]; Każda wojna wielka bieda [ŁTG: 240]; Co wojna to zniscono wszystko, budynki, wszystko i od nowa trzeba było się dorabiać [ŁTG: 301]; Było nam bardzo biedno. Niemcy przyjeżdżali i wszystko brali [ŁTG: 57]; [...] to tutaj była bieda, tu był Niemiec, pod zaborem, nased Polskę i zabrał [ŁTG: 45]; Kiedy zapamiętam najmłodsze lata, to były ciężkie [...] miałam szesnaście lat, to wybucha wojna. Nasa cała wioska spaliła się. My natomiast to zostajem bez nicegu. [...] Wybucha wojna, wszystku się pali i zostajemy tylku w domu, a ładny budynki poszły z dymem. I co teraz, nowa bieda... [„JP” LIV, 3, 208-209]. Bieda, którą pamiętają i opisują mieszkańcy wsi, była wynikiem działań wojennych, powodujących niewydolność systemu społecznego. Jej przyczyna była więc niezależna od człowieka, leżała poza nim.*

Ze skrajną biedą, charakterystyczną dla dawnych czasów, skontrastowana jest bieda obecna, która dotyczy głównie braku pracy zarobkowej i pieniędzy. Zdaniem mieszkańców wsi przyczyn ubóstwa należy dziś szukać w samym człowieku i ce-

³ Wykorzystywane cytaty z tekstów gwarowych oraz wypowiedzi mieszkańców wsi przytaczam w zapisie półortograficznym uwzględniającym właściwości gwarowe.

chach jego charakteru, niezaradności, bezrefleksyjności, marnotrawstwie czy lenistwie, np.: *Tak kiedyś było. Bieda, nędza była, ze pojęcia nie było. Tera to o życie na świecie, nie tylko u nas, ale i po innych krajach się zmieniło. Tak docekał lud dobrobytu, a głupi to nie wie, czego on chce, a już lepiej nie może być* [ŁTG: 237]; *I wie pani, ze teraz jak podlice młode lata, to mnie było bardzo ciężko. A za szkołę musieli nauczycielów karmić, a wie panie, moja mama była bieda, miała dużo dzieci i była tak biednowata. To nie dzisiaj, ze wszystko rząd pomaga i odzienie daje, i życie daje, i pieniądze daje, a to nicht nic nie dał, tylko ojciec chodził na kolej i zarabiał, i te dzieci chował. Trochę tej ziemi dali te dziadki dla ojca kartoflów posadzić i my tak zylim* [ŁTG: 292]; *A nasze dzieci, młodzież wcale tego nie doceniają, tylko oni narzekają, bo jeszcze o, jeszcze im bida, bo jeszcze to, bo tego nie mają, bo jeszcze tamtego nie mają. A nie rozumieją tego, że oni mogą nic nie mieć i wtedy dopiero to jest tego, to jest coś. [...] To ja mówię tak jak to, jak to w tym przysłowiu: jeszcze wy biedy doznacie* [BW, Kożanówka]. Zatem porównując przyczyny niedostatku dawniej i współcześnie, mieszkańcy wsi wyróżniają biedę „zawinioną” i „niezawinioną”, co charakterystyczne jest dla kulturowych interpretacji ubóstwa [TARKOWSKA red., 2013: 15].

Różnica w ocenie biedy dawnej i obecnej również uzasadniona jest względami historycznymi. Za moment przełomowy uznać można rok 1989, początek przemian ustrojowych i gospodarczych w Polsce [por. KAŻMIERCZAK-KAŁUŻNA 2012: 69-70]. Wiązał się z przejściem od gospodarki centralnie planowanej okresu Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej do gospodarki rynkowej. Wtedy też pojawił się problem bezrobocia, które stało się głównym generatorem ubóstwa. Także w ocenie mieszkańców wsi stanowi ono najważniejszą dziś przyczynę biedy, np.: *W moim pojęciu to dzisiaj nie ma biedy, nie. Może gdzie jest, może gdzie dalej, może... To znaczy bym uważała tak, że jeżeli nie ma pracy, gdzie są zwolnione z pracy, nie ma pracy, musi opłacić w mieście mieszkanie i nie ma za co pójść do sklepu kupić to może i jest ta bieda. Ale to ja tak stąd to nie widzę do miasta* [BW, KOŻANÓWKA].

Diagnoza przyczyn ubóstwa stawiana przez mieszkańców wsi pozostaje właściwie w zgodzie z rozstrzygnięciami socjologicznymi, w których wymienia się trzy źródła biedy: 1. zewnętrzne, określane teorią ograniczonych możliwości, wynikających z negatywnych rozwiązań makrospołecznych; 2. wewnętrzne, odwołujące się do teorii skażonych charakterów, w której ubóstwo stanowi rezultat indywidualnych defektów charakterologicznych; 3. kulturowe, tłumaczące ubóstwo jako rezultat specyficznej subkultury ludzi ubogich, z jej właściwościami izolującymi i tendencją do dziedziczenia [ZABŁOCKI I IN., 1999: 16-17]. Jeśli bieda jest doświadczeniem długotrwałym, dziedzicznym, prowadzi do wypracowania wzorów zachowań zmierzających do realizowania określonych wartości. Kształtuje specyficznego człowieka, obojętnego na problemy, hardego i pokornie znoszącego cierpienie [OLIWA-CIESIELSKA 2013: 15]. Te cechy niezwykle trafnie charakteryzują mieszkańców wsi, oceniających świat z perspektywy doświadczanego dawniej niedostatku, np.: *[...] Ale tak jak tego, tak jak na wsi, no toż może i wszystko ta drożyzna może i jest, ale jako z punktu widzenia naszych, starszych ludzi takich jak ja, no to jak tych parę groszy dadzą i można jeszcze sięść i na tych, i na tyłku narobić odcisków i jeszcze jest za co na chleb i na ten, i na coś tam do chleba, no to dla mnie to nie ma biedy.*

[...] *Może do takiego dobrobytu jak mają ministrowie czy jacyś tam premierzy to nam daleko i my tego nie osiągniemy, ale co do tego, co do takiej biedy jak było, no to teraz nie ma biedy* [BW, KOŻANÓWKA].

W świadomości mieszkańców wsi aspekt temporalny nadbudowany jest nad dwoma innymi, które stanowią istotę konceptu: **aspektem bytowym**, w którym dokonuje się diagnoza rodzaju i poziomu doświadczanych w biedzie braków i ich konsekwencji, a także **aspektem społecznym** – odpowiadającym na pytanie o relacje między ludźmi dotkniętymi ubóstwem.

Analiza tekstów gwarowych oraz współcześnie nagranych wypowiedzi mieszkańców wsi pokazuje, że w strukturze konceptu dominuje aspekt bytowy. Dotyczy on wszystkich doświadczanych braków materialnych, uniemożliwiających zaspokojenie podstawowych potrzeb życiowych człowieka. Najczęściej przywoływane i opisywane są: brak pokarmu, domu, ubrania, ziemi i inwentarza. W toku narracji o dawnych przeżyciach braki te są uszczegóławiane lub wnioskuje się o ich konsekwencjach, którymi są głód, zimno, ciężka praca, choroby i śmierć.

Mieszkańcy wsi w relacjach o dawnej biedzie, która w ich świadomości łączyła się nierozzerwalnie z wojną, doprecyzowują czego konkretnie dotyczył niedostatek. Brak pokarmu oznaczał przede wszystkim niedosyt **chleba**. Wielokrotnie pojawia się on jako symbol zaspokojenia podstawowej potrzeby. Często mówi się o spalonych i zniszczonych zbożach, z których nie można było pozyskać mąki, a także o deficycie mleka. Przywoływane są także produkty, którymi zastępowano dotychczasowe potrawy. Głód stanowi zdecydowanie najczęściej wymienianą konsekwencję niedostatku [por. MŁYNARCZYK 2016], np.: *A często było tak, że nawet nie było co i jeść. [...] Byli to ciężkie casy dla nas. Dzieci chodzili głodne, zapłakane, zasypiali z głodu* [ŁTG: 51]; *Bo wszystko było spalone, zniszczone. I chleba nie było cały rok. Tylko chleb robili z kartofli, takie bułki pieklim i to był chleb na cały rok, bo wszystkie były zboża popalone. Tak* [ŁTG: 133]; *Więc chleba nie było, tam nie dostał nic, nawet pięć deko w sklepie, nigdzie nie dostał* [ŁTG: 93]; *A tego roku, na drugi rok, co my przyjechali, taki był słaby urodzaj, tak wszystko nie udało się, że kartofle jak sliwecki byli. A zyto to takie było, mąka z tego była jak popiół. Niemożliwe było do zycia* [ŁTG: 86]; *Nie było co jeść, mąż zachorował na zapalenie płuc. Chorował mnie osiem tygodni, mleka nie miałam wcale dla niego. Miałam tylko jeden kubecek mleka, a rodzina nas była dziewięcioro, to my tylko dla chorego te mlecko oddawaliśmy* [ŁTG: 157]; *Bo głód, to te pokrzywę zbierali i jedli te pokrzywę* [TGWL: 68].

Niemożliwość zaspokojenia głodu mieszkańcy wsi tłumaczą także brakiem **ziemi** przeznaczonej pod uprawę oraz **inwentarza**, który zapewniłby rodzinie pokarm, np.: *[...] bo kiedyś to wiecie, jak to było, że jak nie było kawałka ziemi, nie było życia nigdzie. I trudno, naprawdę, że było trudno* [ŁTG: 317]; *[...] nie ma krowy, nie ma konia, tylko jedno dziecko za kocem i to wszystko* [ŁTG: 217]; *[...] i była bieda, bo, bo nie było, tylko był jeden koń, a krowa to na siedem rodzin. Nie było mleka, tak się jak krowa, była jedna, wydoili, to na siedem rodzin dla dzieci dzielili, i tak po wojnie było, taka była bieda, nie było ani kury, ani świniaka w chlewie, ani co. Jeść nie mieli co* [ŁTG II: 51-52]; *Wojna nas zniszczyła tak ze z kretešem.*

Konia, dwa konie nam wzięli, krowy nam wzięli Niemcy. Zajęli z pola ctery krowy, ctery owce. Zostalim tak jak stojelim [ŁTG: 87].

Oprócz głodu najbardziej dotkliwym skutkiem biedy na wsi było odczucie zimna. Wiązało się ono ze stratą **domu**, spalonego, zniszczonego lub zajętego przez wojsko, np.: *Domów nie było nic, było wszystko popalono, poniscono. Do bunkrów rozebrali wszystko z tej naszej o tu wioski, wszystko co było, to nie było ani, ani... Tylko kawalek – mówię – kto nalas jakie drzewo w bunkrach, to tam o postawiul sobie tako o budkę i siedział, dokąd domu nie postawił [ŁTG: 358]; My poślim na pola, takie bunkry sobie pokopalim i w tych bunkrach zimową porą tam sobie siedzielim [...] Na wiosnę, w luty, ruskie o Niemca wygnali, to my popowracalim do swoich domów, bo oni nam porozbierali stodoły, domy, podbitki powyrywali, mury porozbierali, bo robili bunkry sobie. A my później tam te deski wyrzywaliśmy, robilim te domy, tam stawialim mury [ŁTG: 36-37]; Wrócilim do Gielczyna, to zastaliliśmy tylko jeden dom bez okien, drzwi, obdrapany był i w ogóle niemożliwe było do mieszkania [ŁTG: 211]; No ta furmanka była całe mieszkanie nase [ŁTG: 86]. Zimno było także skutkiem braku **ubrań**. W świadomości mieszkańców wsi symbolem niedostatku był zwłaszcza brak **butów**. Noszono je dawniej tylko w czasie świąt lub ważnych okoliczności i zimą, np.: [...] *biedy, nędzy to bez kilka lat mieliśmy nie za mało. Nie było, bo było wszystko zniscone i nie było co jeść i w cem chodzić [ŁTG: 240]; Takie ciężkie casy, wojny były, w ziemlankach się siedziało. I ubrania nie miałam, popalone [ŁTG: 127]; Skarpety się jem [Niemcom] cerowało, to te najlichse to dali nam, to my tam sobie pocerowalim, połatalim i chodzilim, a te lepe to oni mieli [ŁTG: 37]; Kiedyś to się chodziło boso [...] bo tam nicht nie miał butów, zeby chodzić do codnia obutym. [...] Jek się sło do kościoła, to trzeba było wziąć w rękę, w kościele tam, przy kościele obuł, postojal i z powrotem na bosaka. A teraz to wszystko obute chodzą [ŁTG: 36]; Buty kupowało się tylko na zimę, a całe lato to się chodziło boso [ŁTG: 52].**

W języku mieszkańców wsi zapamiętane trudy i niedostatki zestawiane są z **ciężką pracą**, która była jedyną szansą przetrwania. Często wspomniana jest praca dzieci, np.: *A ja jestem młoda dziewczyna. Bym chciała tej matce dopomóc, chciałabym, zeby ten kawalek chleba mnie matka większy dała. Poślam ja na to robotę. Zbierałam w taki ciężki mroz. W ręce zimno, ni rękawicy, ni cegoj nie było. I to w majteckach leciutkich, jesce nie było ciepłych, w trzejkach obdartech. I się zbierało. A Niemiec stojal z kijem i esce jek się zbierało, to cie wygnal do domu: Rous, rous, na haus. A ja no co? Chciałam tej matce dopomóc, ten kawalek chleba. Zbierałam krwawo te kamienie [ŁTG: 128]; Kiedyś dzieci byli więcej zajęte. Nie ucyli nas tak. Trza było pracować, trza było... Już jak miał jakie dwanaście, cternaście lat, to już szedł do dworu, szedł zarabiać. [...] Na przykład jak ja mając trzynaście lat zgodziłam się już na służbę, bo ojciec umarł. Nie było jak się wychowywać przy matce. Niby zgodzili mnie do dzieci, a później musiałam, krów dwanaście wydoić, trzy razy na dzień. Musiałam świniom dawać [ŁTG: 99].*

W strukturze konceptu *biedy* utrwalonej w świadomości mieszkańców wsi, oprócz głodu, zimna i ciężkiej pracy znajduje się także **choroba** oraz **śmierć bliskich**. Wycieńczenie organizmu, złe warunki mieszkaniowe, brak leków i opieki

medycznej powodowały, że choroby rozprzestrzeniały się szybko i przeradzały w epidemie. W opisach ubóstwa doświadczanego na wsi pojawiają się liczne świadectwa utraty najbliższych, często dzieci. Choroby i śmierć stanowiły najdotkliwszą konsekwencję biedy, np.: *Jeśli chodzi o wieś, no to natomiast nasza nie była zniszczona, ale inne wsie to były zniszczone. Wszystkie ludzie byli wysiedlone tutaj do nas. Tak że w każdym mieszkaniu było nawet po sześćdziesiąt osób. I robactwo się zalegało. Później tyfus panował. Ludzie strasznie chorowali* [ŁTG: 99]; *Zostałem sierotą przez ojca, zostało nas pięcioro i matka [...] Zostaliśmy przez dachu nad głową. Znowu trzeba było pracować ciężko. Jak wróciłem z Rosji to za rok matka umarła. Zostałem sierotą przez ojca i matki* [ŁTG: 50]; *I przebiedowaliśmy tak. Ale ja miałam najgorzej, bo postradałam dwoje dzieci. Nie mieliśmy gdzie akuratnie mieszkać, wszystko zniszczone, ni szyby. Tak że straszna była nędza zaczęliśmy do tego* [ŁTG: 86]; *I każda wojna mnie zgubiła. Ja nie miała co jeść i chodzić w cem. Zabili mnie dwóch synów. [...] I męża zbili, i umarł od tego zbita, bo rok jesce podzył i, i takem o biedowała. [...] Syna jednego zabili, drugiego postrzelili i – mówi – ni ma ni za co pochować. Konie pozdychali. Z plenu przysed az w maju, to my trochę kartofli tak wsieli. I tak pomalu, pomalu się wygrabaliśmy z tej biedy* [ŁTG: 127].

Aspekt bytowy konceptu *biedy* dotyczy zatem materialnych niedostatków oraz złych warunków życia. Jednak – jak podkreślają socjologowie – w doświadczeniu ubóstwa równie ważne jest przeżywanie tego co prowadzi do poczucia wykluczenia społecznego. Jak zauważa Elżbieta Tarkowska, należąca do grona najwnikliwszych badaczy dyskursu ubóstwa w Polsce: „Obecnie panuje zgoda, że ubóstwo nie jest tylko kwestią niskich dochodów i ograniczonych zasobów, lecz także niedoborów i niedostatków w wielu dziedzinach zaspokajania potrzeb: w sferze zdrowia, edukacji, uczestnictwa w kulturze, w życiu społecznym i politycznym. Bierze się też pod uwagę prawa człowieka, prawo do godności oraz subiektywny, psychologiczny, emocjonalny wymiar doświadczeń ubóstwa i wykluczenia społecznego i sposobów radzenia sobie z tymi uwarunkowaniami” [TARKOWSKA red., 2013: 19]. W metodach opisu ubóstwa opartych nie na danych statystycznych i policzalnych współczynnikach, ale na włączeniu subiektywnych relacji osób ubogich, podąża się za myślą brytyjskiej socjolog Ruth Lister. W monografii poświęconej biedzie [LISTER 2007] zaproponowała ona schemat „koła biedy”, którego centrum wypełniają czynniki materialne „niedającego się zaakceptować niedostatku”. Brzegi zaś stanowią relacyjno-symboliczne aspekty *biedy*, m.in. brak szacunku, wstyd i napiętnowanie, obniżenie poczucia własnej wartości i godności, bezsilność. Lister twierdzi, że zarówno materialne centrum „koła biedy” jak i jego niematerialny brzeg kształtowane są przez czynniki społeczne i kulturowe [2007: 21-22].

We wspomnieniach mieszkańców wsi opisy materialnych niedostatków dopełnia **aspekt społeczny**, odpowiadający tym, które Lister nazywa relacyjno-symbolicznymi. Z relacji wspomnieniowych wyłania się obraz ludzi bezsilnych, odartych z godności, upokorzonych przez los. Jednak istotne jest, że w odczuciu ludności wiejskiej dawna bieda, zapamiętana z lat dziecińczych i młodości, nie miała charakteru wykluczającego, piętnującego, ponieważ dotyczyła wszystkich w lokalnej społeczności. Jak twierdzą, dawniej bieda była powszechna, wszyscy doświadczali

tych samych braków, podział na biednych i bogatych nie był zauważalny. Wykluczenie osób ubogich przypisują raczej współczesności. Dawna bieda miała ich zdaniem charakter jednoczący, solidaryzujący, była doświadczeniem zbiorowym i przeżywanym wspólnie. Obecnie ubóstwo zaś może powodować chęć izolowania osób nim dotkniętych, np.: *Dzisiaj to ludziom dobrze, to oni o człowieka biednego wcale nie chodzą* [ŁTG: 77]; *Może raczej teraz biedny jest zdany sam na siebie, że właśnie jeszcze tych czasów to nam prawie szkoda, bo co by każda jedna praca była robiona wspólnie, czy to rodzinnie, czy to sąsiedzko, że sobie nawzajem pomagali, razem, razem szli w pole, razem szli do żniwa czy do młocki czy do czegoś. I tak że nawet człowiek biedny nie odczuwał tego, że ktoś do niego nie przyjdzie pomóc czy zrobić czy coś, tylko tak samo szedł do tego, że... Raczej biedny nie był taki odrzucony, do tego... Ze dzisiaj to się takie sekty robią, że... A bogaty to już jest w koło siebie i ja... A biedny to niech tam sobie albo radzi, albo zdycha* [BW, Kożanówka]. Współczesna bieda ma zatem w opinii mieszkańców wsi charakter gettoizujący.

W relacjach o wiejskiej biedzie częste są także świadectwa tego, co przez socjologów i historyków określane jest feminizacją biedy [TARKOWSKA 2002: 121-124; RESZKE 2001; SIKORSKA-KOWALSKA 2012]. Oznacza ona, że to kobiety ponoszą większe jej konsekwencje i dźwigają na swoich barkach ciężar utrzymania rodziny. Przyczyn tego procesu upatruje się w różnicach w poziomie wykształcenia kobiet i mężczyzn, ale przede wszystkim w tradycyjnym podziale ról społecznych [SIKORSKA-KOWALSKA 2012: 111]. Zjawisko to obserwowane jest współcześnie, choć z pewnością nie jest nowe. Marta Sikorska-Kowalska stwierdziła, że feminizacja biedy była typowa dla XIX i początków XX w. [2012: 111]. We wspomnieniach mieszkańców wsi także podkreśla się, że dawniej to kobiety doświadczały najdotkliwszych skutków ubóstwa. Liczne są świadectwa wdów i osób wcześniej osierconych. Moment choroby i śmierci męża bądź ojca, ale także jego przymusowe wcielenie do wojska, był równoznaczny z początkiem stopniowo pogarszającej się sytuacji rodziny, np.: *Zabrali męża na wojnę. Zostałam z cworgoma dziećmi, sama. Nie było nic, tylko jeden konisko* [ŁTG: 87]; *[...] A ja to musiałam na ten kawałek chleba pracować, bo matka ciężko nie mogła na mnie zapracować. Była wdowo. No i co? Ona na mnie nie mogła zapracować* [ŁTG: 127]; *Później w czasie wojny ojca zabrali do, do, znaczy na okopy. Ja się zostałam z mamą i z rodzeństwem. Później Niemcy zabrali wszystko: inwentarz, żywność, ubranie. A ja z mamą obraniałam i my chowaliśmy te swoje rodzeństwo* [ŁTG: 147]; *No to tego, no to ja byłam wdowo, zostałam z dziećmi, sama jedna tylko. [...] Sprzedawałam mleko, kuraki sprzedawała i ludzie pomagali. I później dzieci byli małe, podrośli, tez, tez pomagali robić i gospodarzyłam tak sama przez osiemnaście lat* [ŁTG: 206].

Bieda drastycznie skracала dzieciństwo. Od bardzo wczesnych lat wiejskie dzieci podejmowały się ciężkiej pracy za niewielkie wynagrodzenie, często za jedzenie lub ubranie, np.: *No i tak pracowałem, chodziłem do piętnastu lat po ludziach. Darmo robiłem, tylko tyle co za życie, co dał mnie chto jeść, jakie tam dał ubranko, jakie stare z czegoś tam coś. I tak się przeżywało* [ŁTG: 232]. W sytuacji utraty ojca młodzi, kilkunastoletni chłopcy przejmowali obowiązki gospodarza i żywiciela rodziny, np.: *I tam mój ojciec zmarł. Zostałem sieroto przez ojca, zostało nas pięcioro i matka. Ja*

byłem z rodziny najstarszy, musiałem zastąpić ojca, to musiałem ciężko pracować, ażeby wszystkich wyżywić, żeby było niegłodno i nienago [ŁTG: 50]; W dwudziestym czwartym roku ojciec zmarł. Jako najstarszy byłem w rodzinie. Było nas siedem osób. Najmłodszy miał po ojca śmierci dwa lata. Ja musiałem być całym gospodarzem. W dwudziestym piątym roku, dwudziestego marca zabrali mnie do wojska. Posedłem do wojska. Służyłem niewiele, tylko seść miesięcy, bo matka wyrobiła mnie jako żywiciela rodziny. Musiałem pracować na najmłodszych [ŁTG: 123].

Koncept *biedy*, utrwalony w języku mieszkańców wsi rekonstruowany na podstawie wspomnień, a także wywiadów gromadzonych współcześnie, jest zmienny w czasie, zależny od warunków historycznych, gospodarczych i społecznych. Ubóstwo jest przede wszystkim interpretowane w perspektywie czasowej. Bieda dawna jest inna niż współczesna. Różni się nie tylko poziomem niedostatku, ale także jego rodzajem. Ta zapamiętana z dzieciństwa i młodości oznaczała brak podstawowych dóbr materialnych, pokarmu, ubrania, domu, a także ciężką pracę ponad siły, choroby i śmierć bliskich. W opisach dzisiejszej zwraca się uwagę przede wszystkim na bezrobocie i niedostatek pieniędzy. Bieda współczesna uznawana jest za łagodniejszą, łatwiej też jej zaradzić. Dawne ubóstwo zdaniem mieszkańców wsi miało także inny charakter społeczny. Przeżywane było wspólnie w lokalnej społeczności, solidaryzowało i jednoczyło. Współcześnie prowadzi do wykluczenia, piętnuje i gettoizuje ludzi nim dotkniętych. Relacje mieszkańców wsi potwierdzają także zjawisko feminizacji biedy. Jest ona często powtarzającym się motywem we wspomnieniach kobiet, które doświadczyły straty męża lub ojca.

Dla rekonstrukcji konceptu w języku mieszkańców wsi ważny jest także komponent wartościujący. Bieda oceniana jest negatywnie, jako wyniszczająca siła, której człowiek nie umie i nie może się przeciwstawić. Długotrwałe pozostawanie w ubóstwie powoduje, że staje się ono elementem tożsamości osoby. Jednak perspektywa czasu pozwala dostrzec w biedzie także walor dydaktyczny, zobaczyć w niej nauczyciela pokory i szacunku dla pracy ludzkiej.

Podsumowując, w strukturze konceptu *biedy* w świadomości mieszkańców wsi wyróżnić można aspekt temporalny, w którym porównuje się ubóstwo dawne i obecne; aspekt historyczny, stanowiący tło dla opisu poziomu i rodzaju niedostatków; aspekt aksjologiczny, w którym dokonuje się wartościowania biedy; aspekt bytowy, będący istotą konceptu, w którym charakteryzuje się rodzaje braków i ich konsekwencje; a także aspekt społeczny, określający miejsce ludzi dotkniętych ubóstwem we wspólnocie i relacje między jej członkami.

Teksty gwarowe:

ŁTG: Sędziak H., Łomżyńskie teksty gwarowe, tom I, Łomża – Kielce: ŁTN, 1996. [w nawiasach podano numer strony tomu]

ŁTG II: Sędziak H., Frąckiewicz M., Łomżyńskie teksty gwarowe, tom II, Łomża: ŁTN, 1999.

TGWL: Czyżewski F., Warchoń S., Polskie i ukraińskie teksty gwarowe ze wschodniej Lubelszczyzny, Lublin: UMCS, 1998.

„JP” LIV, 3: „Język Polski”, 1974, LIV, z. 3.

BW, KOŻANÓWKA: badania własne, nagrania w miejscowości Kożanówka, gmina Rossosz powiat bialski, województwo lubelskie, 2012.

Literatura:

- BIEŃKUŃSKA 2015: Bieńkuńska A. i in., Ubóstwo w Polsce w latach 2013 i 2014, Warszawa: GUS.
- BARTMIŃSKI J., CHLEBDA W. 2013: Bartmiński J., Chleba W., Problemy konceptu bazowego i jego profilowanie – na przykładzie stereotypu Europy // *Etnolingwistyka*, t. 25, Lublin: UMCS, 69–95.
- BRZozowska 2006: Brzozowska M., O przebiegu badań nad zmianami w rozumieniu nazw wartości w latach 1990-2000 // J. Bartmiński (red.), *Język. Wartości. Polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych*, Lublin: UMCS, 36–43.
- DYONIZIAK 2005: Dyoniziak J., Pojęcie biedy w języku polskim, francuskim i angielskim // „*Studia Romanica Posnaniensia*”, 32: 23–32.
- GRYSHKOVA 2014: Gryshkova N., Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea – propozycja regulacji terminologicznych // I. Bielińska-Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura (red.), *Wartości w językowo kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, t. 3, Problemy eksplikowania i profilowania pojęć, Lublin: UMCS, 21-50.
- GUMOWSKA 2014a: Gumowska I., Językowy obraz biedy w „Łomżyńskich tekstach gwarowych” // H. Sędziak, D. Czyż (red.), *Polszczyzna Mazowsza i Podlasia*, t. XVIII, *Językowa przeszłość i współczesność Mazowsza i Podlasia*, Łomża: TKJ, 173-184.
- GUMOWSKA 2014b: Gumowska I., Bieda w świadomości językowej mieszkańców Kożanówki na Lubelszczyźnie // E. Rudnicka-Fira, M. Błasiak-Tytuła (red.), *Język w środowisku wiejskim. Gwara – społeczeństwo – kultura*, t. 2, Kraków: Collegium Columbinum, 273–282.
- GUMOWSKA 2014c: Gumowska I., „Bieda aż piszczy”, czyli obraz świata w bajce ludowej o biedzie // I. Jelínek, J. Muryc, U. Kolberová, V. Vilímek, J. Vorel (red.), *Slavica Iuvenum XV*, Ostrava, 140–146.
- GUMOWSKA 2016: Gumowska I., Językowy obraz biedy w związkach frazeologicznych i paremiach o charakterze gwarowym // M. Rak, K. Sikora (red.), *Słowiańska frazeologia gwarowa*, Biblioteka „LingVariów”, t. 23, Kraków: UJ, 267-277.
- JABŁOŃSKA 2012: Jabłońska A., Siedemnastowieczni pauperes w świetle źródeł kościelnych z terenu archidiaconatu gnieźnieńskiego // G. Miernik (red.), *Bieda w Polsce*, Kielce: UJK, 45–56.
- KANASH 2012: Kanash T., Bieda i bogactwo w świetle białoruskich i polskich przysłów // „*Kultura i Społeczeństwo*”, nr 1: 219–231.
- KAŹMIERCZAK-KAŁUŻNA 2012: Kaźmierczak-Kałużna I., Dwa oblicza biedy. Subiektywne i obiektywne aspekty sytuacji życiowej ubogich, Zielona Góra: UZ.
- KSIĄŻEK-BRYŁOWA 2002: Książek-Bryłowa W., Językowe sposoby określania sytuacji trudnych w tekstach gwarowych // S. Gala (red.), *Dialektologia jako dziedzina językoznawstwa i przedmiot dydaktyki*, Łódź: ŁTN, 269–276.
- LISTER 2007: Lister R., *Bieda*, Warszawa: Sic!
- MARMUSZEWSKI 1998: Marmuszewski S., Bogactwo i ubóstwo – dwa motywy potocznego myślenia // *Kultura i Społeczeństwo*, t. 42, nr 2: 119–132.
- MARMUSZEWSKI 2003: Marmuszewski S., Potoczna percepcja biedy i bogactwa a rozwój kapitalizmu // G. Skąpska (red.), *Bieda i bogactwo w polskiej kulturze i świadomości*, Kraków, 95–129.

- MIERNIK 2012: G. Miernik (red.), *Bieda w Polsce*, Kielce: UJK.
- MŁYNARCZYK 2015: Młynarczyk E., *Polski obraz biedy utrwalony w języku i w kulturze // Etnolingwistyka*, t. 27, Lublin: UMCS, 147-165.
- MŁYNARCZYK 2016: Młynarczyk E., *Językowy obraz pożywienia ludności wiejskiej w sytuacjach niedostatku materialnego (na przykładzie wybranych frazemów) // M. Rak, K. Sikora (red.), Słowińska frazeologia gwarowa, Biblioteka „LingVariów”, t. 23, Kraków: UJ, 253–266.*
- OLIWA-CIESIELSKA 2013: Oliwa-Ciesielska M., *W poszukiwaniu kultury ubóstwa*, Poznań: UAM.
- PELCOWA 2006: Pelcowa H., *Dialektologia a etnolingwistyka // Etnolingwistyka*, t. 18, Lublin: UMCS, 91–104.
- PELCOWA 2007: Pelcowa H., *Przeszłość jako wartość (na przykładzie wypowiedzi gwarowych) // J. Mazur, A. Małycka, K. Sobstyl (red.), Człowiek wobec wyzwań współczesności. Upadek wartości czy walka o wartość?*, Lublin: UMCS, 116–126.
- PSWP IV 1997: H. Zgółkowa (red.), *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*, t. IV, Poznań, s. 229–230.
- RAK 2015: Rak M., *Kulturomy podhalańskie*, Kraków: UJ
- RESZKE 2001: Reszke I., *Uwarunkowania feminizacji biedy w Polsce // „Kultura i Społeczeństwo”, nr 2: 73–83.*
- SIKORSKA-KOWALSKA 2012: Sikorska-Kowalska M., *Feminizacja biedy w XIX i początkach XX wieku // G. Miernik (red.), Bieda w Polsce*, Kielce: UJK, 111–121.
- SPRS I 1974: F. Sławski (red.), *Słownik prasłowiński*, t. I, Wrocław: PAN, 221–222.
- TARKOWSKA 2002: Tarkowska E., *Zróżnicowanie polskiej biedy w świetle badań jakościowych // „Problemy Polityki Społecznej. Studia i Dyskusje”, nr 4: 119–132.*
- TARKOWSKA 2013: E. Tarkowska (red.), *Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego*, Warszawa: IFiS PAN.
- WOJCIECHOWSKA 2012: Wojciechowska A., *Językowy obraz „biedy” we frazeologii polskiej i francuskiej // Roczniki Humanistyczne*, t. LX, z. 8, 31–45.
- ZABŁOCKI 1999: Zabłocki G., Sobczak M., Piszczek E., Kwiecińska M., *Ubóstwo na terenach wiejskich północnej Polski*, Toruń: UMK.

Abstract

Poverty – Different Aspects of the Notion in Polish Colloquial Dialects

The notion of poverty is complex and multifaceted. It has been engraved in the consciousness and reflected in the language of country dwellers. The structure of this notion is shaped by the life-related aspect characterized by different insufficiencies and their consequences. The social aspect defining the position of people affected by poverty in a given community and the relationship between its members is also of great importance. These two elements constitute the essence of the notion and they converge on the financial difficulties and their non-material consequences. Additionally, the concept may be characterized by the following aspects: temporal (in order to compare poverty in the past and today), historical (that offers background for the poverty level and the types of insufficiencies); and axiological (that studies the value of poverty).

WPLYW ZMIAN POLITYCZNYCH NA NAZEWNICTWO MIEJSKIE NA UKRAINIE

Marcin KOJDER – Marek OLEJNIK

Badania nad urbanonimią w Polsce nie są kwestią nową, mają one długą tradycję i bogata bibliografię¹. Natomiast badania nad nazwami miejskimi na Ukrainie dotychczas pozostawały poza głównym nurtem badań onomastycznych, chociaż w ostatnich latach daje się zaobserwować intensyfikację w tym zakresie, szczególnie, jeśli chodzi o aspekt językowy i socjologiczny. Powstało na ten temat kilkanaście prac naukowych i popularno-naukowych [np.: BOGUCKI 2013; HAŁAJ 2009; TYTARENKO 2012, 2015; KRUPIENIOWA 2015; LIASZENKO 2008; MALES 1998, 2012; MELNYK 2001; ROMANIUK 2003; TERES 2013].

Wpływ na rozwój i zmiany w zakresie urbanonimii mają bardzo często zjawiska pozajęzykowe. Do najczęstszych tego typu czynników można zaliczyć takie jak, np. rozwój miast i w związku z tym potrzeba nominacji nowych obiektów miejskich a także zmiany polityczne i społeczne (rewolucje, przewroty).

Przyczynkiem do zajęcia się tą tematyką jest duża dynamika zmian urbanonimów na Ukrainie, czego powodem są transformacje społeczno-ustrojowe. Po uzyskaniu niepodległości przez Ukrainę w 1991 roku dało się zauważyć zmiany, które zaczęły następować w systemie nazw własnych miast i miasteczek, chociaż proces ten był powolny i nierównomierny w skali całego państwa, nie podlegał regulacjom prawnym, był uzależniony od decyzji władz miejscowych. Szybciej i w większej skali przechodził na zachodzie państwa, znacznie wolniej lub wcale na wschodzie Ukrainy.

Celem referatu jest pokazanie wpływu zmian politycznych na system nazw miejskich w ostatnim stuleciu na ziemiach wchodzących w skład dzisiejszego państwa ukraińskiego. Podstawę materiałową stanowią bazy danych nazw miejskich aglomeracji zachodniej, centralnej i wschodniej Ukrainy, przede wszystkim Lwowa, Kijowa i Charkowa.

Specyfiką nazw miejskich jest związek z przestrzenią fizyczną, społeczną i kulturową miasta. Podstawową funkcją nazw miejskich jest funkcja identyfikacyjno-lokalizująca, polegająca na identyfikacji obiektów i orientacji w przestrzeni miejskiej. Nazwy ulic, aż do początku XIX wieku kształtowały się według prostych zasad

¹ Obszerna bibliografia polskich badań nad urbanonimią znajduje się w: Bibliografia onomastyki polskiej: do 1958 r. łącznie, oprac. W. Taszycki przy współudziale M. Karasia i A. Turasiewicza, Kraków 1960; od 1959 do 1970 łącznie, oprac. W. Taszycki przy współudziale M. Karasia i A. Turasiewicza, Kraków 1972; od 1971 do 1980 łącznie, oprac. K. Rymut, Wrocław 1983; od 1981 do 1990 łącznie, oprac. R. Przybytek, K. Rymut, Kraków 1992; od 1991 do 2000 łącznie, oprac. R. Przybytek, K. Rymut, Kraków 2001. Bibliografia zawierająca opracowania wydane po 2000 roku znajduje się w najnowszych pracach [por. KOPERTOWSKA 2001; KOSYL 2001; RZETELSKA-FELESZKO 2006; MYSZKA 2012].

i miały neutralny charakter: motywowane były położeniem, kierunkiem lub innymi cechami inherentnymi, nazwami zawodowymi lub etnicznymi ich mieszkańców. W XIX w. zaczęto wprowadzać nazwy mające na celu upamiętnienie wybitnych postaci historycznych, literackich, religijnych, wydarzeń historycznych [por. MAŁES 1998; RZETELSKA-FELESZKO 2006, 105-106].

W nazewnictwie miejskim Ukrainy można wyodrębnić kilka etapów:

- przedrewolucyjny (do 1917 r.)
- rewolucyjny (od 1919 r. do końca lat 30-tych XX w.);
- okupacyjny (od 1939r. do 1943/44 r.);
- powojenny (od połowy lat 40-tych do połowy lat 50-tych XX w.);
- okres chruszczowowski (od połowy lat 50-tych do połowy lat 60-tych);
- okres breżniewowski (od połowy lat 60-tych do połowy lat 80-tych);
- okres przebudowy („pierestrojki”) i niezależności (po 1986 r.)

Po odzyskaniu niepodległości w 1991 roku rozpoczął się kolejny etap zmiany nazw miejskich. Dziś jesteśmy świadkami ponownej reorganizacji przestrzeni miejskich ukraińskich miast. Powodem zmian jest tzw. dekomunizacja.

W Rosji Radzieckiej po Rewolucji Październikowej, w wyniku zmiany ideologii państwowej oraz wartości i sposobu postrzegania rzeczywistości, zaczęto gloryfikować symbole partyjne i rewolucyjne. W centrum zainteresowania zostały postawione osiągnięcia ruchu robotniczego. W negatywnym świetle przedstawiano symbole carskie, religijne, itp. Taka sytuacja miała wpływ na nazewnictwo miejskie, co jest potwierdzeniem oddziaływania czynników politycznych na specyfikę systemów onimicznych [por. RZETELSKA-FELESZKO 2006, s. 96-110]. Reżim radziecki na nowo urządzał przestrzeń miejską. Szczególnie wdzięcznym poligonem do zmian była grupa odantroponimicznych nazw pamiątkowych. Władze ZSRR wydawały dekry, w których zawarte były instrukcje dotyczące zasad na czyją cześć nazywać ulice i komu wystawiać pomniki. Doprowadziło to powstawania dubletów nazewniczych, czyli do sytuacji, w której ulice wielu miast radzieckich nosiły nazwy tych samych patronów lub wydarzeń i dat związanych z rewolucją.

Po rewolucji bolszewickiej (dokładnie w 1919 r.) urbanonimiam centralnej i wschodniej Ukrainy przeżyła pierwszą falę sowietyzacji, rozpoczął się proces intensywnych zmian nazw miejskich. W wyniku tego procesu w Kijowie, np.: ul. *Bankowa* została przemianowana na ul. *Komunistyczną*, ul. *Luterańska* na ul. *Fryderyka Engelsa*, ul. *Levasziwska* na ul. *Karola Libknechta*, ul. *Instytutska* na ul. *25 października*, *Plac Arsenalny* na *Plac Rewolucji*, *Plac Europejski* na *Plac III Międzynarodówki* itp..

W Charkowie, podobnie jak w Kijowie, proces intensywnych zmian rozpoczął się w 1919 roku: m.in.: ul. *Sumska* została przemianowana na ul. *Libknechta*, ul. *Katerynosławska* na ul. *Swierdłowa*, itp.. Ulice przemianowywano na cześć radzieckich, francuskich czy niemieckich rewolucjonistów, np. Maurice’a Thoreza, Karola Marksa czy Fryderyka Engelsa.

Zmiany z przyczyn ideologiczno-politycznych dotyczyły też dzisiejszej Ukrainy Zachodniej. Były to zmiany głębsze, ponieważ ziemie te w ostatnim stuleciu należały do różnych organizmów państwowych a granice państwowe wielokrotnie się zmieniały.

Do 1918 roku Galicja leżała w granicach Monarchii Austro-Węgierskiej. Pomimo tego, nazwy miejskie funkcjonowały w języku polskim. Podobnie rzecz się miała w latach 1918-1939 w okresie przynależności do II Rzeczypospolitej. Jak podaje Monika Denda, największą frekwencję miały nazwy odantroponimiczne (ponad 43%). Ulice nosiły nazwiska polskich bohaterów narodowych (np. Tadeusza Kościuszki, Józefa Wysokiego), królów Polski (Kazimierza Wielkiego, Jana III Sobieskiego), literatów (np. Adama Mickiewicza, Juliusza Słowackiego), artystów (np.: Ignacego Paderewskiego, Jana Matejki). Znalazły się grupy nazw bezpośrednio związane z miastem, np. nazwiska Orląt Lwowskich, czy byłych prezydentów miasta. Na uwagę zasługuje fakt, że obok Polaków były też upamiętnieni Ukraińcy, np. Iwan Franko, Petro Mohyla, Taras Szewczenko. Liczną grupę stanowiły nazwy pochodzące od zgromadzeń religijnych, np. ul. *Karmelicka*, ul. *Benedyktyńska*, *Plac Bernardyński* oraz od wydarzeń i dat historycznych, np. *Plac Unii Brzeskiej*, ul. *3 Maja* [DENDA 2009]. Nazewnictwo miejskie we Lwowie nie odróżniało się od innych miast polskich. W 1939 roku po wejściu Armii Czerwonej większość nazw ulic i placów została zmieniona przez władze radzieckie.

Kolejne modyfikacje miały miejsce w 1941 roku, po zajęciu tych obszarów przez armię niemiecką. Nastąpiły wówczas zmiany polegające na zastępowaniu istniejących nazw mianami niemieckimi, pochodzącymi najczęściej od nazwiska postaci narodowości niemieckiej lub instytucji państwowych III Rzeszy, itp., np.: *Adolf Hitler Platz*, *Schillerstrasse*, *Wehrmachtstrasse*. Stosowano również zabieg polegający na przetłumaczeniu dotychczasowych nazw na niemieckie, np. ul. *Zygmuntowska* – *Sygmundstrasse*, ul. *Turecka* – *Tuerkenstrasse*, ul. *Kościelna* – *Kirchenstrasse*. Niemcy w pierwszej kolejności zmieniali nazwy obiektów miejskich na niemieckie, następnie następował powrót do starych nazw przedrewolucyjnych oraz nadawanie nazw ukraińskich. Jednak nadawanie tych ostatnich należało do rzadkości. Należy dodać, że Niemcy zmieniali przede wszystkim nazwy ulic położonych w centrach miast oraz te, przy których umieszczali instytucje państwowe [SEBTA 2010].

Po II wojnie światowej, w związku z rewizją granic, tendencje nazewnicze i sposób nominacji na zachodniej Ukrainie pokrywają się z polityką nazewniczą stosowaną na wschodzie Ukrainy i na całym obszarze ZSRR. W zależności od przywództwa w Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego nazewnictwo miejskie przeżywało zwroty. W pierwszej powojennej dekadzie ulice nazywano na cześć przywódców stalinowskich, radzieckich bohaterów II wojny światowej i symboli industrializacji. Po śmierci Józefa Stalina i objęciu władzy przez Nikitę Chruszczowa „odwilż” w polityce znalazła również odzwierciedlenie w systemie nazw miejskich. Nastąpił powrót do symboli leninowskich, których trzonem była idea Rewolucji Październikowej, ale również wprowadzono wiele nazw odtoponimicznych pochodzących od nazw miast wchodzących w skład Ukraińskiej SRR, np. ul. *Donbasiwska*, ul. *Sevastopolska*. W latach sześćdziesiątych, horyzonty urzędników rozszerzają się i stosowane są toponimy pochodzące ze wszystkich republik radzieckich oraz państw obozu socjalistycznego, np. ul. *Smoleńska*, *Warszawska*, *Leningradzka*, *Tadżycka*, *Talińska*, *Turkmeńska* [MALES 2014, 119]. Ma to zastosowanie nie tylko w nazwach ulic, ale także placów, stacji metra, nazw hoteli, „uniwersytetów”. Rządy Leonida

Breżniewa to powrót do symboli stalinowskich z akcentem na symbole wojny ojczyźnianej 1941-45. Po II wojnie światowej intensywnie starano się ukształtować człowieka radzieckiego (*Homo Sovieticus*), w związku z tym wiele obiektów miejskich nazywano na cześć narodów, które brały udział w odbudowie miast ukraińskich, a także poetów, pisarzy, bohaterów innych republik ZSRR. Według danych z 1986 roku w grupie lwowskich nazw odantroponimicznych największy odsetek stanowiły nazwiska działaczy politycznych, wojennych i społecznych 35,7% (w 1938 roku było to 36,2%, a w 2006 roku – 20,8%, kolejną grupą są literaci – 28,9% (16,8% w 1938 roku i 29,3% w 2006 r.). Nie dziwi fakt, że w 1986 r. postaci duchownych były upamiętnione w nazwach ulic stanowiących jedynie 0,5%, gdy w 1938 r. było to 15,8% [DENDA 2009]. Dziś urbanonimy tego typu wracają do łask.

Koniec lat osiemdziesiątych, pierestrojka, wreszcie rozpad ZSRR i proklamowanie niepodległości Ukrainy w 1991 roku spowodowało, że wzrosło w urbanonomii wykorzystanie nazw odtoponimicznych, widoczne jest przywracanie nazw historycznych (np. w Kijowie przywrócono nazwy m.in. ul. *Bankowej*, ul. *Luterańskiej*, ul. *Niemieckiej*, ul. *Nowoszpitalnej*, *Placu Piotropawłowskiego*, *Placu Europejskiego* i in.). Jednak wyraźnie zarysowuje się pod względem zmian w obrębie urbanonomii Ukraina dwóch prędkości: Ukraina Zachodnia na czele z takimi ośrodkami jak Lwów, Łuck, Iwanofrankowsk oraz Ukraina Centralna i Wschodnia. Najszybciej zmiany dokonywały się na zachodniej Ukrainie, gdzie społeczeństwo nie było przywiązane do mian nadanych w czasach ZSRR, stało w silnej opozycji do minionego systemu. Należy pamiętać, że dla Ukrainy będącej w trudnej sytuacji ekonomicznej nazwy ulic nie były najważniejszym problemem. Jednak już w roku 1991 pojawiły się pierwsze uchwały rad miejskich zmieniające nazwy. Kolejne lata, gdy następowała bardziej intensywna zmiana nazw miejskich to rok 2004 (Pomarańczowa Rewolucja) oraz 2013 (Rewolucja Godności). W zasadzie dopiero w 2015 roku zostały wytworzone instrumenty prawne pozwalające, czy raczej nakazujące zmiany urbanonimów, toponimów, chrematonimów.

Na zachodniej Ukrainie zmiany nazw ulic nastąpiły tuż po odzyskaniu niepodległości i wydaje się, że proces ten nastąpił bezboleśnie. Jaskrawym przykładem jest Lwów. W 1991 roku utworzono Komisję ds. zmian nazw ulic, zaułków, prospektów, placów i skwerów w mieście Lwowie. W skład komisji wchodziłi aktywiści, działacze społeczni, przedstawiciele różnych zawodów. Komisja w okresie w latach 1991-1994 zmieniła ponad 550 nazw. Na ile ważnym dla mieszkańców był ten proces może świadczyć fakt, że członkowie komisji pracowali na zasadach wolontariatu.

Jak wspomnieliśmy wcześniej, proces dekomunizacji nazw w skali państwa ukraińskiego nie był zrównoważony. Był powolny, nie podlegał regulacjom prawnym, uzależniony od decyzji władz miejscowych. Ta sytuacja uległa zmianie w 2015 roku. 21 maja weszła w życie ustawa dekomunizacyjna, w której wskazano, które nazwy podlegają przemianowaniu (są to nazwy obwodów, miast, gmin, dzielnic miejskich, ulic). Obligatoryjnie powinny być zmienione urbanonimy związane z reżimem komunistycznym, nadane na cześć działaczy partyjnych, począwszy od sekretarza partii na szczeblu gminy wzwyż. Wyjątkami są działacze, którzy mają duże zasługi

dla kultury i nauki Ukrainy. Ustawa określa kompetencje samorządów lokalnych w zakresie zmian nazw oraz terminy, w których te zmiany powinny zostać wprowadzone.

Dziś na zachodzie Ukrainy do wprowadzenia pozostało stosunkowo niewiele zmian: we Lwowie – 3 ulice, w Równem około 40 ulic. Inna sytuacja jest na wschodzie kraju, np. w Charkowie przemianowaniu podlegają aż 173 ulice, a w całym obwodzie kijowskim ponad 1500. W latach 2014–2016 w Kijowie przemianowano 156 nazw obiektów miejskich (114 ulic, 34 zaułki, 5 placów, 3 prospekty). Części z nich przywrócono historyczne nazwy sprzed okresu radzieckiego, zaś nowe nazwy upamiętniają nowych bohaterów Ukrainy, m.in. żołnierzy poległych w walkach na wschodzie Ukrainy. Wyraźny jest trend nominacji obiektów miejskich na cześć postaci związanych z walką o niepodległość Ukrainy w XX wieku, głównie z Rosją, np. w armii Ukraińskiej Republiki Ludowej lub opozycjonistów i działaczy emigracyjnych. Wzrasta liczba nazw upamiętniających działaczy ukraińskiego ruchu nacjonalistycznego, w tym Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii, chociaż spotyka się z niejednoznaczną oceną społeczną².

W procedurze administracyjnej zmiany nazw należy upatrywać nie tylko realizacji prawa, ale pragmatycznej postawy władz lokalnych na Ukrainie. Sam proces dekomunizacji nazw miejskich należy chyba interpretować w nieco szerszym kontekście – jako szeroką derusyfikację, a to zaś, w opozycji do Federacji Rosyjskiej, w której widoczny jest powrót do idei Związku Radzieckiego jako imperium i Rosji jako jego spadkobiercy. Zatem władze na Ukrainie masowo usuwają z przestrzeni publicznej nazwy, które są kultywowane w Rosji.

Na przeciwnym biegunie pozostaje pragmatyczna postawa użytkowników nazw miejskich w funkcji identyfikacyjnej i lokalizującej. Można się zastanawiać, jak szybko nowe nazwy wyprą z użycia stare i jak długo będą one funkcjonować paralelnie. Należy spodziewać się, że proces ten będzie zróżnicowany i adaptacja nowych nazw szybciej zajdzie w najmłodszym i średnim pokoleniu, najwolniej zaś w grupie najstarszej, czyli wśród osób wychowanych w ZSRR, ponieważ te miana nie konotują w tej grupie wartości negatywnych (to jest związane z indoktrynacją i tworzeniem „człowieka radzieckiego”).

Po przeanalizowaniu wybranego materiału, należy stwierdzić, że bardzo duża grupa nazw jest motywowana czynnikami ideologicznymi. Zmiany w systemie zachodzą najczęściej po przemianach politycznych czy ustrojowych. Czynnikiem odgrywającym ważną rolę przy tempie i charakterze wprowadzanych zmian jest polityka poszczególnych regionów. Śledząc zachodzące zmiany daje się zauważyć wyraźny podział na Ukrainę Wschodnią i Zachodnią. Na wschodzie kraju zmiany zachodzą wolniej, napotykają na opór społeczeństwa. Na zachodzie Ukrainy po wydarzeniach z 2014 roku zmiany są przeprowadzane sprawnie, może czasem zastanawiać czy nie idą zbyt daleko. Wydaje się, że zgodnie z ustawą dekomunizacyjną,

² Szczególnie duży sprzeciw wywołało przemianowanie *Prospektu Moskiewskiego* na *Prospekt Stepana Bandery* w Kijowie. W trakcie konsultacji społecznych okazało się, że prawie połowa biorących w nich udział jest przeciwna tej zmianie. Decyzja o zmianie nazwy została podjęta pomimo tych sprzeciwów.

podobnie jak w Polsce - nazwy budowli, obiektów i urzędzeń użyteczności publicznej, w tym dróg, ulic, mostów i placów, nadawane przez jednostki samorządu terytorialnego, nie mogą upamiętniać osób, organizacji, wydarzeń lub dat symbolizujących komunizm lub inny ustrój totalitarny, ani w inny sposób takiego ustroju propagować. Na Ukrainie, często przy tej okazji, zmieniane są miana mające związek raczej z kulturą rosyjską niż z ustrojem komunistycznym. Niewątpliwie, powodem tego procesu są wydarzenia z lat 2014-2016, czyli aneksja Krymu przez Rosję, oraz konflikt w części obwodu donieckiego i ługańskiego. Każda zmiana władzy bez wątpliwości ma wpływ na obraz przestrzeni miejskich. Na Ukrainie upamiętniani poprzez nadawanie ich imienia ulicom byli działacze partyjni, rewolucjoniści, żołnierze, działacze społeczno-polityczni, także poeci, pisarze w najlepszym wypadku neutralni, ale częściej w pewien sposób wspierający ówczesną władzę.

Częściej zmianom ulegają onimy bardziej eksponowane, prestiżowe, nacechowane ideologicznie. Względnie stabilne są nazwy ulic położone na peryferiach miast.

Pojawia się pytanie – czy możemy na Ukrainie mówić o jednym systemie urbanomicznym? Aktualnie na pewno nie. Kontrasty między Wschodem i Zachodem są zbyt wyraźne i dopóty dopóki różnice w postrzeganiu rzeczywistości nie ulegną zatarciu, nie będzie można mówić o wspólnym systemie nazw miejskich.

Za komentarz do ostatnich zmian w sferze nazw miejskich niech posłuży fragment książki Katarzyny Kwiatkowskiej-Moskalewicz pt. *Zabić smoka. Ukraińskie rewolucje*: „Bohdan Chmielnicki jechał ulicą Marszałka Żukowa. „Rzeźnika”, jak go szeptem nazywano, który na dwudziestą szóstą rocznicę rewolucji podarował Stalinowi, „Matkę grodów ruskich”, Kijów. Kosztowało to kilkaset tysięcy dusz wystawionych pod niemieckie kule bez prawa kroku назад. Żukow, syn chłopca spod Kaługi, ma swoje ulice, place i aleje w Kijowie, Charkowie, Odessie, Dniepropietrowsku, Czerniowcach, Mikołajowie. Część z nich została nadana już po rozpadzie ZSRR, wolnej Ukrainie. Tłumaczy się to złożoną historią ziem, gdzie wpływy przeciwnych sił i tradycji od wieków krzyżują się ze sobą. Pogranicza, wielogłosowość, zagmatwanie – cała ta geopolityka kreśli skomplikowaną mapę, gdzie nie ma czerni ani bieli, bo wszystko zostało zamazane, różna jest pamięć, na innych wrzecionach tkane są narracje, trupy pochowano w oddzielnych szafach. I jak to wszystko pogodzić? Jak z tych ukraińskich „strzępków, gałganków i łatek” uszyć coś trwałego? Na przykład państwo?” [MOSKALEWICZ 2016: 7]

Literatura

- BOGUCKI 2013: В.М. Богуцький, Урбанонімія в національно-культурному аспекті // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. праць ХНПУ ім. Г.С. Сковороди – Вип. 35, 11–15.
- DENDA 2011: Denda M., Urbanonimia pogranicza polsko-ukraińskiego (Na materiale nazw miejskich Przemyśla i Lwowa), Na prawach rękopisu, Lublin.
- HALAJ 2009: Галай О.Б., Українська урбанонімія Закарпаття в ХХ–ХХІ ст.: автореф. дис. канд. філол. наук : спец.10.02.01 «Українська мова / О. Б. Галай. –Ужгород – 29.

- KOPERTOWSKA 2001: D. Kopertowska, Kielce. Historia i współczesność w nazewnictwie, Kielce.
- KOSYL 2001: C. Kosyl, Modele onimiczne w nazewnictwie ulic, // *Toponimia i oronimia*, pod red. A. Sieplikowej i B. Czopek-Korciuch, Kraków, 49–57.
- KRUPINIOWA 2015: Крупеньова Т. І. Лексико-семантичні та словотвірні особливості годонімів міста Одеси, // *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. Сер.: Філологія. No. 16: 29–31.
- LIASZENKO 2008: Ляшенко Р. О. Мікротопонімія Кіровограда: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Р. О. Ляшенко. – Кіровоград –20.
- MALES 1998: Малес Л. В. Урбанонімія і державна ідеологія: особливості взаємодії // *Вісник Соціологія. Психологія. Педагогіка*. - К.: Видавничий центр "Київський університет" - Вип.6, 21–23.
- MALES 2014: Малес Л. В., Символічні зміни в просторі міста в соціокультурних контекстах ХХ ст. / Л. В. Малес // *Грані* - № 9: 117–122.
- MELNYK 2001: Мельник Б. В., Довідник перейменувань вулиць і площ Львова. ХІІІ-ХХ століття, Львів, Світ. 128.
- MOSKALEWICZ 2016: Kwiatkowska-Moskalewicz K., Zabić smoka. Ukraińskie rewolucje, Wołowiec.
- MYSZKA 2012: A. Myszka, Ewolucja współczesnych nazw nazw ulic województwa podkarpackiego // *W :Jednotlivé a všeobecné v onomastike: 18. slovenská onomastická konferencia*, Prešov 12.-14. septembra 2011 / ed. Martin Ološtiak, 251–262.
- ROMANIUK 2003: Романюк М. Закарпатоукраїнська урбанонімія у призмі соціально - політичних перетворень кін. ХХ ст. / М. Романюк // *Наукові записки*. Серія: Мовознавство. Тернопіль, 153–156.
- RZETELSKA-FELESZKO 2006: E. Rzetelska-Feleszko, *W świecie nazw własnych*, Warszawa-Kraków.
- СЕВТА 2010 - Себта Т., Топонімічні перейменування в окупованому Києві // *Київ і кияни*. Матеріали щорічної науково-практичної конференції (Музей історії міста Києва). — К.: Кий — Вип. 10, 195–213.
- TERES 2013: Н. Терес, Перейменування вулиць Києва: тоталітарна спадщина і сучасність // *Miscellanea Posttotalitariana Wratislavientia*, 1, 89-90.
- ТУТАРЕНКО 2012: Титаренко А. А., Місце урбанонімів в ономастичному просторі // *Теоретична і дидактична філологія*, Випуск 12: 235-238.
- ТУТАРЕНКО 2015: Титаренко А. А., Урбанонімія Кривого Рогу: структура, семантика, функціонування, На правах рукопису, Кривий Ріг.

Abstract

The Impact of Political Changes on the Ukrainian Urbanonymical System

The article is dedicated to the urbanonymy of a few selected Ukrainian cities. The article is an attempt to define the dynamics of changes that are the result of non-linguistic factors, including political and social changes that took place in the second half of the twentieth and early twenty-first century in Ukraine. In order to demonstrate the specifics of the development of urban naming the following historical periods have been analyzed: 1919-1941, 1941-1945, 1945-1991, 1991-2013, 2013-2016. As a source base contemporary and historical maps with indexes of names of urban objects and official lists of the urban names were used.

**НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИТЕТА
СКОНСТРУИРОВАННОГО/ВОСПРОИЗВОДИМОГО В ДИСКУРСЕ
ФОКУСИРОВАННОГО ГРУППОВОГО КВАЛИТАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ**

Нава-Ванда ШАХВЕРДОВА

0. Введение

В настоящей статье рассматривается процесс репродуцирования в интеракции образа врача и идентитета пациента, который конструируется участниками дискурса в процессе повествования о своем взаимодействии с медицинской сферой социальных институтов – врачами. Рассматривая динамичный процесс создания образа врача и образования идентитета мы фокусируемся на нарративе, основоположной форме сбора и осмысления индивидуального опыта. Поэтому первая часть работы посвящается различным теоретическим аспектам нашего восприятия понятия идентитет и нарративного анализа, вторая часть – методологическим предпосылкам качественного анализа нарратива и третья часть – анализ нарративов, появляющихся в текстах фокусированного группового качественного интервью.

1. Нарративный анализ и идентитет

1.1. Идентитет

Идентитет, динамичное явление, создающееся, поддерживающееся и меняющееся в процессе интеракции, таким образом для наблюдения этого явления мы должны наблюдать речь [BAMBERG 2011]. Нарративный анализ является плодотворным способом описания работы идентитета. Идентитет может быть определен как набор каких-то признаков, определяющих индивида. Признаки могут очень сильно различаться по своим качествам, поэтому так трудно говорить об этом феномене [ШАХВЕРДОВА 2012: 55]. Этот набор признаков нестатичен, динамичен, способен изменяться, некоторые могут быть более-менее устойчивыми, другие более диффузными.

Что значит обладать идентитетом? Приобретение некоторых признаков связано с выполнением определенных условий, например, профессиональный идентитет. Ч. Антаки и С. Видикомб [ANTAKI-WIDDICOMBE 1998: 1-7] определяют основные характеристики, которыми обладает идентитет: для индивида обладать идентитетом, значит быть зачисленным в какую-то категорию с ассоциированным набором признаков; это зачисление индексично и связано с обстановкой. Связь с актуальной ситуацией и индексичность определяет релевантность идентитета в текущей интеракции. Сила действия обладания идентитетом состоит в его воздействии на интеракцию. Все это обозримо в использовании структуры конверсации.

Дженкинс [JENKINS 2008: 339] обращает внимание на три аспекта деятельности, определяющие повседневную деятельность индивида: индивидуальный устав мира как сконструированное воплощение внутреннего мира индивидов, как интерактивного порядка организации, созданной в процессе интерперсональных отношений, а также как порядка организации социальных институтов. Это мир привычного порядка действий в определенных ситуациях. Эти установившиеся, канонизированные, конвенциональные типы идентитета, интеракции, институтов и создают повседневную социальную реальность, и при изучении интеракции их нельзя не принимать во внимание, напротив, именно они и заслуживают внимания. Они представляют средства для наблюдения создания индивида в процессе речевой деятельности. Эти феномены являются ключевыми для описания друг друга, могут быть описаны друг через друга. Институт – совокупность дискурсивных действий индивидов с определенными ролями-идентитетами – активирующимися в определенных ситуациях. Контекст определяет активирующийся аспект идентитета, его наиболее доминантный аспект. Они осмысляются в процессе речевой деятельности, принимаются и поддерживаются или отрицаются и игнорируются остальными участниками интеракции. Идентитет – активированная ситуацией модель поведения – дискурсивный носитель и выразитель этого поведения, в котором создается и отображается как феномен института так и феномен идентитета. Однако будучи конвенциональными явлениями, институт и идентитет влияют на использованный дискурс и в какой-то мере ограничивают его.

Индивиды, следовательно, создают, поддерживают и по надобности изменяют вышеупомянутые три явления, которые по праву можно назвать опорными.

По мнению Бамберга [BAMBERG 2011] нарратив обладает решающей ролью в процессе формирования идентитета. Идентитет в его понимании включает следующие дуальности: наличие некоторого постоянства и постоянного изменения. Эта динамика определяется потенциалом персоны, культуры или общества. Селф, личность проходит через процесс личного выбора и формативных или трансформативных событий, возможность выбора однако не случайна, внезапна, произвольна, выбор индивида – не свободный выбор, основанный на рефлексии, а происходит процесс навигации, основывающейся на доступных посредством культуры символических средствах, которые в свою очередь постоянно преобразовываются в этом процессе [BAMBERG 2011].

Другая двойственность – это конструкция деятеля, самим собой, внутренними мотивациями и внешнее влияние, мир образует персону (другое направление влияния). Есть сторонники обеих точек зрения, решение может быть в представлении этого влияния как континуума с внутренним восприятием на одном его полюсе и влиянием извне, детерминированность какими-то биологическими и психо-социологическими признаками на другом. Противоречие снимается, если рассматривать движение между двумя полюсами как динамичный процесс, а динамичность понимать как погруженность в постоянное изменение. Таков субъект нарратива – многообразное, противоречивое, распределенное во времени и пространстве, контекстуально и локально связанное

явление. Идентитет может быть описан в терминах позиции, отношений, членства, которые помогают нам проследить нарраторские средства, показать, как создаются идентитет, социальные отношения и даже институты и как активные, принимающие участие в интеракции индивиды подвергаются контролю внешнего влияния определяемого широким социально-культурным контекстом [VAMBERG 2011].

1.2. Нарратив

Существует множество определений нарратива. С одной стороны это сам текст, с другой стороны осмысление индивидуального и коллективного опыта, появляющегося в тексте. Это «режим» человеческого знания, наполняющего значением окружающий индивида мир. Часто цитируются слова Барта – нарратив – основная форма человеческого опыта, он просто везде, как и жизнь [BARTHES 1982]. Нарратив определяется как транснациональный, трансисторический, транскультурный феномен.

Современное исследование нарратива начинается в работах русских формалистов и Владимира Проппа, с его труда Морфология сказки [ПРОПП 1928], и развивается в работах русских формалистов и постформалистов, Михаила Бахтина в более широких кругах он распространился после того, как работы Проппа были переведены на французский и на английский [СНІАРНІАВСКА 2004: 2].

Нарратив – это форма конструкта, который помогает индивиду определять и репродуцировать себя и свой жизненный опыт [КУТКОВСКАЯ 2014]. Эта форма осмысления событий воплощается в повествовании, в истории, в которой индивид рассказывает произошедшие в прошлом события, оценивает и пытается как-то осмыслить их. В процессе рассказывания минувшие события приобретают значение, т.е. становятся значимыми.

Кутковская вместе с рядом других авторов под нарративом понимает одну из форм дискурса, который образует нарративный модус, согласно которому цель человека – создание хороших, правдоподобных историй. В своей статье она приводит дальнейшие определения нарратива: парадигматическое мышление по Брунеру, общая методологическая парадигма по Сарбину, жизненная история, как основа личности человека в модернистском обществе по Мак Адамсу, структурированная определенным образом схема организации опыта по Лабову и Валецкому. Любое письменное или устное повествование об определенном эпизоде, событии в жизни человека, жанр дискурса. Кутковская называет это парадигмальным модусом, одной из основных характеристик человеческого мышления [КУТКОВСКАЯ 2014: 25]. Социокультурное средство, в котором существует и образуется народное сознание, личность, я. Для лингвиста нарратив интересен как жанр дискурса, как структурное образование. [КУТКОВСКАЯ 2014: 26].

Как мы видим, определений нарратива немало, Ю. Штремпл [STRÖMPL 2012] предлагает расценивать их как шкалу, на одном из полюсов которой находится восприятие нарратива как особого дискурсного жанра,

со строго предписанной структурой, которая является частью структуры дискурса, а на противоположном полюсе этой шкалы находится антропологическое, историческое восприятие нарратива, отождествляющее нарратив с историей жизни, биографией. Они создаются на основе различных интервью и архивных материалов. Между двумя этими полюсами располагается подход психологии и социологии, социолингвистики для которых нарратив означает фрагменты историй, которые располагаются в интерпретирующем контексте.

Нарратология 20-го века основывается прежде всего на литературоведческих исследованиях, особенно на исследовании мифа [БАРТ, ЖЕНЕТ, КРИСТЕВА, РИФФАТЕР, ШКЛОВСКИЙ, ТОМАШЕВСКИЙ, ПРОПП и БАХТИН], и которое в 60-70 годах появляется как исследование в сфере социальных, исторических, антропологических наук, интерес которых направлен на то, как себя определяет индивид, какими средствами происходит оценка взаимовлияния, познание индивидуальных и социальных практик. В числе предпосылок могут быть перечислены русские формалисты, американский новый критицизм, французский формализм, немецкая герменевтика в дальнейшем этнометодология, феноменологический подход, социолингвистика, герменевтический подход, субъективизм. П. Рикер принимает во внимание различные аспекты многих школ, которые относятся к его основному интересу – отношению между временным аспектом и нарративом. Рикер предполагал, что осмысленное действие может восприниматься как текст и наоборот. Таким образом теория литературной интерпретации может быть распространена на общественные науки. [ПУЗАНОВА–ТРОЦУК 2003: 58-60, КУТКОВСКАЯ 2014, СНИАРНИАВСКА 2004: 2]

Среди различных традиций следует выделить феноменологию, как предшественницу этнометодологии, деятельность А. Шютца и его учеников, П. Бергера и Т. Лукмана. Важно упомянуть в числе предпосылок символический интеракционизм возникший и развившийся в чикагской школе социологии под влиянием Джорджа Герберта Мида в 1920-ых символический интеракционизм, представленный Г. Блумером и Х. С. Беккером. Этнометодология значительна (Г. Гарфинкель, А. Чичорель, Х. Сакс), потому что она вводит понятие ответственности, как центрального аспекта понимания социального действия, какое-либо действие происходит с ответственностью, люди проводят жизнь, планируя, комментируя, оценивая чьи-то действия. Также это происходит во внутреннем потоке мысли или в реальной интеракции. Этнометодология повлияла на британских социологов, Д. Сильвермана [СНИАРНИАВСКА 2004: 3-4].

Нарратив фундаментален для восприятия. Нарративное исследование подразумевает реконструкцию личного опыта в отношении индивида к другим индивидам и социальной среде. [PINNEGAR–DYNES 2007: 7] Соавторы Пузанова и Троцук [2003: 64], подытоживая характеристики нарративного анализа определяют, что нарративный анализ – интерпретативная парадигма, смысл текста которой структурирован контекстом, предмет исследования – это история, повествование, в котором появляется опыт индивидов, и формы рассуждения о нем. Это способ конструирования смысла, реальности, нарратив – это не сви-

детельство, а социальная практика. Особенности метода – субъектный характер отношения исследователя, информанта, полное и всестороннее описание феноменов контекста и его существования, выявление литературного измерения текста респондента, особенности его структуры, включая перспективу деятеля, его смыслового горизонта, направленность на воссоздание исторической перспективы [ПУЗАНОВА–ТРОЦУК 2003: 64].

Пытаясь осмыслить свою и чужую жизнь, люди оформляют свой опыт в форме нарратива. Действия получают значение в нарративе жизни. Не случайно метафора жить – как писать книгу, книга жизни имеется во многих языках [SCHARNIAWSKA 2004: 5].

Определяющая роль деятельности В. Проппа уже была упомянута, другой важной предпосылкой для развития нарративного анализа послужили труды Бахтина, особенно его статья *Проблема речевых жанров* (1952/1996). В этом своем труде Бахтин связывает человеческую деятельность с использованием языка. Каждое отдельное высказывание индивидуально, но вырабатываются устойчивые типы высказывания, т. н. речевые жанры. Вся сфера человеческой деятельности выражается речевыми жанрами. Это могут быть короткие реплики бытового диалога, бытовой рассказ и письмо и т. д.

Важно упомянуть его разделение речевых жанров на первичные и вторичные. Вторичными он называет сложные речевые жанры – это формы, возникающие в процессе мыслительной деятельности, сложного и высокоразвитого общения. Различие между ними (первичными и вторичными речевыми жанрами), велико и принципиально. Есть жанры, хорошо отражающие индивидуальность, другие связаны, более формальны.

Бахтин осмысляет понятие высказывания также с точки зрения речевых жанров. Он обзревает более ранние лингвистические предпосылки, схематичное изображение коммуникации и называет эти схемы научной фикцией. Он, напротив, считает, что речь всегда носит активный, динамичный характер. Каждое высказывание – это звено в сложно организованной цепи других высказываний.

Речевые жанры по Бахтину организуют нашу речь как и грамматические формы. Мы предвидим, как будет развиваться ход диалога и планируем его развитие соответственно нашим намерениям. Чем лучше мы владеем жанрами, тем проще нам выразить свою индивидуальность, компетенция владения жанрами представляют говорящему возможность более полно выразить свои намерения и раскрыть себя, то есть сконструировать свой идентитет.

На лингвистический нарративный анализ коренным образом влияют идеи Лабова и Валецки. Лабов и Валецки исходят из того, что многие рассмотренные жанры, мифы, сказки, эпика располагают определенными фундаментальными структурами в версии собственного опыта, в представлении репрезентативных примеров, рассказанных населением [LABOV–WALETZKY 1997, LABOV ист. интернет]. Они предлагают формальный и функциональный анализ нарративы, формальный, то есть основанный на повторяющихся паттернах на уровне высказывания. Они использовали метод лингвистического анализа,

изолировали инвариантные структурные единицы текста и провели также функциональный анализ нарратива.

Нарратив воспринимается ими как вербальная техника для представления опыта в частности и техника конструирования нарратива как временной очередности этого опыта. Нарратив наделяется двумя функциями – референциальной и оценивающей. Секвенция высказываний нарратива представляется как организованная в строгом временном порядке. Некоторые из высказываний могут употребляться до, другие после других и они могут быть сопоставлены. Секвенция следует строгой временной последовательности, которую соавторы определяют по возможности высказывания занимать место в потоке речи. Высказывания могут быть ограниченными, согласованными, и свободными. Правильная очередность таких высказываний образует нарратив и любая такая очередность, содержащая по меньшей мере одну темпоральную связь является, по мнению соавторов, нарративом. Рассматривая структуру нарратива, соавторы выделяют несколько обязательных составляющих: нарратив начинается с абстракта, короткого содержания, цель которого настроить слушателя на восприятия рассказа о событии, затем следуют ориентация, последовательность событий, оценка, развязка, кода. Рассмотренные соавторами нарративы содержали фразы, которые обладали референциальной функцией, чтобы ознакомить собеседника с тем, где, когда произошло событие, обстоятельство фразы, свободные от временной связи, находятся обычно в начале секвенции, ориентация содержит триггер, запускающий события, из которых развивается весь нарратив. Развитие событий содержит серию происшествий, которые могут быть оценены как развитие действия, могут быть сложными. Индивиды выражают свое отношение к событиям, какую-то оценку, чувства говорящего в связи с происшедшим, эти части содержат свободные или ограниченные высказывания. Соавторы считают, что формы оценки подчеркивают ощущение важности говорящего, ставят нарратора в особую позицию, центральную роль. Развязка – та часть нарратива, которая следует за оценкой, хотя эта часть нарратива может быть опущена или слиться с оценкой. Некоторые нарративы имеют дополнительный элемент, который Лабов и Валецки называют кодой, предлагающей средства, чтобы вернуться к вербальной перспективе от событий прошлого в настоящий момент.

В нарративе появляется достойное рассказа достоверное событие. Но само событие еще не является нарративом, лишь его схемой, для образования нарратива. Лабов [LABOV ист. интернет, доступ 2016] считает необходимым элемент достоверности и содействие слушателей. Выделяется момент объективной оценки – чем объективнее оценка, тем достовернее событие.

Позиция соавторов достаточно жестко ограничивает восприятие нарратива, исключая множество нарративных форм из круга исследования. Например неполные нарративы повседневной интеракции. Нарратив может быть неполным по различным причинам. Говорящие могут быть знакомы с обстоятельствами, и опустить связанные с ними части повествования. Кроме того, конкретный локальный контекст остается вне внимания [STRÖMPL 2012].

1.3. Квалитативный анализ нарратива

Нарративное исследование – это квалитативный натуралистичный подход к объекту, формируется вокруг интерпретаций индивидуального действия. Квалитативное исследование заинтересовано не в предсказании и контроле, а в понимании явления [PINNEGAR–DAYNES 2007: 4]. Квалитативные исследования обычно исходят из того, что история – это одна из самых фундаментальных, если не самая фундаментальная единица, передающая человеческий опыт. Методы исследования могут быть очень разнообразными, исходить из перспективы метанарративы, историографии, поэтического анализа. Социолингвистические аналитические средства для рассмотра квалитативных данных сообщают нам о повседневном восприятии культуры. Обращение к нарративу произошло в 4 шагах: 1. изменение отношения между исследующим и исследуемым; 2. от использования цифр к исследованию слов как данных; 3 перенесение акцента с общего и универсального на локальное и специфическое; 4 углубление восприятия альтернативных эпистемологических путей познания. Эти четыре шага произвели изменение парадигмы знания. Этот философский поворот привел к новой форме организации знания, которое Брунер называл парадигматическим знанием. Нарративная форма состоит в организации опыта при помощи схемы, основанной на намеренности, интенциональности индивидуальных действий [PINNEGAR–DYNES 2007: 7-28, BRUNER 1986].

Первое из упомянутых основоположений – это предположение, коренящееся в использовании числа как данного, основывается на реалистском концепте объекта изучения, который трактуется как независимое объектное существование без внутреннего содержания. Социальные факты рассматриваются как «вещи», основа для статистического вывода, основной критерий знания – язык чисел. В нарративном исследовании знание основано на языке, язык цифровых данных однозначен, но пуст, нарративное исследование использует метафорические свойства языка связь и связность распространенного дискурса истории, сплетающийся с представлением аргументации и описания. Второе предположение – это объективность, как основа отношений между исследователем и исследуемым – исследуемый объект никак не связан с исследователем, не влияет на него. Эта позиция отрицает связь между индивидами и развитием. Нарративный поворот фундаментально отличает от объективизма осознание того, что другие индивиды и интеракция – это всегда рациональный процесс, который включает в себя интерес, отношение, изменение, вовлеченность. Сдвиг от обобщений подчеркивает ценность специфического и локального, напротив власти предсказуемости и контроля, которые нацелены на универсальное, в котором теряется значимость контекста в интеракции. Достоверность и требование необходимости определенной формы доказательства истины сужает круг познания от общих концептов, характеристик знания и способов познания до жестких требований одного пути достижения истинного знания, который корениться в объективном отношении исследующего и исследуемого, основанном на использовании достоверных – то есть цифровых данных, в которых условия

эксперимента контролируются или манипулируются, то есть общий результат исследования может быть представлен. Этот подход отрицает разнообразие способов познания и ставит под вопрос то, что же считается знанием, правда существует в одной форме. Нарративное исследование отличает намерение понимать, а не контролировать, предсказывать мир [PINNEGAR–DYNES 2007: 29-30].

Человеческому разуму свойственно предполагать каузальность. Каузальность включает нарративную структуру, в которой сперва запечатляется причина, а затем результат влияния этой каузальной причины [VOJE 2001: 93]. Например, компания понесла ущерб. Некоторые сотрудники были уволены. Мы предполагаем связь между ними, основываясь на нашем знании о привычном ходе действий, хотя на самом деле подтверждения такой связи нет, она остается открытой, то, что считается грехом в науке, открытость для разных интерпретаций – является достоинством нарративы. Эта открытость значит тот же набор событий, который может быть организован в различные повествования [SNIARNIAWSKA 2004: 7].

Рассматривая эту организацию причинно-следственных связей, поставленные вопросы и представляют собой нарративный анализ каузальности. Фиктивный нарратив схватывает сюжет причин и их влияния, сплетающихся в наших вопросах и наши вопросы, заданные к этой цепочке причин и следствий дают фиктивный ретроспективный конструкт нарратива. В принципе причинно-следственный анализ пробует собрать два события в мире случайностей, определяя, связывая появление одного события механически с появлением другого. Но в мире множественности возможно ли предугадать причину и следствие и предсказать событие? Нарративные акты ретроспективной каузальности разрушают нарративный опыт мульти/и нелинейной каузальности и создают ситуацию, в которой предполагаемая причина может быть фиктивна. Каузальность «обманывает» нас. Линейная причинно-следственная связь в постмодернизме, рассматривая организацию повествования, является удобной фикцией. Такое восприятие слишком упрощает понятие нарратива в комплексной динамике нелинейной организации [VOJE 2001: 100-104].

1.4. Методы нарративного анализа

Методы нарративного анализа так же многочисленны, как и теоретические подходы. Перечисляя только некоторые из них, это структуральный (Лабов и Валлеки, Гее), семиотический (Греймас), тематический (Риссман), интерактивный речевой анализ (Георгакополоу), этнографический (Холштейн и Губриум), поэтическая модель (Гее) [GEORGAKOPOULOU 2007, RIESSMAN 2008, FROST 2009].

Соавторы Роган и де Кок [ROGAN–DE KOCK 2005] указывают на трудности исследователя, желающего систематизировать разнообразные методы нарративного анализа. Они говорят скорее о таксономии методов и предлагают делить их на три группы – перформативные методы, структурный анализ, анализ образного использования языка. Соавторы делят ход исследования на функциональную и аналитическую сферы. Функциональная область включает в себя

инпут, выбор материала и конкретные действия с языковым материалом, а аналитическая часть анализа содержит саму интерпретацию нарратива, применение методов и их влияние. Роган и де Кок рассматривают перформативные, структурные и образные методы анализа. В перформативной группе функциональная область включает в себя такие действия исследователя, как проведение интервью (структурированное/ организованное, подготовленное интервью). В функциональной сфере тут подготовлены секвенции вопросов, которые призваны осветить события прошлого, воспоминания, хронологические последовательности, узловые события, контекст, критические эпизоды, а на аналитическом уровне рассматривается содержание и значение, фокус на информации, влиянии, выборе языковых средств. В неструктурированном интервью внимательное эмпатичное выслушивание, выделение значительных эпизодов, поддержка конверсации высказываниями относятся к функциональной сфере – создается более многогранная картина, нарратор контролирует содержание и сам определяет важность событий, использование языка непредсказуемо, вероятно появление эпизодичных и анекдотичных историй [ROGAN–DE КОСК 2005: 637].

В группе методов структурного анализа [ROGAN–DE КОСК 2005: 637] производится анализ всего текста, содержания и дискурса, индивидуального использования лексики, значения в контексте данной ситуации, синтаксиса, семантики и грамматики, а также внутренний просмотр главных тем, анализ более длинных отрезков, категоризация стилей дискурса, экспрессивный, референциальный нарратив, внутренняя проверка специфичной семантики нарратора, выбора синтаксических средств, идентификации, интесификаторов, методов оценки, паттерны лексики и содержания, при выборе лексики, анализ технических и механических аспектов языка. На аналитическом уровне структурного анализа происходит просмотр зависимой от содержания интерпретации глобального значения текста, сбор элементарных, само собой разумеющихся деталей интерпретации глобального значения, возникновение значения в языке.

При анализе образных средств языка [ROGAN–DE КОСК 2005: 645], индивидуальный анализ выразительной лексики и тропов, анализ всего текста, выделяются метафоры, сравнения, абстрактный и символический язык. На аналитическом уровне интерпретируются визуальные образы, которые пронизывают язык. Неоднозначная интерпретация образов, образные выражения поддерживают интерпретацию значения. Само представление событий уже является осмыслением нарратора. Исследователь сам тоже порождает темы, используя множество типов доказательства.

В дальнейшем рассматривается создание образа врача и идентитета пациента, исходя из текстов мы рассматриваем, как он создается в нарративе структурированного интервью. Использование методов в ходе анализа определяется самим нарративом, чаще используются методы перформативной и структурной группы.

2. Тексты и анализ

Рассмотренные тексты – частично-структурированное фокусированного группового интервью, темы которого по большей части заданы вопросами ведущей интервью, это беседы круглого стола по темам аптека, участники собраны для исследования рынка, носящего социологический характер. Исследование проведено в одной из стран Прибалтики, все данные, указывающие на конкретные местные условия (названия улиц, вкрапления на языке страны) удалены. Ведущая – социолог, участники – рядовые граждане, мужчины и женщины, потребители в возрасте 50-70 лет, ближе к пенсионному возрасту, или уже на пенсии. Участники обозначаются цифрами, 1 – ведущая. Обработано около пяти часов такой видеозаписи, рассматривались нарративы, связанные с формированием идентитета рядового потребителя, пожилого пациента, образа врачебной и фармакологической сферы. Нарративный анализ пользуется простой записью текстов, не использует сложной транскрипции. Однако процесс записи, транскрибированного материала уже подразумевает момент осмысления этого материала, показанного сквозь восприятие исследователя.

Текст интервью может делиться на две части – знакомство и разговор на общие темы, затем следует сужение темы на медицинские услуги и аптеки. Участники представляются, то, как они говорят о себе, верно отражает некоторые важнейшие для говорящих черты их идентитета, самоопределения, это появляется и в описании их обычного дня и в ответе на вопрос: *Перечислите 3 самые важные для вас в жизни вещи* (например, идентитет матери, идентитет человека на инвалидной группе, ответственного работника, которого ценят и т. д.). Участники нередко подчеркивают в процессе рассказа о своем дне, буднем или выходном, свой статус обычного рядового гражданина: *обычные житейские заботы, все как у других*.

Ведущая задает вопросы о здоровом образе жизни, клиентских карточках, привычках пользования клиентскими картами, плюсах и минусах обладания и их мнение что можно/нужно изменить, наличие позитивного/негативного опыта в связи с аптеками, откуда они вообще получают информацию о лекарствах, ценах на лекарства, каких-то скидках. Какой информации о лекарствах они доверяют больше.

При ответах на вопросы часто встречается структура, которую можно определить как повтор с добавлением, говорящий добавляет после повтора общего ответа свое мнение, свои новые аспекты для освещения проблемы, выражают свои оценки в связи с вопросом и предыдущим мнением, поддерживают и развивают далее поднятую тему или спорят с ней и выражают отличное мнение. Происходит выделение тематической преференции, более подробное развитие вопроса одним из участников, поддержка этой точки зрения или спор с ней. На этих этапах часто встречается изложение собственного опыта в связи с представленной услугой. Это выражение позиции нередко подтверждается примером из жизни, рассказом истории, в которой главным героем являлся сам рассказчик и на основе приобретенного в ситуации опыта он формирует свое

мнение в связи с поднятым вопросом, иной раз появляются разногласия, споры с противоположенным мнением, которые подтверждаются историями собственного опыта, для подтверждения сказанного.

В текстах интервью появляется образ торговой (конкретнее, фармакологической) сферы и медицины и идентитет потребителя, а также отношение потребителя и упомянутых сфер. Рассмотр тем, выделение историй, анализ языковых средств являлся подготовительным этапом исследования, а интерпретация создания образа представителя услуг и потребителя – аналитическим. Система фигурирует как враждебная среда в отношениях индивида и представителя мед. сферы доминируют трудности коммуникации, особенно с врачом, это может быть и языковой барьер, либо непонимание из-за разных профессиональных предпосылок и решение этих проблем потребителями-пациентами.

1. Нами были выделены те части текста, в которых упоминались врачи и аптеки, аптечные услуги, в связи с ними можно было выделить следующие темы:

Пожилой пациент, пенсионер

- материальная необеспеченность
- недоверие к врачам
- возмущение ценами
- возмущение безразличным поведением врачей
- сам изучает литературу и интернет, ищет решения своей проблемы
- привозит себе лекарства из России, где они более дешевые

Лекарства – дорогие, часто недоступные

- жизненно необходимые
- недостаток информации в связи с лекарствами

Аптеки – хорошее обслуживание

- подробная информация
- большая разница в ценах
- недостаток информации о ценах
- дороговизна препаратов
- языковой барьер – работники аптек не могут дать информацию на русском языке
- нет препаратов, их надо заказывать
- нет доставки на дом
- недостаточно дежурных аптек
- нет комфорта – стула для пожилых больных, воды для приема лекарств, если кому-то оно немедленно требуется, туалета
- аптечный бизнес

Врач – к нему трудно попасть

- языковой барьер – не говорит по русски

- барьер в понимании, говорит на профессиональном жаргоне, не понимает вопросов пациента
- относится к пациенту безразлично
- не дает достаточно информации
- «подвязан» к аптеке
- берет деньги, не предоставляя услуги или предоставляя услуги лишь для видимости (стоматолог)
- выписывает рецепты «веером»
- партнер для разговора при интересе со стороны пациента

2. Рассмотрим микроанализ отрезков текста, в которых появляется нарратив опыта взаимодействия пациента и медицинской сферы. В текстах интервью было выделено семь коротких нарративов, в которых участники докладывают о своем негативном опыте в связи с медицинской сферой. Характеризуя формально эти короткие нарративы мы не видим особых описаний условий, в которых произошли события, обстоятельства приема у врача известны всем и поэтому отдельного описания не требуют.

- 1 Какой информации вы больше всего доверяете?
- 5 В идеале информации от врача...
- 6 От врача
- (...)
- 9 Что врач выписал, то я и буду принимать.
- (...)
- 9 Надо слушаться врачей.
- 6 Ничего страшного...
- 9 Врачей, специалистов.

Много историй, примеров из жизни появилось во всех интервью при ответе на вопрос *Кому вы больше доверяете, информации от врача или из других источников*. Тут наблюдается осмысление опыта участниками интеракции, при помощи небольших историй и мнение всей группы в связи с вопросом меняется под влиянием аргументации. Этот момент важен из-за его противопоставления доминирующему нарративу, согласно которому система требует безоговорочного доверия своим представителям специалистам, которые занимают определенное место в структуре социального института, в медицине это врач или медицинский работник, но никак не сам пациент. Профессионалу надо доверять и следовать его указаниям. В тексте интервью неоднократно звучит: доверять надо врачу.

- I.
- 3 И не так чтоб выбирать, я составлю мнение, информацию получить.
- 9 Как выбирать
- 4 Еще неизвестно как можно доверять...
- 3 Там уже я решу...

- 9 Ну вы же к врачу все равно здесь пойдете по месту жительства, правильно?
- 3 Ну почему по месту жительства, если щитовидка.
- 9 А семейный врач отправляет.
- 3 Не, я имею в виду если уже направили, я же не буду, куча врачей, которые вообще. Вот у меня была гинеколог, которая вообще мне не любила рассказывать что-то, то есть у меня даже никакого понятия не было о чем, пока я сама, и уже уверенно, спокойно чувствуешь, ты знаешь, ты информирован, а дальше уже ты решаешь как и что.
- 9 Надо слушаться врачей.
- 6 Ничего страшного...
- 9 Врачей, специалистов.

Участница 9 не приводит примеры, не докладывает о своем опыте, это ей не нужно, так как она опирается на общеизвестную, конвенциональную истину, которая не требует доказательства. Знанием о лечении обладают лишь медицинские работники, а все остальное – шарлатанство. Другие участники описывают образ врача как может быть компетентного, но неспособного (а может и не желающего) помочь. Они приводят примеры, события, которые с ними произошли. Они отстаивают свою точку зрения, рассказывая о собственном опыте интеракции с профессионалом-врачом. Весь дискурс второй части рассмотренных интервью строится вокруг основных трех тем, приведенных выше, аптеки, врачи и лекарства. В вышеприведенном отрезке текста изложена история женщины (3), которая больше доверяет информации в интернете, чем врачам, сама выбирает какое лечение ей пройти. Она спорит с участницей девять, остальные тоже включаются.

Одна из основных причин недоверия, это тот факт, что по оценке пациентов, врач не дает достаточно информации. Изложенное не рассматривает обстоятельств, лишь сообщает тот факт, что врач «не любил рассказывать что-то», это вызвало опасение, тревогу пациента, которая решила сама познакомиться с литературой по вопросу. Выбор слов «не любила» подсказывает субъективность действий врача по мнению пациента. Она использует интенсификаторы **даже** *никакого понятия* отрицательное местоимение и отрицание, затем, при сообщении о своих действиях языковое оформление подчеркивает именно самостоятельность ее решения **я сама** и разрешение напряженной ситуации положительным образом, тут тоже происходит амплификация, усиление, подтверждение собственной правоты повтором синонимов **уверенно, спокойно; ты знаешь, ты информирован**. Использование параллельной конструкции в повторе служит также цели убеждения, из которого следует вывод – на основе информации можно принять решение о ходе лечения.

Врач в этом рассказе появляется как неспособный прочувствовать проблемы пациента, безразличный человек, который не выполняет одну из своих обязанностей – информирование.

II.

- 1 А какой информации вам не хватает?
- 3 Конкретно по каждому, вот у меня был случай, врач выписал лекарство, она мне говорит: «Что вы хотите, уколы или таблетки?» Я ей говорю: «А какая разница?» А она: «Это уколы, а это таблетки.» (Смех) То есть я вот пытаюсь, ну как я могу вот сказать что я хочу, что это мне говорит.
- 7 Таблетки для желудка...
- 3 Так я она говорят, когда я стала спрашивать, она говорит: «А вы вот не хотите»... Для желудка не для желудка, тогда можно все время уколы делать, зачем тогда таблетки предлагать, да, да вот...
- 6 Укол быстродействующее.
- 3 Вот, потом это прочитала, очень на пользу все это пошло, все правильно сделала, воот. То есть она даже не поняла вопроса, она говорит: «Как вы не понимаете, это уколы а это таблетки».

Приведенный нарратив является еще одним подтверждением убеждения говорящей 3, что врач не представляет достаточно информации. Она отвечает на вопрос ведущей А какой информации вам не хватает? Ответ – в принципе никакой информации она от врачей не получает. Она указывает, что будет следовать рассказ, а затем описывает ситуацию, в которой ее простой вопрос не был понят (предложена альтернатива. уколы или таблетки, говорящая 3 не понимает, в чем недостатки или противопоказания, но не получает никакого объяснения, просто повторяет в форме утвердительного предложения), ей не хватало информации, но выносить решение должна была она. Окружающим вполне понятна неадекватность реакции врача, это выражает их смех. Врач считает общеизвестным различие двух форм, пациентка же не понимает, почему ей не отвечают на вопрос. Рассказ прерывается вкраплением, одна из участниц интервью начинает объяснять побочные эффекты от таблеток 7 Таблетки для желудка... Продумывает прозвучавшее, пытается придать ему смысл. Вкрапление звучит симульганно с рассказом. По видимому участники интервью тоже считают это базовым знанием, хотя и смеются над ответом (точнее нежеланием отвечать) врача. 3 продолжает свой рассказ, однако прерывает его, чтобы отреагировать на вкрапление, она тоже это знает, но для нее этого еще недостаточно Для желудка не для желудка, тогда можно все время уколы делать, зачем тогда таблетки предлагать. В первой части высказывания говорящая 3 оценивает реплику говорящей 7 как несущественную. Если один из вариантов чреват побочными эффектами, зачем предлагать тогда два варианта? Дискурсивными маркерами она оканчивает свой ответ на реплику и возвращается к повествованию. Однако и остальные участники, по видимому, продолжают осмысление поведения врача: 6 Укол быстродействующее, но 3 уже не реагирует на эту

реплику, она хочет продолжить свой рассказ и поэтому она повторяет дискурсивный маркер и описывает свои действия прочитала и дает оценку своим действиям и развязку очень на пользу все это пошло, все правильно сделала, воот. Употребляя для подчеркивания правоты наречие очень и оценивая все свои действия как правильные. Перед сменой темы звучит дискурсивный маркер, подытоживающий и оканчивающий тему, хотя после этого участница 3 еще раздает свою интерпретацию поведения врача (нежелание ответить, а непонимание), повторяет слова врача, перед тем как говорящие переходят к следующей теме.

III.

9 Врача может ... спросите.

3 Ну потому что у врача...

4 Ну к врачу не всегда попасть можно.

3 Нет, почему у врача. Врач не так говорит совершенно, ну и надо все это врач скажет очень коротко, ну я по ---ски понимаю, врач говорит, ну я по русски с врачом говорила, ну (перевод иностранного текста на русский: «Пищевые добавки принимать нельзя»), ну я поняла, что пищевые добавки, медсестра, та переводит: «Нельзя витамины», ну вы понимаете, ну это очень слепо доверять врачам...

9 Ну это же вам медсестра сказала, а не врач.

3 А она попросила медсестру перевести, понимаете...

4 Это как испорченный телефон.

А Она могла бы, ее не интересовало, понимаю я по ---ски, не понимаю...

9 Ну это уже... (машет рукой)

Продолжение дискурса примера II. изложено в приведенном выше примере III. Участница 9 продолжает повторять, что информацию в связи с лечением следует просить у врача, 3 начинает отвечать, но 4 прерывает, добавляя новую точку зрения – к врачу не всегда можно попасть (использует при этом конструкцию с дискурсивным маркером *ну*, такую же, как и предыдущий говорящий). Участница 3 реагирует на реплику – Нет, почему у врача и уточняет свою интерпретацию – Врач не так говорит совершенно (...)врач скажет очень коротко. Далее следует небольшой рассказ о том, как языковой барьер или опять же нежелание врача вникать в подробности и безразличие к пациенту вызывают ошибочную инструкцию к лечению. Нет вводных выражений, указывающих на то, что последует история, сразу развертывается ситуация. Женщина говорила с врачом по русски, а тот реагировал на языке страны. По русски врач понимает, но когда говорит, просит медсестру перевести свои слова. Медсестра неточно переводит инструкции врача, вместо слов *пищевые добавки* переводит *витамины*. После следует вывод, хотя эллиптический, ну вы понимаете, ну это **очень** слепо доверять врачам, за усилителем значения наречием *очень* не следует предиката – глупо,

накладно, нехорошо. Тут рассказ, приближающийся к концу прерывается репликой говорящей 9, оправдывающий действия врача, и репликой участника 4, добавляющего свою оценку ситуации в форме сравнения – 4 Это как испорченный телефон. На реплику 4-го участника рассказчица не реагирует, а предпочитает ответить на слова говорящей 9. Врач понимает по русски и мог бы и должен был бы контролировать ситуацию, но этого не произошло, так как врачу это было безразлично, разберется ли пациент в ситуации и правильно поймет ли инструкции. Тут и участница 9 дает негативную оценку происшедшему эллиптическим предложением, которое дополняется жестом – взмахом руки. Ну это уже... (действительно халатность, безразличие, халатное отношение врача).

IV.

- 6 Семейный врач. Вот у меня кончится лекарство от давления. Да, вот и все. Я ей говорю: «Я плохо себя чувствую, больничные мне выпишите», она: «Не надо», даже если я там эээхх загибаюсь, у меня такой врач семейный, мне сейчас можно менять, я сейчас нечасто на двоих сижу мне это не надо, отношение чисто наплевательское.
- 1 А кому вы больше доверяете, написанному слову, провизору в аптеке или своему врачу?
- 3 Конечно написанному слову.
- 6 Ну теперь уже написанному слову, и своему опыту, к сожалению.
- 3 Конечно.
- 9 Лучше же не проверяете.
- 3 Ну и плюс собственному опыту.

В примере IV. также следует пример-история. Говорящая не использует вводных выражений, указывающих на то, что последует история, для того чтобы обрисовать ситуацию, она говорит лишь Семейный врач., которая вызывает в сознании слушающих развертывающуюся ситуацию приема у семейного врача. У больной кончилось лекарство от давления и она очень плохо себя чувствовала. Врач на ее просьбу выписать ее на больничный лист отвечает лаконичным отказом. Несмотря на сильные страдания пациента (при описании своего состояния на использует интенсификатор даже, звукоподражание, изображающее хрип эээхх экспрессивно окрашенную лексику загибаюсь), врач оценивает ее состояние как работоспособное, не требующее домашнего покоя. Врач не верит словам пациента о ее физическом состоянии, а исходит из своих, непонятных пациенту, соображений. Говорящая 6 начинает оценку врача, но прерывает ее на объяснение о том, как она принимает лекарства. Оценка следует позже, подытоживая и оканчивая повествование – отношение чисто наплевательское.

Пациент оформляет свой рассказ в форме настоящего времени, которое придает ему обобщающее значение, у слушающего создается впечатление, что ситуация повторялась не один раз. Следующий небольшой отрезок оставлен

мной в тексте, так как в нем видно, как изменилось мнение группы по отношению к доминирующему нарративу в ходе аргументации.

V.

6 А я поменяла шило на мыло, она очень занята, в одночасье заходишь, а она, как вы себя чувствуете, а как у вас дела, а на работе как...

1 Ухм

6 Может ей до лампы моя работа и моя семья, но просто... А эта сидит, симпатичная, молодая, миловидная, но ей до лампы все.

9 Вы к врачу пришли или поговорить?

6 Я и с коробкой конфет могу прийти, это не меняет ее отношения ко мне, это просто меняет отношение ... , она просто так

В примере VI. говорящая 6 рассказывает о том, как она поменяла семейного врача, но остается недовольной и своим новым врачом поменяла шило на мыло, эта пословица означает поменять плохое на такое же плохое или даже худшее. Она рассказывает о причине смены, ее врач был очень занят (к нему трудно было попасть? надо было стоять в очереди? – тут слушатели не получают подробной информации), но она всегда интересовалась ее делами, семьей, работой. Приводя слова врача, интонация говорящей более интенсивна и она выражает интерес и вовлеченность врача в жизнь пациента. Следует оценка – даже если такое поведение врача неискренно, это все равно приятно. Может ей до лампы моя работа и моя семья, но просто... . Конструкция опять эллиптическая, но нет сомнений в позитивной оценке такого поведения. Описание нового врача следует противопоставительной конструкцией А эта сидит, симпатичная, молодая, миловидная, но ей до лампы все. Оценка поведения нового врача прерывается описанием внешности, и новой противопоставительной конструкцией: несмотря на приятную внешность ей полностью безразлично состояние пациента, употребляется метафорическое выражение ей до лампы все. Реплика 9-й участницы свидетельствует о том, что по ее мнению в задачи врача не входит разговор с пациентом, но рассказчица оставляет это без внимания.

VI.

2 А еще, извините я вас перебил, есть медицинские работники, особенно зубные врачи, просто самым настоящим образом, нахальнейшим образом берут, и вынуждают платить деньги, не такой, ятобы там там и там. Я такой, что все зубы имею, у меня что-то случилось, там пошатался один зуб, прихожу к зубному врачу. «Пожалуйста, когда вам в последний раз зубы чистили?» – «Каждый день, три раза или два раза.» – «Нет» – врач «Ой вам надо почистить». – «Пожалуйста, почистите», и я уплатил 60 евро за час. Ничего, потом он выписал, что вам надо десны споласкивать, приходите через

месяц. Через месяц прихожу – 30 евро. Прихожу через месяц еще, 25 евро и потом только чистками занимались.

1 Ухм, ухм.

2 И потом я глаза вытаращил: «Три раза я приходил, вы только чистили мне зубы, а что вы делали?» – «А это вы ко мне придете весной, у вас очень хорошие зубы, вам ничего не надо.» – «Раз у меня такие хорошие зубы, что же вы, три раза столько.» Безконтроль. Номерок не получить к специалисту, номерок не получить к семейному врачу, когда приходишь, у дверей тишина, никого нет, никого нет.

Говорящий 2 утверждает, что некоторые медицинские работники вынуждают платить деньги, предоставляя такие услуги, которых состояние пациента не требует. Он пришел к своему стоматологу с определенной проблемой, шатающимся зубом, который, как выяснилось в ходе рассказа, не требовал отдельного решения. Но врач, вместо того, чтобы просто отпустить пациента 3 раза очищал его зубы и взял за это большие деньги. Говорящий не использует вводных выражений, указывающих на то, что последует история, сразу развертывается ситуация. Пациент неправильно понимает вопрос врача, врач сообщает ему, что требуется почистить зубы и выписал лекарство для споласкивания десен. Пациент дает оценку Ничего, считает это приемлемым, потом так повторялось два раза. Пациент был неприятно удивлен этим, для выражения своего крайнего изумления он использует экспрессивно окрашенное выражение – я глаза вытаращил и потребовал врача объяснить свои действия. Врач отвечает не совсем адекватно, противоречит самому себе – у пациента отличные зубы и ему не требуется лечения. Рассказ оканчивается оценкой ситуации: Безконтроль.

VII.

4 Ну когда ближе к дому, идешь, это в магазине --- (название супермаркета). И там аптека прекрасная и там девочки, ребята там и вообще кстати, я через своих внуков это дело знаю, это ---ская школа медсестер, она же выпускает прекрасных специалистов, и вот провизоров вообще замечательная, просто замечательная, но вы знаете такую ситуацию, наверняка знаете, что сейчас очень часто врач именно в этой аптеке.

6 Да, подвязан.

4 Да, именно в этой аптеке...

6 Между аптекой и врачом.

4 Я сталкивался, и действительно спрашивал в аптеке ... и они не знают где это лекарство, ну у нас у всех компьютер есть, мы можем быстренько посмотреть эти самые, дал эту аптеку, смотришь – есть. Я наткнулся со своими глазами ну не один раз, ну не считал, ну не один.

1 То есть оно в этой аптеке, в которой врач сказал будет, а в других не будет?

4 В других нет. Вот именно в этой аптеке.

Неразборчиво, говорят одновременно.

- 2 ... один разговор. Что чем больше врачи своих пациентов туда посылают, вроде их вознаграждают. У нас же взятки исчезли.
- 4 Вот сейчас у меня с собой рецепт, прямо здесь, мне сказали, надо идти в --- (название аптеки), я еще не сходил туда, вот там глазные капли.
- 1 Ухм (беседа на заднем плане, неразборчиво).
- 4 Только там, французские.

Говорящий 4 рассказывает о том, что он очень доволен аптекой, в которую он обычно ходит. И там аптека прекрасная и там девочки, ребята (...) это ---ская школа медсестер, она же выпускает прекрасных специалистов, и вот провизоров вообще замечательная, просто замечательная, и в связи с этим осторожно замечает, что существуют случаи, когда между аптекой и врачом есть договор направлять пациентов именно в данную аптеку или выписывать определенное лекарство, которое можно только там купить но вы знаете такую ситуацию, наверняка знаете, что сейчас очень часто врач именно в этой аптеке.

Он формулирует свое сообщение осторожно не высказывая его полностью, опираясь на базовое знание (наверняка все знают об этом) и с повтором, остальные участники его понимают, высказывая то, что он не хотел открыто высказать. 6 Да, подвязан. Затем говорящий рассказывает то, что не раз он имел подобный опыт, что выписанное лекарство имелось именно в той аптеке, куда его посылали. Ведущая перефразировкой в вопросе уточняет рассказанное. Тут звучит реплика участника 2: аптеки врачей вознаграждают за эти услуги. Таким образом в этих двух высказываниях имплицитно, что заключение сделки с аптекой так же противоречит этике, как и брать взятки.

Тут начинается собственно рассказ, говорящий получил рецепт глазных капель, и ему дали инструкции, в какой аптеке он может их приобрести. Говорящий не использует вводных выражений, указывающих на то, что последует какое-либо повествование, для подтверждения своих слов он просто показывает рецепт, упоминает конкретное название аптеки, и уточняет: глазные капли. (...) Только там, французские.

3. Итоги

Целью исследования было проследить нарративное создание образа врача и идентитета пациента, которые обрисовываются в нарративном оформлении опыта пациента в сфере мед. учреждений. После изложения теоретических и методологических предпосылок представлен микроанализ 7 историй, прозвучавших в дискурсе фокусированного группового качественного интервью, связанного с аптечной темой. Основа наших теоретических предпосылок это то, что индивиды организуют свой жизненный опыт в форме нарратива, который представляет возможность для рассмотрения, осмысления различных социальных ролей и самого себя. Поэтому выбранный нами метод – нарративный анализ.

Проведение глобального тематического анализа текстов интервью предлагает 4 круга тем, возникающих в процессе обсуждения соприкосновения индивида и медицинской сферы, это темы пожилой пациент, лекарства, аптеки/работа аптек, врач/поведение/работа врача. Приводятся микроанализ 7 нарративов, свидетельствующих о соприкосновении с мед. сферой. Тут появляется идентитет пациента, доверяющего медицинской среде, опирающегося в своей аргументации на доминантный нарратив, согласно которому система требует безоговорочного доверия своим представителям и спором с этим мнением участников интервью, приводящих примеры из жизни, подтверждающие их позицию. В этих интервью обрисовывается образ мед. сферы как враждебной в отношении к пациенту среды, представитель которой, врач, недостоин доверия пациента. Врач не дает достаточно информации, по разным причинам. Барьер в понимании может быть чисто языковым, либо связанным с употреблением профессионального жаргона, отсутствия времени или просто нежелания отвечать на вопрос, безразличия к пациенту. Врач также представляется как несоблюдающий этические нормы, предлагающий ненужные, но дорогостоящие процедуры или «подвязанный» к аптеке. Пациент появляется как непонимающий мотивы и соображения врача, или предполагающий этические погрешности на заднем плане. Пациент беспомощен, предоставлен часто самому себе, переживает по этому поводу и решает ситуацию самостоятельно, разыскивая информацию в интернете или привозя лекарства из-за границы. Таким образом в микроанализах нарратива возможно рассмотрение создания образа врача и идентитета пациента.

Литература:

- ANTAKI–WIDDICOMBE 1998: Antaki, Ch., Widdicombe, S. Identity as an Achievement and as a Tool. // Antaki, Ch., Widdicombe, S. (Eds.) *Identities in Talk*. London: Sage, 1–15.
- BAMBERG 2011: Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity. // *Theory ja Psychology* 21 (3), 3-24.
- BARTHES 1982: Barthes, R. *A Barthes Reader*. (Ed.) Sontag S. London: Jonathan Cape.
- BOJE 2001: Boje, D.M. *Causality analysis*.// *Narrative Methods for Organizational & Communication Research* Editors: David M. Boje Publishing Company: SAGE Publications, Ltd City: London 93-108.
- BRUNER 1986: Bruner, J. *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- CHIARNIAWSKA 2004: Chiarniawska, B. The 'Narrative Turn' in Social Science Research. // Chiarniawska, B. *Narratives in Social Science Research*. London: SAGE Pub.
- FROST 2009: Frost, N. 'Do you know what I mean?': the use of a pluralistic narrative analysis approach in the interpretation of an interview. // *Qualitative Research* 9(1): 9-29.
- GEORGAKOPOULOU 2007: Georgakopoulou, A. Thinking big with small stories in narrative and identity analysis. // Bamberg, M. (Ed.) *Narrative – State of the Art*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 145-154.
- JENKINS 2008: Jenkins, R. *Social Identity*. 3rd ed. London and New York: Routledge.
- LABOV, W. *Oral Narratives of Personal Experience*. Доступ: <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/febOralNarPE.pdf>, 25.09.2016., 10:00.

- LABOV–WALETZKY 1997: Labov, W., Waletzky, J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. // Journal of Narrative and Life History. Vol. 4, N. 1-4, 4-38.
- LINNO–STRÖMPL 2012: Linno, M., Strömpl, J. Narratiivse maailma uurimine. // Strömpl, J.; Selg, M.; Linno, M. (Eds.). Narratiivne lähenemine sotsiaaltöuurimuses. Laste väärtkohtlemise lood, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 48 - 61.
- STRÖMPL, J. 2012: Strömpl, J. Sotsiaalse tegelikkuse konstrueeritud iseloom ja interpreteeriv sotsiaalteadus. // Strömpl, J.; Selg, M.; Linno, M. (Eds.). Narratiivne lähenemine sotsiaaltöuurimuses. Laste väärtkohtlemise lood. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 15 - 47.
- PINNEGAR–DAYNES 2007: Pinnegar, S., Daynes, J.G. Locating Narrative Inquiry Historically: Thematics in the Turn to Narrative // Handbook of Narrative Inquiry: Mapping a Methodology Editors: D. Jean Clandinin Publishing Company: SAGE Publications, Inc., 3-35
- RIESSMAN 2008: Riessman, C.K. Narrative Methods for the Human Sciences. Sage Pub.
- ROGAN–DE KOCK 2005: Rogan, A., de Kock, D. Chronicles From the Classroom: Making Sense of the Methodology and Methods of Narrative Analysis // Qualitative Inquiry, Volume 11 Number 4, 628-649.
- БАХТИН 1996: Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Москва: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг., 159-206.
- КУТКОВСКАЯ 2014: Кутковская, Е.С. Нарратив в исследовании личности. // Национальный психологический журнал № 4(16), 23-33.
- ПРОПП 1928: Пропп, В. Морфология сказки. Вопросы поэтики. Выпуск XII. Ленинград: „Academia”
- ПУЗАНОВА–ТРОЦУК 2003: Пузанова, Ж. В., Троцук, И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора. // Социология № 17, Москва, 56-82.
- ШАХВЕРДОВА 2012: Шахвердова, В. Иерархия в дискурсе правосудия: власть и подчинение в речи профессионала и гражданина (на материалах юридического шоу «Час суда»). DU Press, Debrecen.

Abstract

Narrative Analysis of Constructed/Maintained Identity in the Focus Group Interviews' Discourse

The analysis focuses on the creation of the identity in talk-in-interactions. Identity emerges, being maintained and changes in everyday conversation in the process of communicative action interpretations achieved by speakers and their reactions. Consequently, identity can be observed in the individual narratives. In our research, we observe the emergence of identity of the patient and their image of physician in the texts of qualitative semi-structured focus group interviews (in Russian language). The text analysis is based on the theoretical and methodological background of narrative analysis.

**ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ
НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОГО СЛОВАРЯ
АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)**

Szabolcs JANURIK

В настоящей статье рассматриваются проблемы словарной фиксации новейших лексических элементов иноязычного происхождения в современном русском языке, анализируются некоторые вопросы их лексикографического представления, связанные с наличием графических и фонетических вариантов у многих иноязычных неологизмов, подачей грамматической информации о них, а также регистрацией их новых значений, возникающих при заимствовании. В задачу настоящего сообщения не входит обсуждение общих теоретических вопросов процесса графической, фонетической, грамматической и семантической адаптации новых заимствованных слов, предлагается лишь краткий обзор указанных лексикографических проблем.

Основным источником для данного исследования послужил вышедший в свет в 2016 г. в издательстве «Флинта» новый лексикографический справочник «Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет» [А316] под редакцией Б. Д. Ходжагельдыева и О. С. Шуруповой. В ходе анализа материалы этого нового словаря будут сопоставлены с данными других лексикографических работ, в том числе четвертого издания «Русского орфографического словаря» [РОС] 2012 г., а также различных словарей иностранных слов и неологических словарей, опубликованных в начале XXI века. Основываясь на корпусе одного словаря, настоящая статья, естественно, обладает и определенными чертами рецензионного характера, однако, главная ее задача заключается не просто в критическом отзыве на новую книгу, а в том, чтобы с помощью использованного в ней компаративного метода обеспечить более широкий спектр обсуждения упомянутых вопросов, представляющих значительные трудности для современного лексикографа.

Новый словарь английских заимствований А316 является особым типом лексикографических изданий, совмещающим в себе функции словарей иностранных слов и неологических словарей. Эта новая разновидность словарей появилась в современной русской лексикографии в последние два десятилетия и представлена такими справочниками как «Словарь новых иностранных слов» Н. Г. Комлева (1995), «1000 новых иностранных слов» Л. П. Крысина (2009) и «Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI в.)» Е. Н. Шагаловой (2009). В этих изданиях нашли отражение только новейшие иноязычные заимствования последних лет: иностранные слова, ранее закрепившиеся в русском языке, остались в них без внимания. Новый словарь англицизмов

продолжает эту традицию, ограничиваясь лишь актуальными лексическими нововведениями английского происхождения (объем словаря небольшой – около 700 слов). «Словари иностранных слов быстрее других лексикографических изданий реагируют на изменения, происходящие в лексике, существенно дополняют материалы неологических словарей, оперативно представляя лексические инновации, отражающие развитие науки, техники, культуры своего времени, связи с другими странами и народами» [Козырев–Черняк 2016: 84]. Такая характеристика вполне свойственна и новому словарю английских заимствований.

1. Новизна материалов А316

1.1. Лексические неологизмы

В А316 представлена первая лексикографическая фиксация многих новых английских заимствований, появившихся в русском языке в начале XXI века. Лексические неологизмы, не получившие еще отражения в других лексикографических изданиях, занимают значительное место в словаре (112 словарных статей, 16% от общего числа всех единиц, включенных в словарь).

Ниже приводится тематическая классификация лексических неологизмов английского происхождения, зафиксированных впервые в русской лексикографии в А316. Кроме указания на тематические сферы, в которых употребляются рассматриваемые новейшие англицизмы, дается и краткое объяснение их значения.

(1) Мода, одежда, косметика

- понятия моды: *боди-позитив* ‘движение, призывающее не пытаться прятать особенности своего тела’, *селфи* ‘любительская автопортретная фотография’, *селфимания* ‘неудержимое желание фотографировать себя и выкладывать снимки в соцсети’, *стрит лук* ‘уличная мода’, *трендмейкер* ‘законодатель моды’, *хипсит* ‘сиденье для переноски маленького ребенка’;
- предметы одежды: *бамстеры* ‘брюки, низко сидящие на бедрах’, *лонгслив* ‘футболка с длинными рукавами’, *некхольдер* ‘фасон топа’, *оверсайз* ‘широкая одежда свободного кроя’, *скинни* ‘облегающие джинсы’, *слимфит* ‘зауженная одежда’, *тимберленды* ‘водонепроницаемые ботинки’, *треггинсы* ‘облегающие брюки’;
- предметы косметики: *баттер* ‘крем для кожи или волос’, *буст-ап* ‘процедура увеличения объема волос’, *смоки айз* ‘способ макияжа глаз’, *хайлайтер* ‘средство для высветления и выделения отдельных участков лица’, *шиммер* ‘средство для придания макияжу сияния’.

(2) Экономическая лексика

- экономические термины: *автотрейдинг* ‘комплекс услуг по доставке грузов в различные регионы’, *боссинг* ‘безосновательная критика работника руководителем организации’, *дропшиппинг* ‘прямая поставка товара клиенту’, *краудсорсинг* ‘передача производственных функций широкому кругу лиц по типу субподрядной работы’, *краудфандинг* ‘сотрудничество людей, добровольно объединяющих свои деньги, чтобы поддержать усилия других’, *овербукинг* ‘стратегия продажи клиентам большего количества билетов, чем забронировано’, *офшоризация* ‘выведение бизнеса на территории с льготным налогообложением’, *эйчары* ‘человеческие ресурсы’;
- коммерческие термины: *фикс-прайс* ‘магазин фиксированной цены на все товары’, *фримаркет* ‘благотворительная ярмарка обмена вещами’, *шоплифтер* ‘магазинный воришка’;
- финансовые термины: *биткойн* ‘электронная платежная единица’, *мани-бэк* ‘возврат уплаченных денег’;
- понятия рекламы: *факт-лист* ‘короткий информационный материал для прессы’, *холдер* ‘папка для хранения рекламной продукции’, *эксплейнер* ‘короткий видеоролик для рекламирования товара’.

(3) Компьютерная лексика

- компьютерные термины: *блэклист* ‘механизм ограничения доступа’, *таблет* ‘планшет’, *фолловер* ‘лицо, подписавшееся на ленту сообщений другого пользователя соцсети’, *фреймворк* ‘платформа, определяющая структуру программной системы’, *хэштег* ‘слово, стоящее перед символом # и используемое для распределения сообщений по темам’, *эксплорер* ‘поисковик’;
- термины компьютерных игр: *перк* ‘особенность игрового персонажа’, *сеттинг* ‘среда, в которой происходит действие игры’;
- интернет-сленг: *аськать* ‘обмениваться мгновенными сообщениями’, *даунлодить* ‘скачать’, *обьютьюбить* ‘разместить видеофайлы с помощью ютьюба’, *шароварищик* ‘программист, создающий бесплатные программы’.

(4) Лексика гастрономии

- названия блюд: *капкейк* ‘торт небольшого размера’, *крамбл* ‘яблочки, запеченные под крошкой из песочного теста’, *крисп* ‘хрустящий, поджаристый кусочек хлеба’, *маффин* ‘круглый сладкий кекс с начинкой’, *смокеты* ‘консервированная копченая рыба’, *трайфл* ‘десерт из печенья, ванильного крема и фруктов’;
- названия напитков: *смужи* ‘густой напиток из измельченных фруктов и ягод’, *фроузен* ‘ледяной коктейль’;
- названия кухонных предметов: *плейсмат* ‘бумажная или тканевая подставка под столовый прибор’.

(5) Термины современного искусства: *интерквел* 'произведение, сюжетные события которого происходят между событиями ранее созданных произведений', *картун* 'мультфильм', *мидквел* 'произведение, развивающее сюжет предшествующих произведений на ту же тему', *спойлит* 'рассказывать содержание произведения, делая бессмысленным дальнейшее знакомство с ним', *фан-арт* 'творчество поклонников популярных произведений искусства', *хэнд-мейд* 'ручная работа'.

(6) Понятия общественной жизни: *бэбибокс* 'место в больнице, где анонимно оставляют новорожденного младенца', *кэжуал фрайдэй* 'ослабление в одежде в последний день рабочей недели', *ланч-брейк* 'обеденный перерыв', *нетворкинг* 'деятельность, направленная на то, чтобы с помощью круга знакомых быстро решать сложные жизненные задачи', *сити-менеджерство* 'управление городом'.

(7) Спортивная лексика: *воркаут* 'разновидность массовых занятий физкультурой', *скуба-дайвер* 'тот, кто занимается подводным плаванием с аквалангом', *слэклайн* 'хождение по стропам, натянутым между стационарными объектами', *стронгмэн* 'силовой вид спорта'.

(8) Названия других лиц: *аппликант* 'лицо, подающее заявку на что-л.', *догхантер* 'истребитель бродячих собак', *инноватор* 'автор новшества', *эйчар* 'работник кадрового отдела'.

Кроме перечисленных существительных и глаголов, в данном корпусе новых слов также встречаются и лексические элементы, относящиеся к другим частям речи: прилагательные, наречия и междометия (о них подробнее см. в разделе 4).

В вышеприведенную классификацию не вошло несколько новых английских заимствований, которые можно отнести к окказионализмам: *букировать* 'бронировать', *буст* 'усиление, рост', *локейшн* 'расположение', *петрол* 'горючее', *рисёрч* 'исследование', *челлендж* 'вызов', *экспириенс* 'опыт', *энтертейнмент* 'развлечения', *фейк* 'подделка'. Как видно из этих примеров, у данных иноязычных неологизмов имеются однословные русские эквиваленты. В таких случаях в АЗ16 применяется специальная помета «Имеется полноценный синоним в русском языке». В предисловии к словарю авторы-составители устанавливают главный критерий для отбора слов: «обнаружение не менее трех случаев их использования в речи современных носителей русского языка» [АЗ16: 5]. Однако, на наш взгляд, анализируемые новые англицизмы, еще не получившие широкого распространения в лексической системе русского языка и не являющиеся терминами какой-либо специальной области деятельности, на данном этапе процесса заимствования в современном русском языке носят окказиональный характер.

1.2. Семантические неологизмы

В АЗ16 также впервые в русской лексикографии фиксируются некоторые новые значения иноязычных слов, заимствованных из английского языка (или других языков) в более ранний период. Об этих семантических неологизмах и других преобразованиях (расширении и сужении значения, метафорическом переносе значения), наблюдаемых в семантической структуре английских заимствований, а также о проблемах разграничения случаев омонимии и полисемии при регистрации новых значений англицизмов, см. подробно в разделе 5.

1.3. Калькированные неологизмы

В отличие от других словарей иностранных слов в АЗ16 включено и небольшое число новых калькированных англицизмов. Их можно разделить на несколько подтипов:

- сочетаемостные кальки:
гостевой дом [*< guesthouse*] ‘частное домовладение, хозяин которого сдает дом в аренду целиком или покомнатно’
дорожная карта [*< road map*] ‘план действий по достижению успеха’
Живой журнал [*< Live Journal*] ‘платформа для ведения блогов’
кредитная карта [*< credit card*] ‘пластиковая карта для оплаты покупок’
мозговой шторм [*< brainstorming*] ‘метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности’
панельная дискуссия [*< panel discussion*] ‘обсуждение проблемы, предполагающее выступление нескольких экспертов’
электронная почта [*< electronic mail*] ‘технология пересылки и получения электронных сообщений’
- словообразовательные кальки:
самозанятый [*< self-employed*] ‘работающий на себя, не по найму’
- полукальки:
девушка пин-ап [*< pinup girl*] ‘фотомоделль’
смарт-часы [*< smartwatch*] ‘цифровые часы-компьютер с сенсорным экраном’
- семантические кальки:
химия [*< chemistry*] ‘эмоциональные отношения между людьми’
- фразеологические кальки:
скажи чиз [*< say cheese*] ‘улыбнись (при фотографировании)’

«При изучении иноязычного влияния на русский язык теме „кальки“ и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям» [Крысин 2004: 221]. Для описания новейших кальки-

рованных слов не существуют специальные справочники, они частично представлены в неологических словарях, но их число и в данных работах ограничено немногими примерами: *горячая линия, звездные войны, индейское лето, мыльная опера, новая волна, потребительская корзина, трудоголик* [НСЗ-80], *быстрое питание, всемирная паутина, высокая технология, жесткий диск, зеленая карта, работоголик, серийный убийца* [НСЗ-90] и др.

2. Графическая вариативность новых англицизмов

Во многих случаях графический облик иноязычных неологизмов обнаруживает значительную неустойчивость, приводящую к возникновению графических вариантов слов. «В этой ситуации первые словарные фиксации оказывают определенное влияние на дальнейшую судьбу слова, и здесь проявляется ответственность лексикографа» [Нечаева 2014: 41].

Обычно в словарях прослеживаются два подхода к вопросу регистрации графической формы новых английских заимствований: «1) словарь фиксирует слово в том написании или тех написаниях, которые встречаются в узусе, орфография слова подтверждается соответствующей цитатой; 2) словарь отвергает орфографическую вариативность и выбирает среди вариантов написания тот, который, по мнению составителей, является по тем или иным причинам предпочтительным» [Нечаева 2014: 41]. Первому подходу следуют неологические словари, а также словари с ориентацией на лексические инновации, в том числе и АЗ16. В отличие от этого объективного, описательного метода подачи иноязычных неологизмов, авторы академического орфографического словаря русского языка [РОС] придерживаются второго подхода и преследуют цель нормирования написания новейших заимствованных слов в целях устранения орфографического разнобоя.

Однако, как выясняется при сопоставлении материалов АЗ16 с данными РОС, установка на объективный или нормативный подход в двух лексикографических изданиях выдерживается далеко не всегда последовательно.

2.1. Два варианта в АЗ16 – один вариант в РОС

Наличие колебаний в графическом облике многих новых англицизмов не подтверждается рекомендациями «Русского орфографического словаря» (кодифицированный вариант, представленный в РОС, отмечен звездочкой):

- слитное/дефисное написание:

**артхаус* / *арт-хаус*

**блэкаут* / *блэк-аут*

**диджей* / *ди-джей*

**стартап* / *старт-ап*

**фастфуд* / *фаст-фуд*

флэш-моб / **флэшмоб*

**роллер-скейтинг* / *роллерскейтинг*

**сим-карта* / *симкарта*

стейкхаус / **стейк-хаус*

фудстилистика / **фуд-стилистика*

2.3. Различные варианты в АЗІБ и РОС

Наиболее многочисленную группу различий в регистрации графического облика новейших англицизмов в двух словарях составляют случаи, когда в АЗІБ зафиксирован вариант, не рекомендуемый авторами РОС:

- слитное/дефисное написание:
уикенд (→ *уик-энд) *стрит-стайл* (→ *стритстайл)
чекпойнт (→ *чек-пойнт)
шоубизнес (→ *шоу-бизнес)
шоплифтинг (→ *шоп-лифтинг)
- написание со строчной/прописной буквы:
vip (→ *ВИП) *ИМХО* (→ *имхо)
сити (→ *Сити) *СИМ-карта* (→ *сим-карта)
твиттер (→ *Твиттер)
- написание с *e/э*:
кэши (→ *кеи) *уикенд* (→ *уик-энд)
флэшмоб (→ *флешмоб)
фрэши (→ *фреши)
хэпти-энд (→ *хепти-энд)
- написание с *e/и*:
мессидж (→ *месседж)
ритейлер (→ *ретейлер)
- написание с *e/а*:
мерчендайзер (→ *мерчандайзер)
мерчендайзинг (→ *мерчандайзинг)
- написание с *e/без гласного*:
нон-фикшин (→ *нон-фикшен)
ресептин (→ *ресептиен)
фьюжн (→ *фьюжен)
экшин (→ *экишен)
- окончание *-ер/-ор*:
дистрибьютер (→ *дистрибьютор)
- написание с удвоением/без удвоения согласных:
леггинсы (→ *легинсы)
моббер (→ *мобер)
топлесс (→ *топлес)

- написание с *з/с*:
блютуз (→ **блютус*)
экситпол (→ **экситпол*)
- написание с *ж/дж*:
лаунж (→ **лаундж*)

В вышеприведенных примерах особого внимания заслуживают следующие моменты. Во-первых, при выборе кодифицированной нормы в РОС в основном преобладают формы, соответствующие в большей степени написанию, чем произношению слов в языке-источнике. Способ применения транслитерационной передачи гласных в иноязычных неологизмах прослеживается у вариантов *ремейк*, *ретейлер*, *мерчандайзер*, *мерчандайзинг* и *дистрибьютор*. Во-вторых, в английских заимствованиях, оканчивающихся на *-tion* или *-sion* и содержащих редуцированный гласный [э], наблюдается вариативность в оформлении графического облика слова в русском языке. При сопоставлении данных двух словарей выясняется, что в АЗ16 все эти англицизмы зафиксированы в форме без гласного *e* (*нон-фикшн*, *ресепшн*, *фьюжн*, *экин*), в то время как в РОС рекомендуется написание с окончанием *-шен* или *-жен*. В данном случае вставление гласного *e* способствует не только облегчению произношения изучаемых неологизмов, но оказывает определенное влияние и на их склоняемость [Янурик 2011: 112]. Интересно отметить, что в РОС англицизмы *ресепшен* и *экишен* квалифицируются как склоняемые существительные, а *нон-фикшен* и *фьюжен* получили морфологическую помету *нескл.*, несмотря на формальное сходство их финальной части.

3. Фонетическая вариативность новых англицизмов

На первом этапе процесса фонетической адаптации иноязычного неологизма ударение нередко соответствует его акцентуации в языке-источнике. Однако с повышением употребляемости нового англицизма часто наблюдается тенденция к перемещению ударения ближе к концу слова [Маринова 2008: 82]. В результате конкуренции первоначальной и новой акцентуации английских заимствований в русском языке возникают их фонетические варианты. Эти колебания в постановке ударения отражаются и на практике современной русской лексикографии.

3.1. Постановка ударения в АЗ16 и РОС в разных местах

При сопоставлении данных двух словарей можно установить, что в АЗ16 преобладают новые англицизмы с ударением на первом слоге, в то время как в РОС они зафиксированы с ударным конечным слогом или ударением в середине слова (последние варианты отмечены звездочкой):

- ударение на первом слоге (а не на конечном):

гёрлфренд (→ *гёрлфр^енд)
дэним (→ *ден^им)
пóкетбук (→ *покетб^ук)
прóфит (→ *проф^ит)
тáймшер (→ *таймш^ер)
шóрт-лист (→ *шорт-л^ист)

- ударение в начале слова (а не в середине):

р^екрутинг (→ *рекру^тинг)
тáркетинг (→ *тарг^етинг)

Акцентологические колебания в этих двух неологизмах аналогичны с неустойчивостью постановки ударения в слове *маркетинг*, заимствованном из английского языка еще в 1970-е гг. (с ударением на первом слоге) [НСЗ-70]. Фонетическая вариативность англицизма в русском языке наших дней подтверждается обоими словарями: *мáркетинг* и *марк^етинг* [АЗ16, РОС].

В качестве исключения из вышеупомянутой тенденции (в АЗ16 первоначальная акцентуация слова сохраняется в большей степени, чем в РОС) можно привести следующие примеры:

- ударение в конце слова (а не в начале):

байоп^ик (→ *бáйопик)
венч^ур (→ *в^енчур)
даунх^илл (→ *дáунхилл)

3.2. Единое ударение в АЗ16 – двойное ударение в РОС

При заимствовании изменение ударения чаще всего происходит в том случае, если «прототип иноязычной единицы в языке-источнике представляет собой либо сложное слово, либо словосочетание» [Маринова 2008: 82]. Такой неологизм обычно воспринимается как одно слово и с точки зрения языка-реципиента не считается сложным, поэтому в нем устанавливается единое словесное ударение. Эта тенденция отражается довольно последовательно в АЗ16 (в отличие от РОС, в котором двойное ударение сохраняется почти без исключения во всех англицизмах такого типа):

- ударение только на второй части слова:

банджи-джáмпинг (→ *бáнджи-джáмпинг)
бизнес-лáнч (→ *бáзнес-лáнч)
боди-áрт (→ *бóди-áрт)
кофе-брéйк (→ *кóфе-брéйк)
мастер-клáсс (→ *мáстер-клáсс)
ноу-хáу (→ *нóу-хáу)

роллер-скéйтинг (→ **рб́ллер-скéйтинг*)

роуд-шóу (→ **рб́уд-шóу*)

фáйер-шóу (→ **фáйер-шóу*)

шоу-ру́м (→ **шóу-ру́м*)

- ударение только на первой части слова:

реáлители-шоу (→ **реáлители-шóу*)

Особого внимания заслуживает регистрация слова-композиата *фáйер-шóу* в АЗ16 с побочным ударением, так как эта акцентологическая особенность (характерная для новых и недостаточно освоенных заимствований) фиксируется в этом словаре только в редких случаях. При более пристальном изучении однотипных слов с компонентом *-шоу* можно обнаружить три разных способа подачи таких англицизмов в АЗ16: *роуд-шóу*, *фáйер-шóу*, *реáлители-шóу*. «Переход к одному словесному ударению происходит быстрее, если слово двух- или трехсложное, т. е. имеет оптимальную (для русского языка) длину. Чем длиннее слово, тем дольше задерживается на нем побочное ударение» [Маринова 2014: 68].

Несмотря на это, в РОС преобладают варианты с двойным ударением, кроме неологизмов *нейл-áрт* и *стрит-áрт*, представленных в обоих словарях с ударением на конце слова (однако ср. аналогичное по своей структуре заимствование *бóди-áрт*).

Дальнейшие расхождения в лексикографической регистрации иноязычных неологизмов в рассматриваемых словарях обнаруживаются у отдельных слов: *апартаменты* [АЗ16] и *апарта́менты* [РОС], а также *сёрфинг* [АЗ16] и *сёрфинг* [РОС].

4. Грамматические особенности новых англицизмов

В данном небольшом разделе обзор проблем словарной фиксации иноязычных неологизмов с точки зрения их грамматических признаков ограничивается классификацией изучаемого корпуса слов по их частеречной принадлежности. Выбор именно этой темы из круга многочисленных вопросов относительно грамматической адаптации английских заимствований объясняется тем, что в словарных статьях АЗ16 приводится только данная информация морфологического характера, а другие сведения о словах, например, о категории рода у несклоняемых существительных и категории вида у глаголов с заимствованной основой в рассматриваемом лексикографическом издании не включаются. Поэтому анализом указанных проблем в настоящей статье заниматься не будем.

4.1. Частеречная принадлежность новых англицизмов

Ниже представлена сводная таблица о пропорциональном распределении зарегистрированных в АЗ16 новых английских заимствований по частеречной принадлежности:

	Части речи	Число слов	%
1.	Существительные	603	86,27
2.	Прилагательные	38	5,44
3.	Глаголы	27	3,86
4.	Первая часть сложных слов	11	1,57
5.	Междометия	11	1,57
6.	Наречия	6	0,86
7.	Причастие	1	0,14
8.	Прочие	2	0,29

Кроме существительных, составляющих подавляющее большинство всех заимствованных слов, стоит подробнее остановиться на новых англицизмах, относящихся к другим частям речи.

Второе место по численности слов в этой классификации занимают прилагательные. Многие из них регистрируются в АЗ16 наряду с существительными, от которых они образованы:

- прилагательные с суффиксом *-н-*:
гламурный (< гламур)
дисконтный (< дисконт)
кроссоверный (< кроссовер)
мультимедийный (< мультимедиа)
офшорный (< офшор)
тизерный (< тизер)
чартерный (< чартер)
электроральный (< электорат)
- прилагательные с суффиксом *-ов-*:
мониторинговый (< мониторинг)
топовый (< топ)
трендовый (< тренд)
- прилагательные с суффиксом *-ск-*:
рейдерский (< рейдер)

В отдельную группу входят неизменяемые (или аналитические) прилагательные: *крейзи*, *лакшери*, *нон-стоп*, *стартап*, *хай-тек*, *хэнд-мейд*.

На третьем месте по количественным признакам стоят глаголы, множество которых также представлены в АЗ16 параллельно с существительными, служащими их производящей основой:

- глаголы с суффиксом *-и-*:
 - зафрендиться* (< *френд*)
 - мониторить* (< *монитор*)
 - объютюбить* (< *ютюб*)
 - пиарить* (< *пиар*)
 - спамить* (< *спам*)
 - спойлить* (< *спойлер*)
 - шопиться* (< *шоп*)
- глаголы с суффиксом *-а-*:
 - аськать* (< *аська*)
 - лайкать* (< *лайк*)
 - юзать* (< *юзер*)
- глаголы с суффиксом *-ирова-*:
 - имплементировать* (< *имплементация*)
 - инвестировать* (< *инвестор*)
 - лоббировать* (< *лоббист*)
- глаголы с суффиксом *-ова-*:
 - демпинговать* (< *демпинг*)

По сравнению с другими лексикографическими изданиями в АЗ16 нашло отражение значительное число иноязычных неологизмов, употребляющихся в современном русском языке в функции препозитивного определения и квалифицирующихся в словаре как «первая часть составных слов»: *арт-*, *вин-*, *дисконт-*, *ИТ-*, *онлайн-*, *офис-*, *плюс-*, *премиум-*, *рэп-*, *супер-*, *топ-*.

В процессе заимствования междометия принимают участие очень редко, однако в АЗ16 их фиксируется довольно много. Это в первую очередь формы приветствия (*бай* ‘пока’, *хай* ‘привет’, *хелло*) или слова, выражающие различные чувства (радость: *йес*, *йохоу*; сильное удивление и восхищение: *вау* ‘вот это да!’, тревогу: *о май год* ‘господи’, *упс* ‘ой’). Данные междометия в русском языке стилистически окрашены, они относятся к разговорной речи или просторечию, о чем свидетельствует и тот факт, что все они снабжены соответствующими стилистическими пометами в АЗ16.

В корпус иноязычных неологизмов английского происхождения также входят отдельные заимствованные слова, употребляющиеся в языке-реципиенте в функции наречия: *АСАП* ‘как можно скорее’, *кул* ‘круто, здорово’, *супер* ‘превосходно’, *фифти-фифти* ‘пополам’. В такой роли выступают и слова *онлайн* ‘в режиме реального времени’, *топлесс* ‘обнаженно до пояса’, относящиеся одновременно к трем частям речи (кроме наречия, они могут выполнять и

функцию существительного и прилагательного). О проблемах словарной фиксации таких грамматических омонимов см. ниже в разделе 5.

5. Проблемы регистрации новых значений англицизмов

Как было упомянуто в начале настоящей статьи (в разделе 1.2), новизна материалов нового словаря англицизмов не исчерпывается первой лексикографической регистрацией ряда лексических неологизмов, заимствованных из английского языка. В АЗ16 также получили первую словарную фиксацию новые значения некоторых иноязычных слов. При включении в словарь таких семантических неологизмов нередко возникают трудности в разграничении случаев многозначности и омонимии. При сопоставлении материалов АЗ16 с данными других лексикографических изданий вырисовывается довольно пестрая картина относительно этого вопроса.

5.1. Первая фиксация новых значений иноязычных слов

В момент заимствования иноязычное слово «представляет собой моносемную единицу, даже если этимон этого слова в языке-источнике имеет несколько значений... Заимствующий язык не может сразу усвоить полисемию иноязычного слова» [Маринова 2008: 267–268]. Однако со временем в ходе семантической адаптации иноязычные заимствования, аналогично с исконными русскими словами, подвергаются различным семантическим преобразованиям. Проиллюстрируем данные процессы развития нового значения на материале новейших англицизмов, зарегистрированных в АЗ16.

- расширение (обобщение) значения:
 - гламур* ‘внешний блеск’ [Н21, И08, КР09] → ‘эстетическая система, связанная с массовой культурой’, ‘известные, успешные люди’, ‘(неодобр.) пошлость’ [АЗ16]
 - гламурный* ‘эффектный, блистательный’ [Н21, И08] → ‘известный, успешный’, ‘(неодобр.) пустой, ложный’ [АЗ16]
 - дьюти-фри* ‘магазин, в котором осуществляется беспошлинная торговля’ [Ш09] → ‘система беспошлинной торговли’ [АЗ16]
 - квест* ‘компьютерная игра’ [Н21, Ш09] → ‘головоломка’ [АЗ16]
 - кейтеринг* ‘обеспечение едой и напитками во время общественных мероприятий’ [И08, Ш11] → ‘общественное питание’, ‘заведение общественного питания’ [АЗ16]
 - крейзи* ‘сумасшедший’ [И09] → ‘сильно увлеченный чем-л.’ [АЗ16]
 - кроссовер* ‘тип внедорожника’, ‘музыка со смешением нескольких стилей’ [РОС] → ‘сюжет, в котором смешиваются герои различных произведений’ [АЗ16]
 - лаунж* ‘музыка для отдыха’ [Н21, Ш09, Ш11] → ‘непринужденная атмосфера в заведениях типа лаунж-кафе’ [АЗ16]

позиционировать '(экон.) создавать образ продукта' [И08, Ш09] → 'создавать в сознании людей тот или иной образ' [А316]
профайл '(комп.) данные пользователя в интернет-форумах' [Ш11] → 'биографические данные человека' [А316]

- сужение (специализация) значения:

партнер 'участник совместной деятельности, сделки, игры' [И08] → 'любовник' [А316]

паттерн 'закономерная регулярность' [НС15] → '(комп.) стиль оформления сайта' [А316]

спонсор 'лицо или компания, финансирующие что-л.' [Н21, И08] → 'содержатель женщины, любовник' [А316]

супервайзер 'административная должность' [И08, Ш09] → 'научный руководитель' [А316]

- метонимический перенос значения:

дисконт 'скидка' [Н21, И08] → 'магазин низких цен' [А316]

коворкинг 'организация труда людей' [Ш11] → 'помещение, сдаваемое в аренду для фрилансеров' [А316]

логин 'идентификатор учетной записи пользователя' [Н21, Ш09] → 'процедура входа пользователя в компьютерную систему' [А316]

паблицити 'известность, популярность' [Н21, КР09] → 'пропаганда, популяризация в СМИ' [А316]

тренд 'ведущее течение, направление' [И08, Ш09] → 'чрезвычайно модный предмет' [А316]

хипстеры 'представители молодежной субкультуры' [Ш11, НС15] → 'брюки или шорты с сильно заниженной талией' [А316]

- вторичное заимствование в новом значении:

корректор 'работник издательства' [И08] → 'жидкость для устранения опечаток', 'косметическое средство от морщин' [А316]

монстр 'урод, чудовище' [И08] → 'огромная организация' [А316]

5.2. Проблемы разграничения омонимии и многозначности

При заимствовании многозначные английские слова нередко становятся омонимичными в русском языке вследствие того, что в языке-реципиенте семантическая связь между значениями многозначного слова языка-источника обычно утрачивается. Однако в современной русской лексикографии только небольшое число таких неологизмов квалифицируется как омонимы. В А316 обнаруживается всего лишь 6 омонимических пар:

крейзи₁, прил. 'сумасшедший' – **крейзи**₂, суц. 'лоскутное шитье';

кэш₁, суц. '(фин.) наличные деньги' – **кэш**₂, суц. '(комп.) вид памяти';

онлайн₁, нар. 'в режиме реального времени' – **онлайн**₂, сущ. 'интернет';
сингл₁, сущ. '(муз.) аудиодиск' – **сингл**₂, сущ. 'одноместный номер';
стартап₁, прил. 'в стадии развития' – **стартап**₂, сущ. 'новая компания';
хай-тек₁, сущ. 'стиль в дизайне' – **хай-тек**₂, прил. 'относящийся к стилю'.

Как видно из вышеприведенных примеров, в большинстве случаев омонимические пары относятся к разным частям речи, т. е. являются грамматическими омонимами. В отличие от этих случаев, в других местах в словаре такие слова трактуются уже в рамках одной и той же словарной статьи:

питч, сущ. – **1.** эк. выставка товаров на продажу; **2.** эк. составная часть сложных слов: 'относящийся к выставке товаров на продажу';
фейспалм, междом. – **1.** картинка с изображением человека, используемая в интернет-общении для выражения смущения, разочарования; **2.** междометие, выражающее смущение, разочарование.

Разграничение случаев омонимии и полисемии представляет собой одну из труднейших задач для лексикографа, что подтверждается на примере следующих англицизмов, представленных в АЗ16 как многозначные слова:

айсинг – **1.** глазурь для украшения торта; **2.** спорт. проброс шайбы;
драфт – **1.** эк. проект документа; **2.** спорт. процедура выбора игроков;
трейлер – **1.** автоприцеп; **2.** короткий видеоролик для рекламы фильма;
топик – **1.** учебный текст [< англ. *topic*]; **2.** уменьш. от *mon* [< англ. *top*].

На наш взгляд, во всех этих случаях имеет место не полисемия, а омонимия: отдельные значения слов относятся к различным тематическим сферам, и нет общего семантического признака между ними. К тому же, два значения неологизма *топик* восходят к совершенно разным английским словам, аналогично с омонимической парой *кэш*₁ [< *cash*] и *кэш*₂ [< *cache*].

6. Выводы

На основе рассмотренных выше случаев несовпадения в лексикографическом представлении новейших лексических элементов иноязычного происхождения в разных словарях русского языка последних лет можно выделить несколько вопросов, вызывающих особые трудности для современного составителя словаря при регистрации новых английских заимствований:

1. В какой мере необходимо отражать в словаре графическую вариативность новых англицизмов? Представляя собой особый тип лексикографического издания (словарь новейших иностранных слов), АЗ16 включает в себя значительно больше вариантных форм написания, чем нормативные словари типа РОС. В АЗ16 также немало таких неологизмов, подача графического облика которых отличается от кодифицированной нормы, представленной в РОС. В новом словаре англицизмов выбор вариантов, не рекомендуемых авторами РОС, подтверждается текстовыми иллюстрациями, т. е. основан на письменной практике (*узусе*).

2. При подаче грамматической информации о новых англицизмах проблемным является определение частеречной принадлежности неологизмов, попадающих в категорию неизменяемых слов. Разграничение «первых составных частей сложных слов» и так называемых «аналитических» (или неизменяемых) прилагательных решается в практике современной лексикографии не всегда однозначно. Трудности вызывают и новые англицизмы, относящиеся к разным частям речи. Вопрос о статусе этих «многофункциональных» слов (многозначные слова или омонимы) остается открытым и не до конца решенным.

3. Аналогичные проблемы возникают и при первой фиксации новых значений английских заимствований. В ходе решения вопроса о включении семантических неологизмов в словарь в форме многозначного слова или омонима требуется подробный семантический анализ в каждом отдельном случае, и выбор того или иного варианта (т. е. регистрация в одной словарной статье или в двух) все же во многом зависит от определенных субъективных факторов, оказывающих влияние на языковое чутье лексикографа.

Словари

- A316: ХОДЖАГЕЛЬДЬЕВ, Б. Д., ШУРУПОВА, О. С. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. Москва: Флинта, 2016.
- И08: ЗАХАРЕНКО Е. Н., КОМАРОВА Л. Н., НЕЧАЕВА И. В. Новый словарь иностранных слов. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Москва: Азбуковник, 2008.
- И09: ЧЕРКАСОВА М. Н., ЧЕРКАСОВА Л. Н. Современный словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
- K95: КОМЛЕВ Н. Г. Словарь новых иностранных слов. Москва: МГУ, 1995.
- KP09: КРЫСИН Л. П. 1000 новых иностранных слов. Москва: АСТ-Пресс, 2009.
- H21: СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Москва: Эксмо, 2006.
- HC15: МАРИНОВА Е. В. (ред.) Новые слова XXI века. Словарные материалы. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2015.
- HC3-70: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. Москва: Русский язык, 1984.
- HC3-80: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997.
- HC3-90: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 1–3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- POC: Русский орфографический словарь. Издание 4-е, исправленное и дополненное. Москва: АСТ-Пресс, 2012.
- Ш09: ШАГАЛОВА Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). Москва: АСТ, Астрель, 2009.
- Ш11: ШАГАЛОВА Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. Москва: АСТ, Астрель, 2011.

Литература

- КОЗЫРЕВ–ЧЕРНЯК 2016: КОЗЫРЕВ В. А., ЧЕРНЯК В. Д. Современный русский язык. Русская лексикография. Москва: КноРус.
- КРЫСИН 2004: КРЫСИН Л. П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры.
- МАРИНОВА 2008: МАРИНОВА Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начале XXI в. Проблемы освоения и функционирования. Москва: Эллис.
- МАРИНОВА 2014: МАРИНОВА Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века. // РАЦИБУРСКАЯ Л. В. (ред.) Новые тенденции в русском языке начала XXI века. Москва: Флинта 36–133.
- НЕЧАЕВА 2011: НЕЧАЕВА И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. Москва: Азбуковник.
- НЕЧАЕВА 2014: НЕЧАЕВА И. В. Иноязычные неологизмы в русском языке и проблема орфографической нормы. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
- ЯНУРИК 2011: ЯНУРИК С. Рост аналитизма в русском языке и англо-русские языковые контакты. // АДЯГАШИ К. (ред.) Исследования по теоретической лингвистике. Материалы симпозиума «Смена парадигмы в венгерской лингвистической русистике». (Tractata Slavica 3.) Debrecen: Debrecen University Press, 101–115.

Abstract

The Problems of the Lexicographic Registration of Foreign Neologisms in Russian (on the Basis of the New Dictionary of English Loanwords)

This paper is intended to examine some lexicographic problems occurring in the process of registering foreign neologisms in dictionaries of the Russian language. Based on the recently published new dictionary of English loanwords, the author demonstrates and comments on the difficulties arising from the existence of graphic and phonetic variants of several new foreign words, the inclusion of grammatical information as well as the registration of new meanings in present-day Russian lexicography. In the paper, the comparative method is used in order to shed more light on some questions that today's lexicographers of Russian have to answer. During the analysis, the corpus of the new dictionary of English loanwords was systematically contrasted with the data of other lexicographic works, first of all, the recently updated fourth edition of the Russian Orthographic Dictionary as well as with the materials of other dictionaries of foreign words and neologisms.

Культурология

КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ЕЕ ОСНОВАНИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Дмитрий РЕУТ

Преамбула

Профессор Olga Szucs в статье [SZUCS 2014] задается важнейшим вопросом: «почему возникла необходимость реабилитации гуманитарных наук, частным случаем чего является необходимость реабилитации самой философии?»

Как ни странно это может показаться, мы попытаемся подойти к обсуждаемой теме с противоположных гуманитарности – формально-экономических, футуристически-технократических позиций.

Новый общественный феномен

Проблема «легитимации гуманитарных наук» (мы относимся этой фразой к заглавию и содержанию статьи О. SZUCS) интересует не только русскоговорящих исследователей. В 2002 году вышла в свет книга известного американского социолога Р. Флориды «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее». Она быстро стала бестселлером. На русском языке книга появилась в 2011 году [ФЛОРИДА 2011].

Данная работа открывает исследования нового общественного феномена – становления креативной эпохи. Под ее субъектом – креативным классом – автор понимает совокупность людей, экономическая функция которых состоит в создании новых идей, технологий, креативного содержания. За прошлый век их численность выросла на порядок. Сюда относятся «люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений...». Интересно, что в этом перечислении нет разграничения сфер науки, техники, дизайна, искусства.

Исходным пунктом для выделения новой социальной общности заявлена экономика. Уровень заработка представителей креативного класса позволяет им не только не думать о выживании, но обеспечивать себе любую мыслимую степень комфорта и в полной мере удовлетворять весьма изощренные эксклюзивные потребности. По оценке Р. Флориды, обсуждаемому классу принадлежит 38 млн. работающих американцев и 13 млн. россиян (данные 2002 г.). Эти две страны, по мнению американского автора, претендуют на мировое лидерство в области креативного ресурса, под которым понимается в первую очередь численность креативного класса. Не случайно уже через два года после выхода упомянутого перевода книги

Флориды появился труд российского методолога [ГРОМЫКО 2013], полемизирующего с американским коллегой по ряду ключевых положений.

Творческий этос

Для разделяемого представителями креативного класса общего творческого этоса¹ становящейся культурно-экономической формации важны в первую очередь креативность, самобытность и личные заслуги «по гамбургскому счету» (термин В. Шкловского). Автор не углубляется в измерение или иные способы оценки эстетических, гуманистических, нравственных аспектов создаваемых креативным классом творений. Недаром не обложке русского издания изображена обобщенная человеческая фигура (подобная сюрреалистическим скульптурам, украшающим улицы лондонского Сити). Согласно фантазии книжного дизайнера, одна половина головы символической фигуры – темная, другая – светлая, чем, вероятно, подчеркивается паритет позитивных и негативных возможностей нового субъекта европейской истории. В исходной – экономической – постановке уместнее говорить скорее не о творениях, а о продукции, нового класса. Окончательный вердикт о ее товарной стоимости, не подлежащий обжалованию, выносит рынок. Вопрос о ее ценности пока оставим открытым.

Содержание креативной эпохи и ее противоречия

Содержанием креативной эпохи оказывается становление и развитие новых форм общественных связей, адекватных феномену креативности [ФЛОРИДА, 2011: 22-27]. Приведенные в книге результаты социологических исследований показывают, что ценности креативного класса включают индивидуализм, меритократическое мироощущение, мобильность, разнообразие, открытость, терпимость, легкость установления и разрыва контактов (вплоть до анонимности существования контактера), гендерное и расовое равноправие [ФЛОРИДА 2011: 94-100].

Мы полагаем, что культ личной эксклюзивной идентичности в ущерб идентичности коллективной не позволяет данной социальной группе стать в полном смысле этого слова классом, т.е. субъектом социального действия. Социальная активность представителей креативного класса не идет дальше более или менее открытого высказывания собственных взглядов и соответствующего дизайна ближайшего окружения, смены ареала проживания или/и места работы.

Креативный класс в бестселлере Р. Флориды противопоставляется обслуживающему и управленческому классам. То есть владельцы финансового капитала посредством риторической фигуры умолчания помещаются в «слепое пятно» общественного сознания. Такое построение повестки дня общественного дискурса (тиражируемое во множестве информационных

¹ Этос означает «преобладающий дух или характер культуры» [ФЛОРИДА, 2011, С. 35].

продуктов) позволяет им без помех осуществлять ставшее рутинным социальное действие – распределение в своих интересах мирового общественного продукта. Креативный “класс”, подвергаемый с помощью подобных рассуждений «идеологической стерилизации», оказывается выходящим на первый план отобриллизованным ключевым ресурсом владельцев финансового капитала в борьбе за место под новым солнцем креативной экономики. Автор отмечает, что «...его члены не рассматривают себя как класс» [ФЛОРИДА 2011: 14] и видит в этом парадокс. На наш взгляд, парадокс объясним поговоркой: от добра добра не ищут. Привилегированное положение представителей креативного класса не порождает стимулов к социальной активности. Креативному классу есть, что терять в результате социальных преобразований. Средняя зарплата его представителей – \$50000 (по данным 1999 г.). «Я живу в симпатичном доме – сообщает автор обсуждаемой книги и безусловный представитель нового класса – с очень милой кухней, но это – скорее декорация, чем реальная кухня – я часто обедаю в ресторанах, где «слуги» готовят еду и обслуживают меня за столом. Мой дом всегда в порядке, но я не занимаюсь уборкой, ее делает домработница. Ко мне приходят садовник и человек, чистящий бассейн, а возит меня личный водитель...» [ФЛОРИДА 201: 14]. Вряд ли так могут выглядеть признаки революционной ситуации.

Начала науки о креативности

В какое качество перейдет количественный рост креативного класса (относительно не уменьшающий коэффициент Джини² в мире) – покажет будущее. Это качество будет прямым следствием самоидентификации новой социальной общности, находящейся сегодня в стадии формирования. Чтобы выстроить какие-то предположения по этому поводу, обратимся, прежде всего, к феномену креативности. Ему посвящена обширная литература, в первую очередь – европейская. Из исследований, проводимых в Венгрии, выделим в первую очередь фундаментальные исследования профессора I. Magyari Beck [MAGYARI BECK 1977-2016].

Подмеченный исследователями индивидуализм представителей креативного класса подсказывает нам начать рассмотрение вопроса с индивидуального акта креативности, т.е. с момента рождения новой формы и/или нового содержания в индивидуальном сознании. Новое в данной работе понимается субъективно. Т.е. новое есть нечто, впервые мыслимое или делаемое данным субъектом, ранее неизвестное ему (фиксируемое таковым с разре-

² Коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. В данном случае мы в первую очередь имеем в виду уровень доходов населения. Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1. Чем ближе его значение к нулю, тем более равномерно распределён показатель, например, доходы.

шающей способностью индивидуального восприятия и на основании накопленного содержимого индивидуальной памяти со всеми ее текущими несовершенствами). Субъективный креативный акт квалифицируется таковым по критериям новизны самого субъекта [РЕУТ 2001].

Максимально креативен ребенок: он все делает впервые. Непрерывно совершающееся познание мира непрерывно сужает поле первичной креативности становящегося человека. Одновременно увеличиваются возможности для вторичной, "комбинаторной" креативности. Под вторичной креативностью мы будем понимать порождение *относительной* новизны: культурный перенос идей, понятий, структур из одной области мира в другую [КАСАВИН 1999]. Тот и другой продукт может быть использован самой породившей их личностью или/и быть подвергнут экспертизе соответствующих институтов общества. Он принимается к использованию в качестве новшества либо отвергается (как "деревянный велосипед"). Способности личности к указанным формам креативности обратно пропорциональны друг другу. Новые впечатления – очевидный ресурс наращивания потенциала вторичной креативности, и современный креативный класс активно его использует.

Психофизиология креативности

Р. Флорида полагает, что «...креативность сама по себе является необычной смесью работы и игры, которую нельзя включить и выключить по расписанию» [ФЛОРИДА 2011: 29]. Однако вооруженный энцефалографом психолог устанавливает экспериментально подтверждаемую связь между интенсивностью бета-, альфа-, тета-, дельта-ритмов головного мозга и погружением человека в креативное состояние, по ряду признаков сходное с медитацией. Прибор позволяет наблюдать процесс погружения в это состояние, опознаваемое по соотношению интенсивностей электрических импульсов головного мозга в четырех перечисленных диапазонах. Можно наблюдать перераспределение интенсивностей упомянутых ритмов вплоть до выхода из креативного (медитативного) состояния. Разработаны методики тренировки «вдохновения по заказу» для самостоятельного использования без прибора – по ощущениям и косвенным признакам. [ВАЙЗ 1998]. Конечно, результаты зависят от личных способностей и степени тренировки. Нет гарантий, что очередной выход в креативное состояние даст интересную идею. Вероятно, в связи с этим идея контролируемого вдохновения не получила широкого распространения.

Субъект креативности и динамика его идентичности

Не секрет, что социум формирует начальные и текущие условия развития личности. Какова специфика проявления этого общего правила применительно к креативной личности? В некотором возрасте начинает проявляться ее неконформизм (как естественная предтеча креативности), и эф-

фективность внешнего влияния ослабевает. При этом клиширование менталитета креативного класса с помощью средств массовой информации, т.е. вменение формируемой социальными институтами личной идентичности (осуществляемое в значительной степени с помощью средств массовой информации; например, «желтых» таблоидов или популярных телесериалов) затрудняется. Зато активизируется процесс самоидентификации. Чем в более раннем возрасте это происходит, тем большую фору получает процесс культурной самоидентификации в сравнении с цивилизационной.

В работе [РЕУТ 2012: 94] предложена диаграмма темпоральной локализации человека и иерархии коллективных субъектов стран новоевропейской культуры. Диаграмма иллюстрирует утверждение автора указанной статьи о зависимости степени внешнего влияния на формирование материальных и духовных интересов личности от среднего времени существования коллективного субъекта, оказывающего это влияние. Чем больше это время, тем мощнее оказываемое влияние. В контексте исследований, представляемых в настоящей статье, следует уточнить, что степень обсуждаемого влияния, иллюстрируемая диаграммой Рис. 1, была усреднена по продолжительности жизненного цикла человека. Кроме того, эти рассуждения относились к докомпьютерной эпохе.

При более подробном рассмотрении мы считаем важным отметить, что в каждый момент времени степень этого влияния зависит еще и от интенсивности информационных контактов человека с указанными коллективными субъектами. Общеизвестный пример Маугли (имевшего реальные прототипы в жизни), с одной стороны, и эффекты массовой «компьютеризации» подростков (наблюдаемые нами ежедневно), с другой стороны, показывают, к чему приводят аномалии таких контактов.

Воспроизведем названную диаграмму с одним существенным дополнением, отражающим специфику компьютерной эпохи. Сегодня интенсифицировались информационные обмены, и в практику вошли новые типы организации коллективных субъектов. Укажем на диаграмме темпоральную область существования новой виртуальной общности, получающей все большее распространение, а именно – Интернет-проекта. Продолжительность его существования обычно составляет от нескольких дней до нескольких лет, то есть, намного уступает продолжительности жизни человека.

Дальнейшие исследования позволят указать место виртуальных сетевых структур относительно иерархии коллективных субъектов, представленных на Рис. 1.

Рис. 1. Диаграмма темпоральной локализации интересов человека и иерархии коллективных субъектов стран новоевропейской культуры в эпоху Интернета.

Система материальных и духовных ценностей человека, процесс формирования которой пояснен диаграммой Рис. 1, является основой непрерывно осуществляемого на протяжении всей жизни процесса самоидентификации человека. Динамический характер современности заставляет нас увидеть, что идентичность человека не является пожизненной константой. Как правило, сначала изменения идентичности замечают внешние наблюдатели, но постепенно они оказываются доступны и рефлексивным способностям самого субъекта изменений.

Важно, что Интернет-проекты оказались в наибольшей степени востребованы креативным классом. Самоидентификация представителя креативного класса во многом определяется типом проектов, в которых он участвует. Ко-

нечно, заказчиком коммерческих проектов обычно выступает финансовый капитал, диктующий обществу идеологию «стрелы рыночного прогресса». Тем самым он продолжает влиять на идентификацию членов креативного класса, выступающих в качестве наемных работников. Но сегодня, помимо коммерческих, получили распространение инициативные проекты, часто использующие «сетевой интеллект» по системе краудсорсинга и/или финансируемые из «общественного кошелька» по системе краудфандинга. Как правило, они имеют нерыночную, гуманистическую направленность, отвечающую вышеперечисленным ценностям креативного класса и формируют таким образом идентичность своих участников и пользователей [ЛЭНДРИ 2006]. Результаты самоидентификации креативного класса не могут не повлиять на то, в чьих интересах будет создана и, соответственно, будет использоваться его продукция.

Здесь мы и подходим к возрастанию роли гуманитарных наук в современном мире.

Неизбежное возрастание роли гуманитарных наук в современном мире

Отказываясь от готовых клише, креативный класс в современном мире все более нуждается в средствах самоидентификации. По мере роста его численности эта потребность становится все более массовой. Мощным инструментом самоидентификации являются гуманитарные науки. На основании вышесказанного мы утверждаем, что роль гуманитарных наук и философии в XXI веке безусловно будет возрастать – как в России, так и во всем мире.

Мы полагаем, что рефлексия ускорит процесс самоорганизации обсуждаемой общности. Словосочетание «креативный класс» перестанет быть метафорой и будет отражать реальную природу нового сообщества, приобретающего способность к социальному действию. Хочется верить, что «светлые» тенденции возобладают над «темными». Венгерские ученые Istvan Magyari Beck и Olga Szucs предложили концепцию дисциплины гигиена культуры, призванную активизировать ее здоровые силы, чтобы направлять развитие по пути нравственности и гуманизма [Культура и гигиена 2012].

Какова динамика процесса самоидентификации креативного класса сегодня? Читатель может ее оценить, сравнивая описание креативного класса по Р. Флориде (2002), приведенное в начале статьи, и по последующему русскоязычному источнику: «Надтехнологический (метатехнологический) творческий класс—это разнопрофессиональные группы людей..., способные управлять созданием новых технологий, проектировать новые рынки услуг на основе новых технологий и определять социальные изменения, основанные на результатах реализации данных новых технологий. Новые технологии – это основной продукт вышеуказанных групп людей. Однако особым прогрессивно действующим классом их делает способность предвидеть и управлять социальными последствиями реализации и внедрения этих технологий в общество. С точки зрения этой группы людей социально-гуманитарные и машинно-инженерные технологии образуют интегрированное единство» [ГРОМЫКО 2013:15].

Литература

- ВАЙЗ 1998: Вайз, А. Вдохновение по заказу. Минск: Попурри.
- ГРОМЫКО 2013: Громько, Ю. Класс RAZVITIE. М.: Институт им. Е.Л. Шифферса.
- КАСАВИН 1999: Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб: изд-во РХГИ.
- Культура и гигиена. Гуманизм как потребность. Материалы круглого стола «Гигиена культуры – культурологический обзор», организованного Ассоциацией «За венгерско-российское сотрудничество им. Льва Николаевича Толстого» в Венгерском культурном центре в Москве 30 мая - 1 июня 2012 г. / Ред. И. Мадьяри-Бек, О. Сюч. Будапешт: Ассоциация им. Л.Н. Толстого. Издательство Каирос. 2012, 416 с.
- ЛЭНДРИ Ч. 2006: Креативный город. Москва: Издательский дом «Классика-XXI».
- РЕУТ Д.В. 2001: Сладкое проклятие креативности. Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2001). Труды 1-й международной конференции. Москва, 11 – 12 октября 2001 г. т.3. Москва: Институт проблем управления РАН, 91 – 123.
- РЕУТ Д.В. 2012: Онтологический аспект гигиены культуры // Культура и гигиена. Гуманизм как потребность. Материалы круглого стола «Гигиена культуры – культурологический обзор», организованного Ассоциацией «За венгерско-российское сотрудничество им. Льва Николаевича Толстого» в Венгерском культурном центре в Москве 30 мая - 1 июня 2012 г. Будапешт: Ассоциация им. Л.Н. Толстого. Издательство Каирос. 77 – 112.
- ФЛОРИДА Р. 2011: Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Классика XXI.
- MAGYARI BECK, I. 1977: Creatology. 2016. <http://creatology.hu/#>
- SZUCS O. 2014: Общее и специфическое в попытках легитимации гуманитарных наук – опыт России в начале XXI-го века. Slavica, 43: 82–87.

Abstract

Cultural Self-Identification, Its Bases, Tools and Possible Consequences

The problem of the rehabilitation of the humanities in modern society is discussed from the positions of the «Creative class» following the famous America sociologist, R. Florida. In the 20th century the number of the «Creative class» has grown tenfold. The starting point for the development of this new social community is economy. The «Creative class» is a set of people whose economic function consists of the creation of new ideas, technologies, creative contents. The creative era is maintained by the formation and development of new forms of public relations adequate to the creativity phenomenon. Refusing ready-made clichés, the creative class in the modern world needs some effective means of self-identification. In the process of its growth this requirement is becoming more and more massive. The most powerful means for the self-identification of this class are the humanities. We claim that the role of the humanities and philosophy in the 21st century will definitely increase – in Russia and around the world.

Литературоведение

**ЗАМЕТКИ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ТУРГЕНЕВА
(«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»)**

Angelika MOLNÁR

Специфика произведений Тургенева традиционно определяется как лирическая проза. Это понятие подразумевает лиризованность повествования и преобладание «лирических отступлений» за счет занимательности фабулы. На наш взгляд, дело в том, что в нарративе содержатся немотивированные элементы с точки зрения сюжета, и в таких «темных местах» вступает в силу особый поэтический дискурс. Следовательно, текст становится упорядоченным и на уровне звуковой оболочки, и такая организованность текста близка к стихотворной. У Тургенева лирическая интонация и ритмичность предстают как отличительные признаки прозы, так как в повествовании они становятся зачатками нового значения, динамизируют семантику. В нашем сообщении рассматриваются эти особенности поэтики «Дворянского гнезда», т.е. то, как в романе повествование исходит из звука и развертывает семантический потенциал слова. В результате повторов ресемантизация становится генератором языка романа.

Весна, смерть, гнездо

Ясно, что повести и романы Тургенева строятся на концептуальных и метафорических оппозициях. Как в «Дневнике лишнего человека», так и в «Дворянском гнезде» время года – **весна** связана с концептом **смерти**. К тому же, в романе молодой Лаврецкий переживает смерть отца не вечером, как полагалось бы по канону, а среди белого дня. Трагическое событие становится для главного героя началом новой жизни. Это выражается в жесте героя, заглядывающего в **сад**, фигурально – в будущее: «оперся на перила балкона и долго глядел в сад, весь благовонный и зеленый, весь блестящий в лучах золотого весеннего солнца. [...]; как страшно, как незаметно скоро пронесли эти двадцать три года!.. Жизнь открывалась перед ним» [ТУРГЕНЕВ 1979: 200]¹. Звуковые повторы создают секвенции, которые обозначают нечто «благое» и «золотистое», присвоенное «весеннему солнцу». Этому противопоставляется ряд сегментов, относящихся к концепту смерти («страшно» «скоро» «пронесшееся» время). Секвенции показывают в тексте романа подобную закономерность, и в силу этого текст содержит толкование звука, или в обратной формулировке, – в звуке скрывается повествование

¹ В дальнейшем приводятся только страницы этого издания. Выделения курсивом и полужирным шрифтом в цитатах – наши (А.М.)

в целом. Рассмотрим мотивообразующую повторяемость поэтических знаков с оглядкой на модификацию смысла в отдельных текстовых фрагментах.

Общеизвестно, что сюжет романа Тургенева сгущается в названии в одну метафору, то есть слово в поэтическом произведении изоморфично тексту. И несмотря на то, что в спецлитературе тема **дома** и **гнезда** широко обсуждалась, нам тоже придется подвергнуть ее анализу, так как она разворачивается в тексте по звуковым идентификациям. Отметим, что следующая «весне – смерти» оппозиция выстраивается между расцветающим летом (временем **любви** Лаврецкого) и **темным** домом в Лавриках. Последний же кажется «грязным и темным», а «прислуга смешною и устарелою». Несмотря на то, что жена героя «в этом степном захолустье» [206] и не собирается оставаться; она, как будто чувствуя себя на настоящем поле боя, «повела свою атаку весьма искусно» [206], чтобы выгнать из дома Глафиру Петровну и устроить на ее место своего отца. Акт действия жены Лаврецкого (как у кукучки) знаменует также и переосмысление общепринятого соотношения любви и лета. Образуется новое метафорическое соотношение между борьбой и местом жительства. Глафира же, отказывающаяся делить дом с другой хозяйкой, проклинает своего племянника. Ее предречение реализуется. Таким образом ее фигура становится воплощением одной из **Парок**, вьющих нить жизни человека. Описание жалкого детства героя и предвещает такое сближение: «три старые девы, словно Парки, молча и быстро шевелят спицами, **тени** от рук их то бегают, то странно дрожат в полутьме, и странные, также полутемные мысли роятся в голове ребенка» [197]. В данном случае подчеркивается туманное, темное действие старух, которое ставится в параллелизм с неясными мыслями молодого героя. Эта необычная семантическая связь определяет и последующие сближения **тумана** и **мыслей**. Добавим, что при смерти Глафира себя за руку «укусила», возможно, наказывая себя за то, что наткала себе и Лаврецкому одинокую и несчастливую жизнь, без «гнезда». Повтор сегмента **-кус** в предикате будто возвращает нас к «искусительному» характеру Варвары Павловны. Забегая вперед, обратим внимания и на то, что ручная работа Лизы Калитиной в этом плане также символически обрамляет сюжет, ибо ее темный образ вызывает подобные ассоциации со смертью и завершает поиски Лаврецким счастья по любви.

Вернемся к первой попытке героя. Смерть сына Лаврецкого, как «несчастье», тоже происходит весной. Летнее время отмечено времяпровождением на **водах**: жене героя требуется лечение при **теплом** климате. Зима же проводится в Париже. Однако, словно в контрасте с холодным и темным временем года, здесь Варвара Павловна «расцвела, как роза» [208], как утверждается через избыточное сравнение. Вначале их супружества забота жены представляет собой квази-любовь – «свет» и «весну» для Лаврецкого, однако героиня освещает своим присутствием только тот мир, в котором она умеет и желает находить свое «гнездо». Такое высказывание может получить свое подтверждение и в соотношении осваиваемой ею квартиры с локусом ощущения «**светлой весны**». Героиня обустроивает прекрасное жильё для своего

мужа только с той целью, чтобы устранить его из **свет(!)**ской, артистической жизни, которую она ведет. Общий корень слов маркирует именно эту разницу в противоположность смысловому полю, выстраивающемуся в романе вокруг слов-индексов **вечера, темноты** и т.д.. Семантические оппозиции выявляют причины тому, почему любовь и жильё жены не могут быть прочной основой для постройки общего гнезда. Предоставление комфорта отмечается хищническим, но искусным захватом территории. Но в мире романа это пока не осознается Лаврецким. Прекрасную квартиру, «покойный и уютный кабинет» [207], в котором герой мог уединиться, нельзя назвать домом, также как и антидом в Париже, где его жена «как в Петербурге, сумела свить себе гнездышко» [208].

Более того, в присутствии Варвары Павловны мужчины как будто чувствуют себя дома – в гнезде: она именуется славной хозяйкой и одомашивает завладеваемую территорию. У героини все – и мебель, и аксессуары, и конечно, гости – **светлое, веселое и миленькое**, и презентуется при помощи таких же определений, как весна: муж «по **вечерам** вступал в **очарованный, пахучий, светлый мир**, весь населенный молодыми веселыми лицами» [207]. В лирической тесноте фразы звукобуквенный повтор устанавливает эквивалентность между «вечером» и «очарованием». Секвенции развиваются в слово-образ «средоточия этого мира» – «рачительной хозяйки». Через фоническую связь содержание высказывания тематизируется не только на уровне повествования, но и формально: текст Тургенева и демонстрирует то, о чем говорит. Текстовое оформление обнажает угрозу: жена «привлекала гостей, как **огонь бабочек**» [207], т.е. она уподобляется смертельному огню, а мужчины – безобидным летающим насекомым женского рода. Этот огонь оказывается ложным, так как в отличие от домашнего очага, собирает не семью, а чужих гостей – молодых ухажеров. В бестиарии текста артисты, с которыми Варвара Павловна встречается, сопоставляются в бытовательском мышлении со львами и другими зверями [166]. В фигуре героини тоже много львиного и звериного с точки зрения других персонажей. В этом играет свою роль галломания героини, которая подвергается критике и со стороны повествователя.

Образ гувернантки Лизы, девицы **Моро** также совмещает типичную француженку, пристрастившуюся «к лакомству да к **картам**», и признаки животного. Она «была **крошечное сморщенное существо с птичьими** ухватками и птичьим умишком» [274]. Имя персонажа реализуется во внешности при помощи квази-этимона -мор (см. также морить – смерть). Мотив **гнезда** в этом образе эксплицитно связывается с птицей, связь которая должна выражать нечто естественное, приятное, но в данном случае получает негативный оттенок. Это выражается и в пустословии, неправильной речи и принадлежности гувернантки к парижскому миру – сигналом которого становится глагольная форма слова «гнездо»: «в ней **гнездились** что-то вроде всеобщего

дешевенького скептицизма [...]. Она говорила неправильным, но чисто парижским жаргоном» [275]. Персонаж представлен сквозь эту призму с целью ее противопоставления другому образу – русской няне-воспитательнице Лизы, «падение» которой искупается ее сильной верой. Образы хищных птиц вводятся в текст и в качестве обозначения душевного состояния Лаврецкого после проступка жены и его дум о родине. Мотив гнезда и здесь имеет место, так как ее семейная гостиная названа «плохо убранной» [204]. Измена со стороны жены наносит герою почти смертельный удар (поражение, снова как в бою): его тоска сопоставляется с тем, как «ястреб когтит пойманную птицу» [211]. А позже, ожидая подтверждения вести о смерти жены, герой сам себя сравнивает с хищной птицей: «"жду, как **ворон крови, верной вести о смерти** жены!"» [263]. Многократный повтор языкового знака обретает саморефлективную функцию, то есть из собственной звуковой формы создает новый предмет восприятия. Это меняет смысл сложенных до сих пор понятий: хозяйке гнезда характерны скорее черты хищницы, гнездо оборачивается антидомом, вместо стабильности и постоянства все переходит в непрочность и движение. То же самое происходит и с Лаврецким, которому присваиваются атрибуты смерти: «голова у него закружилась, пол заходил под ногами, как палуба **корабля** во время качки» [210]. Сравнение открывает мотивный ряд **путешествия**, как формы осмысления.

Герой, замкнутый раньше в своем мире, открывает законы этого мира, покидая свой дом. Он сначала оказывается в типичном антидоме – трактире. Это обозначается как жестами героя, его опустошенной («осушенной») речью, так и фоническим составом фрагмента текста: «зашел в *дрянной загородный трактир* [...] он очутился один, с одеревенелыми членами, с *горечью во рту*, с камнем на *груди*, в пустой незнакомой комнате; [...] шептали его **засохшие** губы» [211]. Параллели звуковых оболочек – языковых сигналов позволяют увидеть новые семантические соотношения между **городом** и **горечью**. Чувственные сигналы преобразуются в выражение временной смерти. Затем герой отправляется в путешествие по Италии. Эта страна является романтическим топосом теплого юга и искусств, а в романе Тургенева – местом спасения. После своих скитаний Лаврецкий осмысляет, что «искал опоры там, где ее найти нельзя, ибо [...] строил свой дом на зыбком песке...» [238]. Аллюзия (водный образ здесь заменяется сушей) получает свое развертывание и в связи с новой попыткой героя определиться, найти счастье и дом.

Рана, нанесенная герою, заживает на родине. Лаврецкий выгоняет своего тестя из Лавриков, однако поселяется в Васильевском, в усадьбе Глафиры, а не в «славном» своем имении «с отлично устроенной усадьбой» [223], которое напоминало бы жену. Все, что носит противоположный Лаврикам характер, наделяется положительным смыслом. Дом лишен человеческих следов, подобен смерти, «**ветхий**» [219], однако с возвращением Лаврецкого «дневной свет проникал в опустелые покои» [220]. Это образует параллелизм между фигурой героя и светом. Следует контрастная погруженность в «тихую дрему» [222]. Такой образ жизни способствует восстановлению

сил, выздоровлению героя, который приводит домик в порядок, и заживет в нем «не то помещиком, не то отшельником» [225]. Коннотации статуса, построенного из аналогичных определений, темный и тихий дом и т.д. повторяются затем и в связи с образом Лизы. Пограничная ситуация героя сопоставляется с **оттепелью**, воскресением природы: «*скорбь о прошедшем та-яла* в его душе, как *весенний снег*» [225]. Мирное оцепенение сопровождается с ощущением домашнего уюта и «чувства родины». Такие переживания и приращенность к месту метафоризируется действием собаки, которая тоже возвращается в свою **конуру** и не требует воли, когда Лаврецкий велит снять с нее цепь. Собака активизирует образ дворняги, не покидающей своего **двора** (ср. этимологизацию имен дворняги и дворянина, **дворянского**). Отметим в этой связи, что фигура Варвары Павловны, ищущей своего гнезда, тоже сопоставляется с собакой: «и та пристанища ищет; не пропадать же, благо люди не гонят» [305]. Фамилия героини «Коробьина» может означать и место для домашних питомцев. В ее поступке возвращения однако проявляется скорее расчетливость, а не верность дому, как у настоящих дворян.

Плотина, ночь

Как и в других произведениях того времени, обнажающих сентиментальную установку уединения (романы Гончарова и т.д.), такой провинциальный быт и в романе Тургенева не может удовлетворять героя и быть окончательным разрешением жизненных и личностных противоречий. Требуется «хозяйственное дело». Скука на природе, в отличие от тоски осмысления «дела», сопоставляется с опущением героя на **дно реки**: «"Вот когда я на дне реки"» [224]. Человеческие чувства, представленные выше в связи с образом дома, подвергаются также семантизации через водный и растительный мир. Когда Лаврецкий влюбляется в Варвару Павловну, его чувства метафоризируются **потоком**, прорывающим **плотину**: «*Прорвалась, наконец, искусственно возведенная плотина: он и дрожал, и горел*» [204]. Влюбившись же в Лизу, герой уподобляет себя **срубленному дереву**, которое готово снова зацвести: «прошедшего не было, что срубленное дерево опять зацветет». Но с возвращением жены он видит: «надо покориться» [313]. Герой разоблачает книжность своего сравнения, и чувство безнадежности, потери счастья охватывает его. Потребность **покорения** относится к **слову** Лизы, как его повторение. Нарушение тесной связи с природой наблюдается и в судьбе Маланьи, рано умершей матери главного героя. Смысловой план подобного сравнения определяется идеологической оппозицией русской народной мысли и западной, чужеродной агрессии, как и в случае противопоставления жены Лаврецкого и Лизы: «тихое и *доброе* существо, *бог* знает зачем выхваченное из *родной* почвы и тотчас же *брошенное*, как *вырванное дерево*, корнями на солнце; оно увяло, оно *пропало без следа*» [194]. Первый концепт выражен в форме растительного образа, как нечто живое, молодое. Насильственная окультуризация приходит извне, и приводит к уничтожению.

В отличие от презентации чувства любви к Варваре Павловне в тексте через посредство светлых образов, переживания Лаврецкого в отношении к Лизе сближаются с **туманом**. Возвращаясь домой от Калитиных, по дороге, у Лаврецкого зарождается ощущение новой любви. Его бродячие **мысли** и воспоминания о трагической жизни сопоставляются с бродячими **тучками**: их будто тоже дует **ветер**, но они сконцентрируются на Лизе. Стоит **теплая** пора. Наряду с новыми, приводятся повторы, которые были установлены нами раньше: «стояла засуха; тонкий туман разливался» [217] молоком в воздухе и застилал отдаленные леса; от него пахло гарью. Множество **темноватых** тучек с неясно обрисованными краями *расползались* по бледно-голубому небу; довольно **крепкий** ветер *мчался* сухой непрерывной струей, не *разгоняя* зноя» [218]. Итак, новое слово является более важным, чем нарративная синтагматика, в которую оно не вписывается. Видение русского пейзажа вызывает развитие тропа. «Мысли его медленно *бродили*; очертания их были так же неясны и *смутны*, как очертания тех высоких, тоже как будто бы *бродивших*, тучек. [...] Потом мысль его *остановилась* на Лизе» [218]. Презентация пейзажной зарисовки содержит ассонансы и консонансы, обозначающие нечто колыхающееся, волнуемое. Эти качества присваиваются мутным тучам и образу Лизы, тем самым оба ряда сливаются и образуют вместо «пейзажа» коренную метафору романа.

В истории второй любви читателя настораживает не вопрос обустройства гнезда, а первый же эпизод сближения главных героев, представленный через посредство природных образов **рыбной ловли**. На пруд приглашает Лаврецкий Лизу, отмечая запах **сирени**. Подчеркивается **вечернее** время. Лемм и девочки помещаются ближе к **плотине**, а Лаврецкий сидит «на наклоненном **стволе** ракиты», возле Лизы, стоящей «на маленьком **плоту**». Расположение героев глубоко символическое: Лаврецкий смотрит на Лизу снизу вверх, которая стоит к нему спиной и глядит на **воду**. Она в **белом** платье, воплощая для героя чистое, ангельское существо и вызывая его преклонение: «"О, как **мило** стоишь ты над моим **прудом!**"». Высказывание имеет и подтекст: героиня также овладевает душой героя. Определение «мило» получает иной смысл, чем у жены Лаврецкого. Игра вечернего исчезновения света проявляется в тени, которая «от близкой липы падала на обоих» [244]. Ракита является **деревом**, напоминающим грустное состояние человека. Липа в данном контексте выполняет функцию скрывания и оберегания влюбленных.

Нарративная детализация рыбной ловли при этом маркирует знаковый характер действия. Пруд (вода) расположен за **садом** и в нем водятся «много карасей и гольцов». Карась традиционно отождествляется с золотой рыбкой. В данном контексте поймать его означало бы воплощение общего счастья для героев. Однако герои не обращают внимания на ловлю, они – разговаривают: «Рыба **клевала** беспрестанно; выхваченные караси то и дело **сверкали** в воздухе [...]. Реже всех бралось у Лаврецкого и у Лизы» [244]. Лаврецкий ищет возможность вербального контакта с Лизой, т.е. старается поймать, «выловить» ее посредством слова. Он называет себя «**топорным** человеком»,

который имеет право высказывать все прямо, в том числе и о любви Лемма. Удар же фигурально падает на старого музыканта, неумеющего выражать свои чувства в легкой музыкальной форме: «трудно переносить такие удары!..» [245]. Лаврецкий понимает неудачу Лемма в деле любви, но музыка становится мерой и для другого соперника, Паншина. Когда речь пойдет о нем, Лаврецкий остерегает Лизу: «Берегитесь, у вас клюет... [...] Владимир Николаич написал очень милый романс». Фразеологизмы текста реализуются сразу в двух значениях. В переносном смысле мужские персонажи все как будто на крючке у Лизы – они «**клюют**». Лаврецкий искусно выведывает отношение Лизы к Паншину в контексте счастья. Это также становится неким крючком, на который Лиза клюет и признается в отсутствии любви: «– Ну, и дай бог им **счастья!** – пробормотал он, наконец, как будто про себя, и отворотил голову. Лиза покраснела» [245]. В то же время Лиза укоряет Лаврецкого, осуждающего Паншина («сердца-то у него и нету») с позиции христианского милосердия: «Улыбка сошла с лица Лизы. – Вы привыкли строго судить людей» [246]. «Милый» характер героини означает в ряде звуковых повторов, которые относятся к описаниям природы, как знаки приятности и привлекательности Лизы.

Несмотря на это интермеццо, речь собеседников сравнивается с **водой** по общему признаку **тишины**: «впереди тихо сияла неподвижная вода, и разговор у них шел тихий» [244]. Как вокруг все тихо, так и Лиза выступает за необходимость смирения, отказа от счастья и соблюдения долга, и будто невзначай, снова приводит вопрос о смерти. До рыбной ловли у них уже прошла беседа на эту тему, которая вызвала желание Лаврецкого переубедить девушку. Речь героини выходит из обыкновенного строя, становится неплавной: «– И я могу так же быть несчастной, – **промолвила** Лиза (голос ее начал прерываться), – но тогда надо будет **покориться**» [234]. Лаврецкий это же слово Лизы заимствует потом в разговоре со своей женой (см. выше). При рыбной ловле герои продолжают выяснять значение этого слова, которое в тексте тематизируется (см. **слово – молва**). Лиза придерживается религии из-за страха смерти: «– Христианином нужно быть, [...] для того, что каждый человек должен **умереть**». Лаврецкий удивляется не столько содержанию речи (Лиза часто думает о смерти), сколько прозвучанию самого слова: «– Какое это вы **промолвили слово!** – сказал он. – Это **слово не мое**, – отвечала она». В дальнейшем выясняется, что это слово принадлежит ее несчастной в обывательском смысле няне, чью судьбу Лиза впоследствии и разделяет: уходит в монастырь. Такое миропонимание, отрицающее жизнь, противопоставлено **светлому** нраву героини (ср. весна): «у вас такое **веселое, светлое** лицо, вы улыбаетесь...» [246]. Этот контраст и получает развитие в игре светотени в природе, акцентированной в тексте.

Вместо Лизы ее мать, Марья Дмитриевна ловит карася-рыбу и зовет ее похвастаться. Лиза **покорно** подходит, оставляя свою **шляпу** на ветке (дерева), **ленты** которой замешают ее. Эта субституция повторяется в эпизоде в церкви, где они с Лаврецким чувствуют **соприкосновение** их душ

(см. ниже). Теперь «с странным, почти нежным чувством посмотрел Лаврецкий на эту шляпу, на ее длинные, немного помятые ленты. [...] он чувствовал потребность говорить с Лизой» [247], так как она умеет слушать и вставлять умные замечания, чем усиливается ее душевное родство с героем. Между тем отсутствующее у Лизы-реципиента слово, как дефицит, скрывает свое слово. Оно отличается от подчеркнуто «своего» слова жены героя, являющегося на самом деле, всего лишь повторением чужих слов: «я так думала, что у меня, как у моей горничной Насти, *своих* слов нет». «"И слава богу!" – подумал Лаврецкий» [247]. Продолжается рефигурация самого **слова**, как **славы**. Тем не менее, в мире романа, Лаврецкий отчасти теряет свой шанс «выловить» девушку, она ускользает от «крючка» – возможности земного счастья. Ей также не удастся «поймать», в отличие от Христа-рыбака, душу неверующего героя. В этом общении о счастье-смерти предваряется будущее расставание героев.

Дорога домой тихой летней ночью после рыбалки тоже соответствует зарождению чувств героев. Тургенев наделяет признаками «светлого» и «приятного» именно **вечернее** время и представляет красоту ночи. «**Светлая ночь**» у него становится новой и устойчивой метафорой, совмещающей несовместимые по своей семантике слова. Таким же новаторством становится сочетание следующих элементов. Самым прекрасным временем в романе оказывается **сумрак**, который обязательно – **тонкий**: «в тонком сумраке *светлой* ночи лицо его казалось бледнее и моложе» [230]. Повторяются, и дополняются новыми, тематические мотивы, отмеченные нами выше. Лаврецкий провожает «ровно катящуюся» карету Лизы. Карета, как и ее живая часть – лошадь, будто **плавает**: «тихонько колыхаясь и ныряя», а «он бросил поводья на шею плавно бежавшей лошади – и изредка меняясь двумя-тремя словами с молодой девушкой» [248]. Вместо общения людей опять же начинают «говорить» образы: тишина, корабль и т.д.. Следуют картины описания природы, которые впоследствии выстраиваются в широкий метафорический образ, возможно, даже символ любви. Элементами этой «теплой ночи» являются следующие. Месяц (светило мужского рода, вращающееся вокруг земли) освещает лицо героини, она открывает и поддает себя влиянию как его света, так и ветра. **Ветерок** тоже олицетворяется: «месяц светил ей в лицо, ночной пахучий ветерок дышал ей в глаза и щеки». И в качестве психологического параллелизма, создается физическое **соприкосновение** Лизы и Лаврецкого: «Рука ее опиралась на дверцы кареты рядом с рукою Лаврецкого» [248].

Дальше повествование фокусирует на состоянии героя: «Обаянье летней ночи охватило его». Он переживает словно весеннее воскресение природы, – **расцвет**: «молодая расцветающая жизнь сказывалась в самом этом покое». Вместо соловиной песни здесь вводится **перепелиная**, однако с точки зрения слушателя, который ее воспринимает нетрадиционно – как **гром**, резкий звук: «что-то веселое и чудное в гремящем крике перепелов». **Туманный свет, тонкие тучи, светлый дым** охватывают все в презентации **светлой**

любви. Семантические оппозиции сплошь и рядом образуют свежие, уникальные метафоры: «Звезды исчезали в каком-то светлом дыме; неполный месяц *блестел* твердым *блеском*; *свет* его разливался голубым потоком по небу и падал пятном дымчатого *золота* на проходившие *близко* тонкие тучки; свежесть воздуха вызывала *легкую* *влажность* на *глаза*, *ласково* охватывала все члены, *лилась* вольною **струєю в грудь**» [248]. В детализации образа ночи выступают основные черты и свойства Лизы: «**ласковая ночь**», «тянуло **тихим и мягким теплом**» [249]. Именно такая атрибуция неясных и нестабильных природных метафор противопоставляется светлому и шумному дому Варвары Павловны. Сближение Лаврецкого с Лизой реализуется и на уровне знаков. Семиозис раздробляет имя героини на части и выстраивает новые соотношения из этих частей. Природа будто вливается и интериоризуется реципиентами-людьми. Подробная пейзажная зарисовка превращается в метафорическую проекцию воздействия Лизы на «воскрешаемого» Лаврецкого. Не случайно утверждает в этот момент герой, что «у ней есть **свои слова...**» [248]. Эти слова однако не те, что заимствованы из религии. Они исходят от метафоризации т.н. пейзажа. Озарение находит на Лаврецкого не только в переносном смысле. Он буквально осознает на себе влияние Лизы. По этой причине он и повторяет известный мотив стихотворения своего друга, Михалеви́ча (согласно роману): «*я сжег все, чему поклонялся, Поклонился всему, что сжигал...*». Реализуя значение перенятой фразы, Лаврецкий воспроизводит его в реальном жесте: «послал последний **поклон** Лизе и взбежал на крыльцо» своего дома [249]. Цитатная фраза знаменует изменение позиции героя: он готов к переосмыслению своих прежних концептов.

Данная перемена относится и к сфере, кажущейся далекой от любви: **церкви.** Однако ее появление отнюдь не случайное, в силу религиозной настроенности героини. Мотивы «светлого» и «темного» и здесь соотносятся друг с другом. В презентации церкви вместо традиционной холодности и торжественности подчеркивается светлая пора, так как в данном случае представляет собой возможность новой жизни посредством новой любви. Фонические секвенции воссоздают именно образы **света, весны, улыбки и ласки.** Герой и героиня «*встретились на паперти*; она приветствовала его с *веселой* и *ласковой* важностью. *Солнце* ярко освещало молодую *траву* на *церковном дворе*, *пестрые* *платья* и *платки* женщин; *колокола* соседних *церквей* **гудели** в *вышине*; *воробьи* **чирикали** по *заборам*. *Лаврецкий* стоял с *непокрытой* *головой* и *улыбался*; **легкий ветерок** вздымал его *волосы* и концы *лент* *Лизиной* *шляпы*. Он посадил Лизу и бывшую с ней *Леночку* в карету, *роздал* все свои деньги нищим и тихонько *побрел* домой» [262]. Ветерок теперь касается и героя, и **лент** (часть) шляпы Лизы. Повторяется деталь, которая уже в эпизоде рыбной ловли намекала на предстоящее сближение героев. Вербальный знак, обозначающий ленту, соотнесен с именем представителя нового, молодого поколения – Леночки. Поведение Лизы также являет подобную **светлость, тишину** и радость: «Она **усердно** молилась: **тихо светились** ее глаза [...] она *молилась* и за него, – и чудное **умиление** наполнило его душу [...]

согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – все говорило его **сердцу**» [262]. Слова «**косой**» и «**коснуться**» через квази-этимон образуют семантическую связь. В образе церкви соединяются раньше несопоставимые понятийные сферы и привычная атрибутика получает положительную коннотацию. Лиза будто сама излучает солнечный свет не только своей особой, но и через посредство «тихого» слова – **молитвы**. Результатом этого слова становится **умиление** Лаврецкого: теперь его душа открывается – для соприкосновения с верой. Герой даже мысленно просит этого: «Ты меня сюда привела [...] – коснись же меня, коснись моей души» [262]. В самом слове «умиление» обнаруживается главное свойство Лизы: она **милая**. При расставании же героев, наоборот, церкви, образу Лизы и самой ситуации присваиваются признаки **мрачности** и **холода**.

Выяснение отношений героев происходит **летним вечером, в саду**. Прежде чем приступать к разбору эпизода свидания, напомним, что начало сюжета романа обозначается тоже весной, однако в виду наших утверждений, следует толковать роль т.н. описания природы в другом ключе. «Весенний, светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури» [161]. Марфа Тимофеевна разоблачает сентиментальные чувства Марьи Дмитриевны (см. также родственную связь между Марфой и Марией, противоположной библейской): «– О чем вздыхаешь [...] – Какие чудесные облака! – Так тебе их жалко, что ли?» [162]. Для Марии Дмитриевны характерна театральность, поэтому в конце сюжета она хочет, чтобы Лаврецкий принял свою жену из ее рук. Варвара Павловна понимает, что мужу неприятна эта сцена, поэтому и не хочет выполнять назначенную ей роль. Она разыгрывает свой сценарий. Начальный эпизод повторяется еще раз в сюжете, однако уже в другом, нарративном оформлении. Мать Лизы намеревается отказаться от светской болтовни и карточной игры, чтобы полюбоваться природой, тем не менее, она, не долго задумываясь, составляет партию Паншину: «несмотря на свое отвращение к сквозному ветру, велела отворить все окна и двери в сад и объявила, [...], что в такую погоду в карты играть грех, а должно наслаждаться природой» [265]. Она боится ветра, но через отверстия («окна как пороги») в дом Калитиных вторгается внешний мир, природа. Главные герои (Лаврецкий и Лиза) также становятся готовыми к самораскрытию и принятию другого.

Описание вечера пронизывает сентиментальная атрибутика – **сад, сирень, вечер** и **соловей**: «его *первые вечерние звуки раздавались в промежутках красноречивой речи; первые звезды зажигались на розовом небе над неподвижными верхушками лип*» [266-267]. «Песнь соловья» определяется, как красноречивая речь, в которой слышится возможность земного счастья. Это и разоблачается изворотами сюжета, именуемыми в романе «судьбой». В тексте «песнь» наделяется неканоническим признаком **шума**, звонкости и агрессии – «дерзости»: «вместе с *росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая, песнь соловья*» [268]. Аудиальное воздействие сильное, на уровне

звуков фразы выражает гремучесть, так же, как и гром перепелов в фрагменте, разбираемом нами выше. После трелей соловья и речь Паншина действует раздражительно. Лаврецкий начинает возражать и говорить посредством Лизе, которую «самонадеянный тон светского чиновника» [268] тоже отталкивает. Лиза поддается влиянию слов Лаврецкого, который высказывает свое мнение о «русском пути». Затем вместо слов вступает в свои права тихий **язык природы** (звезды, деревья, волна, зерно): «для них *пел соловей*, и *звезды горели*, и *деревья тихо шептали*, убаюканные и сном, и негой *лета*, и теплом. *Лаврецкий отдавался* весь увлекавшей его *волне* – и *радовался*; но *слово* не выразит того, что происходило в чистой душе девушки: оно было тайной для нее самой; [...]. Никто [...] не увидит никогда, как, призванное к жизни и расцветанию, *наливается* и **зреет зерно в лоне земли**» [269]. Такое воздействие природы проецируется на душу героев и прикосновение вызывает главный атрибут жизни – рост и образует на уровне знаков само «слово». Кроме растительных, культурные метафоры – в первую очередь музыка – призваны это транслировать. И в этом плане самым ярким воплощением героини становятся **звезды**.

Звезды ясно светят во время сближения Лизы и Лаврецкого, но отмечаются также и в неудавшемся романсе Лемма. Романтическая мечта музыканта, собравшая всех топосов любви, разоблачается. «Он умолк и долго сидел неподвижно и подняв глаза на небо. [...] **чистые звезды**, [...] – вы взирате одинаково на правых и на виновных». После такого признания Лемм обнажает шаблонность своей фразы: «Впрочем, я не поэт, куда мне!» [230]. В отличие от соловья, образ музыканта презентуется наподобие **совы** (см. слово – соловей – сова), а также паука (см. связывание, переплетение судеб посредством невербального жеста). Уродливая внешность однако контрастирует с торжествующими звуками кантаты немецкого музыканта, который во всех остальных случаях скорее «немой», резко отказывается говорить. Итак, звезды метафорически обозначают образ героини как во фразе Лемма, так и Лаврецкого: «Звезды уже начинали *бледнеть* и небо *серело*, когда *коляска подъехала* [...] В саду *пел соловей* свою последнюю, передрагсветную песнь. Лаврецкий вспомнил, что и у *Калитиных* в саду *пел соловей* сердце [...] сердце в нем **утихло**. "**Чистая девушка**, – проговорил он вполголоса, – **чистые звезды**"» [231]. Признак **чистоты** связывает образ Лизы и звука в тексте, а в мире романа точкой их соединения становится **сердце** героя. Свойства Лизы передаются и звукам, так как **музыка**, торжественная, глубокая кантата Лемма завершает ночь нечаянного свидания Лаврецкого с Лизой в саду, в отличие от **тишины речи** (их «слово») при зарождении их любви. Звуки музыки заменяют слово любви и в эпилоге, в воспоминаниях Лаврецкого, более того, они возвращают нас к развернутому в тексте романа мотиву **соприкосновения**. Лаврецкий «коснулся одной из клавиш: раздался слабый, но **чистый** звук и тайно задрожал у него в **сердце**: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодия» [326].

Калитка, свидание, соприкосновение

Вспомним, после свидания с Лизой герой направляется к Лемму и находит способ для преодоления замкнутости пространства музыканта: «Лаврецкий стоял уже перед **калиткой** сада. Он нашел ее запертою и принужден был перепрыгнуть через забор» [271]. В случае огражденности дома Лизы, ситуация обстоит иначе. Роман начинается с того утверждения, что дом Калитиных в городе О. лишен усадьбы. Ее и не хватает матери Лизы. Городское жилье не названо в тексте гнездом до момента его заселения новым, молодым поколением (Леночкой и ее компанией). К нему привыкают, в нем принимают гостей, оно принадлежит «к числу приятнейших в городе» [162], но остается некрасивым и неodomашненным. Как подчеркивается повествователем, главное его преимущество заключается в том, что оно доходное. В этой связи отметим, что в романе неоднократно подчеркивается приобретательность, наживательство Калитина-отца. Отец Лизы при жизни был дельцом и умел «набить деньгу» [161], «заваленный делами, постоянно озабоченный приращением своего состояния» [274]. Образ Михаила **Калитина** напоминает фигуру князя Ивана Калиты, что и может подтверждать его говорящая фамилия. А звукобуквенное совпадение фамилии и слова-имени **калитки** определяет функцию предмета. Референтом звукового ряда является не образ, а соотношения, которые оболочка в данном случае устанавливает. Итак, значение слова не только словарное, так как его смысл создается и манифестируется в поэтическом тексте Тургенева в целом.

Свидание героя и героини представлено с акцентированием мотива **соприкосновения**. Следующая за теплым вечером **ночь** тоже определена как **тихая** и **светлая**. Узкая дорога ведет к забору дома Калитиных. «Ночь была тиха и светла, хотя луны не было; узкая тропинка попала ему; [...] Она привела его к длинному забору, к калитке; он попытался [...] толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновения его руки. [...] Он тотчас же вошел в черное пятно тени» [269]. Звуковой повтор устанавливает семантическую связь между фигурой героини и близостью к ней: Лаврецкому «приятно было чувствовать себя *вблизи Лизы*, сидеть в ее саду на скамейке, где и она сидела не однажды...» [270]. Выделенное уникальное знаковое соотношение сменяет повседневное, обычное. Тематизация названия акцентирует связь между словом, именем и личностью. Прикосновение означает и символическое вхождение героя в теневой образ сада / дома / героини.

Лаврецкий должен коснуться калитки, которая легко отворяется, словно ждет этой формы соединения. Лиза также приближается к герою: «Он назвал ее в третий раз и протянул к ней руки. Она отделилась от двери и вступила в сад. [...] схватив ее руку, повел ее к скамейке» [270]. Герой теперь касается рук, колен и губ героини. Физический контакт означает и эмоциональную. Лаврецкий трогает душу Лизы, которая делает попытку изменить свое убеждение о счастье и принять другое слово: «Он понял, что значили эти слезы. —

Неужели вы меня любите? – прошептал он и **коснулся** ее коленей. [...] подняла взоры к небу. – Это все в божьей власти, – промолвила она. – Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы? Она опустила глаза [...] Он отклонил немного свою голову и коснулся ее бледных губ» [271]. Лиза не отвечает, но заплачет и подает ему свои губы. Высказанные слова выражают только повторение чужих слов (няни), однако жест Лизы выражает ее безмолвное согласие на вопрос Лаврецкого.

Воля героя управляет его сознанием, которое требует счастья, восстанавливаясь от разочарования – с одной стороны, и отказываясь от смерти – с другой. Предмет воли – любовь – кажется вполне реальной возможностью, но подвергается критике, потому что в действительности она отсутствует, неуловима и постоянно преобразовывается. Главный конфликт в понимании счастья заключается в том, что верующая Лиза оставляет все за Богом. Она, в отличие от первой любви Лаврецкого, отказывается от земного счастья и вообще от земной жизни. В беседах, в том числе и при разговоре в цветнике (см. контраст с темой), она только повторяет эту мысль: «Вы сами женились **по любви** – и были ли вы счастливы? – [...] **счастье** на земле зависит не от нас...» [256]. Но перед их свиданием всеночная, заказанная по желанию Лизы, становится сигналом резкой перемены в ее фигуре – осознанием любви, что парадоксально выражается в ее молчании, отказе от слова: «Он чувствовал: что-то было в Лизе, куда он проникнуть не мог. [...] уловил глубокий, внимательный, вопросительный взгляд в глазах Лизы» [265].

Неожиданное «воскресение» и появление жены Лаврецкого подтверждает тезис о невозможности счастья. К тому же, ситуация осложняется и препятствиями, налагаемыми общепринятой моралью, которую представляет теть Лизы. Гнев Марфы Тимофеевны против своей племянницы метафоризируется **грозой** и обозначается вещью – неправильно надетым **чепцом**: на Лизу «опять обрушилась гроза, и с такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала [...] Лицо старушки было бледно, чепец сидел набоку» [287]. «сдернула с себя чепец. – [...] Вишь, вдовый! Дай-ка мне воды» [289]. Старушка успокаивается только тогда, когда выясняется, что любовь Лаврецкого не преступна. Это выражается не только посредством нарративной детали, но также и анаграммой (по синтаксическому положению – неточной рифмой): *вдовый – воды*. Мотив **прикосновения** здесь снова повторяется в индизонсказательном плане, как осквернение чистого чувства девушки в форме его обнаружения и снижения до плотской страсти: «как грубо **коснулись** чужие **руки** ее заветной тайны!» [289]. Отметим, что такое же неприятное прикосновение представляет собой характерный жест жены Лаврецкого: она любила касаться рукава собеседника [299]. Лиза по-христиански позволяет тете искупить свою вину перед ней и не отнимает своих рук: «она чувствовала, что не имела *права* помешать *старушке* выразить свое *раскаяние*» [295]. Тетьа затем защищает Лаврецкого, будучи уверенной в его моральной стойкости: «он честный человек» [308], «не **кусаются**» [318]. Этот предикат становится

устойчивым в этом соотношении. Действия, жесты, слова Марфы Тимофеевны сопровождают прощание влюбленных. Ее главный атрибут – чепец – то криво стоит, то она его ищет, то надевает, то снимает: «вошла с чепцом в руке» [307], «выбежала, не надев чепца» [308]. Платок Лизы имеет такое же символическое место в предметном мире романа Тургенева. Падение платка вниз приостановлено Лаврецким, который забирая его себе, сохраняя таким образом память о прошлом. Соприкосновение героя и героини разрывается, и эпизод в саду повторяется с обратным знаком: «**не дам** я вам моей руки. [...] Платок скользнул по коленям Лизы. Лаврецкий подхватил его, прежде чем он успел **упасть** на пол, быстро сунул его в боковой карман» [308].

Любовь Лизы как ее «волевой акт» против идеологии, веры метафорически определяется героиней как «**преступление**», и реализуется в преступлении **порога двери** гостиной для встречи с женой Лаврецкого (см. обратную функцию калитки): «Она решила не избегать ее, в **наказание** своим, как она назвала их, преступным надеждам. [...] Внезапный перелом в ее судьбе [...]. Долго стояла она перед дверью гостиной, прежде чем решила отворить ее; с мыслью "Я перед нею виновата", – переступила она порог» [292]. Ручная работа помогает ей скрывать свою взволнованность: она «села к окну за пальцы» [293] (см. выше функцию Парок). В повествовании принимается ее точка зрения – Лиза переживает свое положение как подсудимая: «бесчувственность осужденного» [295]. Она так и объясняет это Лаврецкому при их расставании: «мы скоро были наказаны» [306], «счастье зависит не от нас, а от бога» [307]. А в решении об уходе в монастырь Лиза повторяет судьбу своей няни, возвращаясь и окончательно следуя ее слову. Вспомним, Агафья Власьева «с **покорным** смирением приняла поразивший ее удар [...] Она стала очень **молчалива и богомольна**» [276]. Образу Лизы тоже присваиваются ее атрибуты и предикаты. До перелома Лизины черты «напоминали резкий и правильный облик Калитина; только глаза у ней были не отцовские; они **светились тихим** вниманием и добротой» [277]. В этом и проявлялся религиозный, но мягкий характер Лизы. Вопреки канону, день **воскресения** не приносит возрождения, только начало вынесения Лизой приговора себе, а колокольный **звон** зовет будто к ее похоронам. Лиза такими словами выражает Лаврецкому свой уход: «не забывайте меня [...] **Не идите за мной. [...] Все умерло, и мы умерли**» [316]. Своей тете она объясняет подробнее и с дургой точки зрения свое решение: «**Счастье ко мне не шло**; [...] как папенька **богатство наше нажил**; я знаю все. Все это отмотить, **отмотить** надо» [320]. Она окончательно принимает слово «молитвы» с целью искупления семейных и личных «грехов».

Не случайно названа и комната Лизы **кельей**, которая, как и дом других персонажей, олицетворяет доминанту характера своего хозяина. До момента расставания героини с Лаврецким и своей прежней жизнью, комната носит **светлый** характер, украшена и оживлена **цветами**: небольшая комнатка «**чи-стая, светлая, с белой** кроватью, [...] – А ты, я вижу, опять прибирала **свою**

келейку, – промолвила Марфа Тимофеевна, низко наклоняясь к горшку с молодым **розаном**» [317-318]. Старуха своим жестом указывает на радости жизни в приятном запахе цветка, но Лиза символически прощается с домом Калитина: **«всему в доме поклонилась»** (ср. «поклонится всему, что сжигает»). Она находит свою новую жизнь, подобную смерти, свое «гнездо» в монастыре: «хочется мне **запереться** навек» [320]. В этом доме, символизирующем отрешенность от земной жизни и служение богу, образ Лизы наделяется атрибутами **мрачности**, и прежние признаки оброчиваются в свою противоположность: **«бледном призраке, облаченном в монашескую одежду, окруженном дымными волнами ладана»**. Их последняя встреча с Лаврецким представлена при помощи переименования героини: она «прошла ровной, торопливо-смиренной походкой **монахини**» [327]. Упоминаются только ее жесты, свидетельствующие об опознании героя: еле заметное дрожание взгляда, глубокое наклонение лица и сжатие пальцев. Здесь она настолько удаляется от него, что больше переступить эту черту Лаврецкий не может. Итак, во втором конце романа, мотив **прикосновения** снова переосмысливается. Этим завершается роман, однако перед этим эпизодом вставляется контрастный, светлый эпилог.

Новая, молодая жизнь традиционно, и в этом произведении также, обозначается возрождением природы. Восемь лет спустя событий, описанных в романе, изменяется и облик дома и приходит веселое поколение на смену старого. Цикличность выражается в возвращении к весне и вечернему времени. Вспомним, что это время года стоит и в начале сюжета и повторяются те же звуковые сегменты в тексте (см. также имя Леночки), но уже с усиленным акцентированием новой жизни: «Опять *настал*а весна...» [321]. «Опять повеяло с неба сияющим **счастьем весны**; опять *улыбну*лась она земле и людям; опять под ее *лаской все зацвело*, полюбило и запело. [...] **румянились** и блестяли на **заходившем** солнце; из этих окон *неслись* на улицу **радостные**, легкие звуки звонких молодых голосов, непрерывного смеха; весь дом, казалось, кипел жизнью и переливался **весельем** через край» [323]. И собаки и птицы вырываются на свободу вместе с молодежью: **«собаки** тоже бегали и лаяли, и висевшие в клетках перед окнами **канарейки наперерыв драли горло**, усиливал всеобщий **гам звонкой трескотней** своего **яростного щебетанья**» [324]. Звуки песен птиц снова шумны, громки и раздражающие, как и во всех упомянутых выше случаях поры любви и радости. Только вопрос о Лемме вызывает временно печальные чувства и тишину: **«музыки** после него не осталось? – Не знаю; едва ли. Все замолкли и переглянулись. **Облачко печали** *налетело* на все *молодые лица*» [325].

Лаврецкий возвращается в дом тем же путем, как при свидании с Лизой – через **калитку** [324]. Вспоминая прошлое, герой с грустью переживает свою попытку прикоснуться к счастью по любви: «вышел из дома в **сад**, сел на знакомой ему **скамейке** – [...], где он в последний раз напрасно простирал свои руки к **заветному кубку**, [...], – он, одинокий, **бездомный странник**» [327]. Предметы, в том числе и скамейка, тоже меняются – стареют параллельно

герою, и становятся знаками памяти: **скамейка «почернела, искривилась; [...], – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье, которым когда-то обладал»** [325-326]. Минувшее счастье в конце романа противопоставляется грядущему счастью нового поколения. Однако же, устранив идею о счастье, Лаврецкий стал хозяином своего дома, и в собственной деятельности реализовал свое «присутствие». Мотивы текста таким образом регенерируются и переосмысливаются, но осмысление бытия, как единого и уникального события, не разворачивается. В последней фразе романа повествователь вовсе отказывается от вербализации (правда, в связи со чувствами): «На них можно только указать – и пройти мимо» [328].

Итак, роман только демонстрирует, но не истолковывает «слово». В поэтическом тексте создается иное мышление и понимание, которое присутствует только через символические трансляции языка, так как они заставляют мышление опираться на язык, а не на убеждения. В нашем сообщении рассматриваются как раз эти особенности лирической прозы Тургенева, т.е. то, как повествование исходит из прозвученного звука и раскрывает семантический потенциал слова, и как ресемантизация в результате ритмического повтора становится источником языка романа.

Литература

- БАРСУКОВА-СЕРГЕЕВА 2004: Барсукова-Сергеева О. М. Символика гнезда и бездны в романах И. С. Тургенева // Русская речь. № 1. 8–15.
- ИЛЮТОЧКИНА 2011: Илюточкина Н.В.: Функция усадебных пространственных образов в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Орловского государственного университета: научный журнал. Орел: ФГБОУ ВПО. № 4. 188–193.
- КРАСНОКУТСКИЙ 1985: Краснокутский В. С.: О некоторых символических мотивах в творчестве И. С. Тургенева. // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – начала XX века. Макогоненко Г. П. (отв. ред.): Ленинград: Изд-во ЛГУ. 135–150.
- ЛЕБЕДЕВ 2008: Лебедев Ю. В. Россия и русские в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Литература в школе. 10: 12–18.
- МАНН 1987: Манн Ю. В.: Эпизод из истории вечных образов. // Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. Москва: Советский писатель. 171–189.
- МАРКОВИЧ 1982: Маркович В. М.: Эволюция художественной системы Тургенева-романиста в 1855–1862 гг. («Рудин» и «Дворянское гнездо»). // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Ленинград: Изд-во Ленинградского Ун-та. 109–166.
- МАРКОВИЧ 1984: Маркович В. М.: Между эпосом и трагедией (О художественной структуре романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Макогоненко Г. П. (отв. ред.): Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Ленинград: Изд-во ЛГУ. 49–76.
- РОМАНОВ 2005: Романов Д. А.: Система лейтмотивов в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русская речь. № 5. 8–12.
- РОМАНОВ 2007: Романов Д. А.: Черты языковой архаики в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. № 4. 68–73.

- ТУРЬЯН 1994: Турьян М. А.: «Гамлет и Дон-Кихот» в свете философии скептицизма. // Зельдхейи-Деак Ж., Холлош А. (ред.). И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 26–28 августа 1993 г., Будапешт. Budapest. 190–198.
- ЧИЧЕРИН 1977: Чичерин А. В.: Очерки по истории русского литературного стиля. Москва: Художественная литература.
- KROÓ 1998: Kroó K.: Lavreckij vándorlásának motívuma Turgenyev „Nemesi fészek” c. regényében. // Hetényi Zs. (red.) *Dolce Filologia. Irodalomtörténeti, kultúratörténeti és nyelvészeti tanulmányok Zöldhelyi Zsuzsa c. egyetemi tanár születésnapja tiszteletére.* Budapest: ELTE 73–87.
- KROÓ 2002: Kroó K.: *Klasszikus modernség. Egy Turgenyev-regény paradoxonjai.* Budapest: ELTE Eötvös Kiadó.
- SPENGLER 1994: Spengler K.: Сюжетообразующая роль музыки в «Дворянском гнезде». // Зельдхейи-Деак Ж., Холлош А. (ред.). И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 26–28 августа 1993 г., Будапешт. 227-232.

Abstract

Notes to Ivan Turgenev`s Lyrical Prose ("A Nest of Gentlefolk")

The article discusses the idea of chasing happiness which is reinterpreted by some features of lyric prose, as the narrative proceeds from the sound, deploys the semantic potential of words, and the resemantisation as a result of the rhythmic repeat becomes the source of the novel`s discourse. The metaphorical activity focuses on those fragments which are usually referred to as "nature description" (as well as the presentation of spring, night, breeze, stars, tree, bird, and so on). As a result, this poetic process makes it possible to re-arrange the narrative. The following problems are re-written: the construction of the nest, the religious motives, the life contacts. The second end of the novel compels the reader to reflect on the situation that the new word of life reveals as a unique event and full presence.

ХРИСТИЯНСКОТО СВЕТОУСЕЩАНЕ В ЛИРИКАТА НА АТАНАС ДАЛЧЕВ

Камен РИКЕВ

Разностранните критически оценки на Далчевото творчество

Темата на тази студия потвърждава убеждението, че Атанас Далчев *не е от често честваните големи български поети, но за сметка на това е от четените* [КУРТАШЕВА 2006: 5]. Неговата незатихваща актуалност вече 90 години след излизането на първата му самостоятелна стихосбирка (*Прозорец*, 1926) е плод на ред причини, свързани както с безспорната значимост на творчеството му, така и с усилията на българската интелигенция да изясни достатъчно задоволително тази значимост.

Историческият развой на рецепцията на Далчевото творчество преминава през наслояването на качествено различни и често противоположни квалификации. До днешната перспектива, изхождаща от консенсусната теза, че поетът е *най-неинституционализираният наш класик, а оттук и най-четивният, най-изкушаващият към следващи интерпретации* [КУРТАШЕВА 2006: 6], се достига след меандри от признания, колебания и отрицания. Още през 1926 г. Далчев е награден за дебютната си книга от Министерството на народното просвещение, а две години след това Богомил Шаренков пита: *Кой разумен, честен човек би се съгласил, че Далчев е поет?* (сп. *Обзор*, бр. 2 / 18.11.1928)¹. С времето отношението към поезията и цялостната фигура на Атанас Далчев ще продължава да осцилира между суперлативните и заядливите оценки, а между тях ще се наложат толкова стабилни, колкото и взаимно изключващи се клишета. Сред най-устойчивите категории, свързани с Далчевото име, са сетивност, предметност, описателност, разсъдъчност, интелектуалност, мистицизъм, антисимволизъм². Разбира се, комунистическата епоха ще предложи друг облик на Далчевата лирика – *чужда на народа*³, пример за *естетически формализъм, изкуство само за себе си и за избрани ценители – снобите* [МАТЕЕВ 1945: 5], а във венец на отрицанието ще се превърне понятието *далчевщина*

¹ Прегледи на рецепцията на Далчев вж. НЕДКОВ 1984: 310–321; Стоичкова 2006: 245–259.

² Първите шест категории са пряко заложили още в портрета на Далчев, направен от Константин Гълъбов [1927: 2–4]. Като понятие *антисимволизъм* се налага много по-късно в родната критика и е прилаган изключително спрямо Далчевата поезия.

³ ЗАРЕВ 1945: 3. Струва си да подчертаем малко коментирания факт, че А. Далчев е сред първите литературни жертви на новия режим, доколкото е пряко критикуван от позициите на проходащия в страната социалистически реализъм. На този факт обръща внимание Едвард Можейко в книгата си *Социалистическият реализъм. Теория, развитие, упадък* [2009: 178–179]. Можейко е автор и на първата англоезична студия върху Далчев [МОЖЕЙКО 1986: 85–96].

[Срв. ИГОВ 2000: 262]. Към края на жизнения му път обобщителните формули ще клонят най-вече към *поет на размисъла* [НЕДКОВ 1984: 310], *поет за поетите с хуманистичен патос* [Срв. ЦАНЕВА 1974: 116], за да кулминират впоследствие в суперлатива *най-философският ни съвременен поет*, изречен от Кирил КРЪСТЕВ 1988: 62.

От самото му налагане в литературния живот от средата на 20-те години на ХХ век, та чак до смъртта му Далчев е бил интерпретиран и проникновено, и едностранчиво. Независимо от естеството на критическите пристрастия, много стабилен се оказва моделът, отчитащ в стиховете му *безспорни заложби и ценни находки, но с видими липси*, като тези липси се търсят или в недостатъчната емоционалност и жизненост, или в прекалена, безцелна образност. Тонът се залага в един от първите отзиви за стихосбирката *Прозорец*, дело на Павел Спасов. Сравнявайки Далчев с Димитър Пантелеев, авторът остава принципно неудовлетворен от недостатъците на поезията им: *ако и двамата обичат своенравните образи, то Далчев ги разкрива с повече разум, Пантелеев с чувство. [...] За двамата може да се каже добро и лошо. По-очертан е Далчев, но изглежда за сметка на неособената си дълбочина. Най-ценното все пак остава във от естетиката.* [СПАСОВ 1927: 64]. За втория том на поета пък (*Стихотворения*, 1928) отново от лагера на *Хиперион* вече самият Иван РАДОСЛАВОВ [1928: 367] в съдържано похвален тон заключава: *Разсъдъчността е просто умъртвила поета, и ако се съди по толкова малкото заключение в тази сбирка, и то след две години мълчание може би го е умъртвила завинаги.* И ако горните два аргумента се привличат от символистически позиции, т.е. от опониращите на Далчевата естетика, то ключовата статия на Константин ГЪЛЪБОВ, който приема ролята на пръв възторжен покровител на младия поет, също посочва недостатъци у него, макар и в полето на националната духовност: *Черти от нея [българската действителност] има тук и там, ала аз бих желал да чувствам по-силно „българското“ в поезията му.* [1927: 4].

Моделът на вечните липси, постоянно загатващ за принципната непълноценност на Далчевата поезия, остава все така активен и във второто десетилетие на ХХI век, при това не само във високите критически и литературоведски сфери. За илюстрация на този факт ще си послужи с бележките на Юлиан Вучков, ток-шоу водещ от последното десетилетие, широко популярен с популистките си изказвания върху разностранни житейски сфери. В своите мемоари, издадени през 2013 г., Вучков включва шест биографично-критически портрета на български писатели, сред които попада и Далчев [ВУЧКОВ 2013: 750–756]. В текста, претендиращ да бъде строго лична оценка с мемоарен акцент, се посочват *немалко минуси* на част от творбите му: грапавост и тромавост, сухота и скучност, а към тях угнетяващо *желание на автора да лее слова за безсмислието, натежаващ битовизъм, безразличие към красотата, към естетиката от всяка гледна точка.* При това Вучков твърди, че изказва своето отношение поради *нестихващите хвалебствия*, сред които *никой не смее да отправи някакво възражение към поетическото му творчество поне частично.* Благодарение на подобни постановки, чиято стойност е именно в това

да изразяват дилетантски подход към Далчевото наследство, се установява както несломната жизненост на *модела на липсите* при Далчев, така и неприязънта към неговата елитарност и някогашно новаторство. С други думи, Далчев продължава и днес да бъде *неинституционализиран* (а според някои и идеализиран) *класик*, но *класик с уговорки* – и в литературознанието⁴, и в полето на естетски неизкушената публика.

Изглежда, че почти век след появата на Атанас Далчев в българския културен живот, единствената безспорна черта на литературното му наследство е неговата неподатливост на консенсусни оценки. Както справедливо отбелязва Димитър КАМБУРОВ [2006: 114]: *Лесен за четене, Далчев се оказва труден за интерпретиране; Далчев не ни се удава. Несъмнено най-новопризваният ни и най-жив класик, когото всички, противно на афоризма, и четат, и обсъждат, остава лишен от канонични прочити.* Като възможен изход от това професионално предизвикателство авторът на статията вижда търсенето на единно решение за лириката му, опита да се *изнамери един универсален ключ, който да отваря всичките му текстове като един, независимо от разнообразните им ключалки.* Предлагайки като такъв *иперц* вещността, Камбуров заключава [2006: 120]: *Във взаимопроникването между човек и къща, между човешка памет и вещен белег Далчевата лирика поглежда към един неочакван хуманизъм: хуманизмът на нечовешкото, на самопрекрачващото се в тревожното си общуване със света и езика човешко.*

Именно на това *самопрекрачващо се в тревожното си общуване със света и езика човешко*, или накратко *нечовешко*, е посветен настоящият текст. Но по всяка вероятност влаганите от мен измерения на човешкото, нечовешкото и хуманизма са доста различни от тези на Димитър Камбуров, както е различен и потенциалът на сполучливата му формула *напипваща лирика*, която бих заел, за да предложа друга крайна цел, към която постъпателно води Далчевата поезия. Тази цел, при цялата си трудна достъпност и недоизказаност в стиховете, при цялата условност на разчитането на Далчевата метафорика прозира достатъчно отчетливо въпреки стремежа да я назоваваме с неограничен брой неологизми и философски понятия. Става дума, разбира се, за християнския Бог – личен, никога вместим и изразим, но всякога познаваем не по същност, а по Своите действия, Творец на вещите и времето.

Да се говори за християнска същност на нечия поезия в съвременни литературоведски разработки е рисковано начинание. От една страна, литературната история демонстрира твърдо предпочитание към заключването на християнската проблематика в домодерните периоди в развоя на отделните национални традиции. Достатъчно е да хвърлим най-бегъл поглед към произволен том със заглавие *История на литературата*, за да се убедим, че този факт не се нуждае от допълнителна обосновка. На второ място, немалък риск се съдържа и в основателните обвинения, че поне от средата на XIX век духовният

⁴ Съвременни отрицателни мнения върху аспекти от Далчевото творчество вж. напр. Ефтимов 2006: 260–285; Сухиванов 2013.

живот на Европа е толкова интензифициран, че отъждествяване с християнството, колкото и обосновано да е то, просто не може да изчерпи богатството от идеи и интелектуални предизвикателства, съдържащи се в едно творчество, т.е. че християнската проблематика силно се надхвърля в рамките на всяка частна литературна продукция. Поредни аргументи в този дух могат да бъдат капсулирането и едва ли не изземването на тясно християнската проблематика от професионалните богослови, представляващи авторитетни академични теологически институти, както и самата невъзможност днес да говорим смислено върху християнската проблематика в художественото творчество, след като самата идея за някаква монолитна християнска мисъл е чиста абстракция, тъй като тази мисъл е силно диференцирана от различни школи и направления, повлияна от редица философски, догматически и национални традиции, вследствие на което би било по-продуктивно тя да се възприема като част от широката философска кръгозор, изповядван от конкретния автор. Краен аргумент срещу християнската тематика като литературоведски топос представлява тази мисловна операция, при която Богът и всички образи, традиционно разпознавани като християнски, се сведат до символи и метафори. Тогава самата християнска същност на конкретно художествено творчество може безболезнено да се интерпретира и преподава чрез философски, хуманистични, метафизически, етически категории. Изобщо ако искаш да избягаш от въпроса за християнската същност в дадено творчество, достатъчно е да наречеш неговия автор философ, хуманист, нравствен максималист или в краен случай метафизик⁵. Чрез подобен похват неутрализацията на собствено християнската проблематика се задвижва моментално, което обезпечава и намеренията без особена обосновка вместо богословска, да се потърси например постмодернистка интерпретация на даден проблем.

Още по-сложен става случаят с творци като Далчев, в чиито текстове за Бога и за християнството не се говори често – не и буквално. Оскъдни са и директните въвличания на библейски сюжети в стиховете му. Казано честно, дословните употреби на понятия от традиционния църковен и богословски регистър са количествено пренебрежими. Означава ли това, че търсенето на християнска проблематика като главен компонент от художествените послания на Далчев е неоснователно? При всичко това следва да помним, че самият автор е избягвал да засяга пряко християнската тематика в своите статии,

⁵ Интересно е например, че дори когато опитва самокритика на ранната си агресия срещу Далчев, Пантелей ЗАРЕВ обосновава тази маневра с недовидяни етически принципи у поета: ... *Такива позиции има Далчев. Те са позасилени в нашите оценки от ония години, когато не се вглеждахме достатъчно [...] във всички морални стойности, които носи поезията му.* [1978: 610]. От критиците на социалистическата епоха философско-метафизическата тема при Далчев най-силно засяга Розалия ЛИКОВА, срв. напр. *Но неговото отношение към предметния свят [...] се движеше към неразрешими метафизични въпроси. На една метафизична духовна основа изникват проблемите за живота и смъртта...* [1979: 273].

в публичните и дори в частните си изказвания. За сметка на това още от дебюта си като поет и критик той отчетливо се концентрира върху етически проблеми, включително в критиката и в самата поезия, а и цялостният културен контекст между войните не се характеризира с особен интерес към християнските измерения на българския цивилизационен път. Важно е също да подчертаем, че философските възгледи и увлечения не заместват религиозния светоглед, а представляват отделен сегмент от съзнателната дейност.

Въпреки всички обосновани и неоснователни рискове, тази студия настоява върху легитимността на прочит, според който поезията на Атанас Далчев, при това разглеждана в цялост, може да бъде обяснена като израз на задълбочено християнско светоусещане и като отправяща същностни християнски послания. Четенето ѝ през формално-естетически критерии като антисимволизма или вещността остава обречено на фрагментарност. Възприемането ѝ през призмата на философското е силно изкушаващо, но също не носи удовлетворение, доколкото е невъзможно да съотнесем достатъчно аргументирано посланията в Далчевото творчество към която и да било философска школа⁶. При това ако в миналото определението поет-философ е изглеждало наситено с конкретен историко-литературен смисъл и следователно оправдано, днешната му употреба не казва много повече от това, че даден творец демонстрира особено широка ерудиция или че внася метафизическа проблематика в тревожното ежедневи⁷. В този смисъл опитът Далчевото творчество да се представи през призмата на една християнска ценностна система изхожда от убеждението, че такъв ракурс е в състояние да назове същностните идеи в лириката и Фрагментите, да коментира отношенията между човека, света и Абсолюта, извеждайки единния характер на посланията в тях. Струва ми се, че точно такъв ракурс може да предложи удовлетворително обяснение на характерната парадоксалност и антиномичност, която Далчев използва. Но избирайки такъв подстъп, следва прецизно да изясня какво в този текст разбирам под *християнски светоглед* и какво няма да му приписвам.

⁶ Относно противоречивостта на самото понятие *философска лирика* продължават да са остро актуални бележките на Н. ГЕОРГИЕВ в разделите *Лириката и човекът* и *Лириката и логиката* на книгата му *Анализ на лирическата творба* [I изд.: С., 1985]. Конкретно спрямо Далчев подкрепям определенията на Бисера Дакова за *наукообразност* в поезията му, както и цялостната теза: *Несъмнената "философичност" на Далчевата поезия, нейните източници и стимули (с изключение на моделиращото влияние на Кроче, формирало отделен клон в далчевознанието) остава някак си смътна, априорно подхвърляна теза без особена аргументация.* [ДАКОВА 2006: 40–41].

⁷ Убеден съм, че точно такава – да акцентира върху необикновената културна широта – е била мотивацията на Дора Колева да озаглави проникновената си книга *Атанас Далчев – поетът философ* [КОЛЕВА 2014], в която пространно изследва интелектуалните влияния и източниците на творчески вдъхновения за твореца.

Християнският светоглед

Призивите за търсене на цялостност в Далчевите творчески послания, за изясняването на неговия светоглед всъщност се появяват твърде късно в българския културен живот. По свидетелството на Дора КОЛЕВА, *редица изследвания отбелязват, но само констативно, широката култура на Далчев, подхранвала творческите му инвенции* [2014: 7]. Нейната реконструкция на този литературоведски сюжет насочва към началото на 80-те години, когато Атанас Илиев отбелязва, че в критическите разработки въпросът за мирогледа, отразен в Далчевата поезия, е останал *почти незасегнат* [КОЛЕВА 2014: 6; срв. ИЛИЕВ 1981: 116]. След политическите промени тази липса се попълва от два текста на Димитър АВРАМОВ [2011a, 2011b], които обаче издават тенденцията *мирогледните* въпроси за Далчев да се концентрират почти изцяло върху полето на естетиката. Сред забележителните изключения в това отношение са статиите на Едвин СУГАРЕВ *Далчев, самотата и светът* [2004] и на Бисера ДАКОВА *Дадено и действително в поезията на Атанас Далчев* [2006]. В първия за *просветление* се възприема *съзнанието за святата цялост на света*, при което „*няма йерархии*“, *няма висше и нисше, няма тленно и трансцендентално*. Във втория се доказва наличието на ремкеански постулати у поета, главно чрез влиянието на преподавателя му от Университета Димитър Михалчев. При все това остава очевидно, че философските концепции могат да подскажат много нишки към Далчевото творчество, но не могат да удовлетворят домогванията до фундаменталните въпроси, които това творчество разглежда и по своему разрешава. Не могат да изчерпят Далчевия светоглед, който се наемам да твърдя, че е преди всичко *християнски*.

Християнското светоусещане не представлява нито набор от философски възгледи, нито указва някакви характерологични особености на своя притежател. Носителят на такова светоотношение може да изповядва различни философски концепции, да бъде застъпник на различни естетически възгледи, както и да се води от различни етически принципи, стига неговите убеждения да остават съзвучни с постулатите на вярата. А последните, трябва дебело да подчертая, не засягат пряко и поради това не могат да се свеждат безапелационно нито до философията, нито до естетически въпроси, нито дори до зоната на етиката.

Първият член на това понятие съвсем естествено изисква изповядване на християнската вяра. Нейни фундаменти са личният троичен Бог, Творец на всичко видимо и невидимо, тварният човек и вярата, че единствен Иисус е Христос, сиреч Спасителят на света. От позициите на съвременни литературоведи, сведущи в полисемията, знаковостта и генералната манипулативност на езика, обаче е нужно безусловно да приемем, че за определящия себе си като вярващ християнин Бог не е идея, та ако ще и най-възвишената; не е концепт, не е архетип – Той Е, така както и Христос не е метафора, а действителен човек и действителен Бог.

Вторият член на разглежданото тук понятие позволява християнските убеждения в тяхната съзвучна съвкупност да бъдат прилагани именно в цялостност и непротиворечивост във винаги конкретната (защото е винаги хронологично обусловена) действителност. Именно *свето*-гледното естество на християнския поглед предполага, на първо място, винаги сериозно и трезво отношение към този свят, защото той е действителен, а протичащото в него време му осигурява необратимост. На второ място, отношението към света е цялостно, т.е. с претенции да осмисля абсолютно всички аспекти на индивидуалната дейност. Перспективата на спасението призовава съзиране на тварността на всичко, достъпно за сетивата и ума, а там, където умът достига до убеждението за своята немощ – и съзиране на нетварния и винаги личен Абсолют, което съзиране е реална възможност, но единствено чрез помощ свише. С други думи, светът е безвъзвратен, но възвратим. Точката на помириенето, каквато именно представлява спасението, е моментът на възвръщането на света към неговия Създател или другояче казано – на връщането в света на неговия Създател, след което *този свят* ще престане да съществува, защото ще бъде *същностно* изменен (Откр. 21:1).

Ако така разбираната вяра възстановява връзката на човека с Бога и света, християнският светоглед се оказва доказателство за нейната действеност и непреходна актуалност в конкретни исторически условия. Вярващият знае, че обитава един несъвършен, повреден свят, но в същото време той може *реално* да общува с Бога. Благодарение на това позабравено цивилизационно достижение на християнството можем спокойно да твърдим, че вярващият съвсем буквално е на Ти с Абсолюта [Срв. КУРАЕВ 2012: 7–13]. Същевременно двойствената положеност на човека – в сътвореното битие и във възможността за общение с Бога – го предопределя и за своеобразна двойствена перспектива на неговата дейност: всяко нещо, намиращо се в материалния свят, да се вижда в светлината на спасението, да се мисли в неговия потенциал да бъде *осветено*, както и обратното – това абсолютно лично битие, християнският Бог, да бъде призовавано като постоянно *освещаващо*, възстановяващо повреденото битие до неговата неповредена същност. Казано най-кратко, вярващият мисли себе си като не просто *възстановяващ* изгубени връзки с Бога и света, но и като *живеещ* тези връзки; сам по себе си той е абсолютно несамодостатъчен, както абсолютно несамодостатъчен е и светът, който обитава.

Описаните току-що белези на християнското светоусещане няма да са адекватни, ако не си дадем сметка и за *световете*, които то органично включва в ползването си. Този аспект е особено важен за интерпретирането на всяко християнско по дух творчество, боравещо с антиномични представи за живота, и конкретно за Далчевата поезия. В специфичния светоглед на вярващия следва да открием четири обособени *свята*, четири сфери на тварното битие, които са тясно свързани помежду си и все пак са строго разграничени:

– настоящият свят, подвластен на греха и тлението. Есхатологичната точка на този свят е неговото *преминаване*, абсолютното му преобразяване (Откр. 21:1) и чрез това съединение със

– света, обитаем от възхваляващите Бога твари (ангели и хора). В него Бог е *всичко у всички* (1 Кор. 15:28)⁸;

– човешкият свят преди грехопадението (населяван от прародителите). Това е свят, създаден за царстващата роля на човека и за нетление (Прем. 2:23), в който всичко е *твърде добро* (Бит. 1:31), но чиято съдба е оставена във волята на човека, пред когото тепърва ще се яви изпитание;

– демоничният свят, населяван от противниците на Създателя. Както човекът остава в настоящия свят, но може още приживе да общува с Бога и ангелите, така той може да общува и с тъмните духове, да *живее* пъкляла още преди физическата смърт. Това обиталище (*шеол, ада*), образно представяно като *външна тъмнина на плач и скърцане със зъби* (Мат. 22:13; 25:30), *геена огнена* (Мат. 5:29), *огън вечний* (Мат. 25:41), *вечна мъка* (Мат. 25:46) не се конкретизира обезателно чрез определено място⁹, но неизменно означава отделеност от Бога. При това то е реално, както са реални и бесовете. Подчертавам обаче, че християнският светоглед не може да приеме под никаква форма отъждествяване на ада с настоящия свят; ето защо за вярващия максимата *Адът, това са другите* не стряска със своята полемичност, а с *леко-верието* си: християнският светоглед е още по-песимистичен от Сартр, защото за него и най-отвратителният човек е по-поносим от духовете на злобата.

Според така описаните основни черти на християнското световъзприемане, които в никакъв случай не могат да заключат същността му в строги правила, категорията *християнски светоглед* е нужна не просто заради отграничаването ѝ от други мисловни нагласи (езически, фолклорни, национално обусловени и пр.), но преди всичко за предпазване на изследователя от опростителската схема, според която да си религиозен е специфика, засягаща съкровена, априорно частна сфера от човешкия живот и нямаща основание да се проявява в публичните или светогледните измерения на човешката дейност. Игнорирането на християнската проблематика в модерния социален и литературоведски дискурс, свеждането ѝ до някакви частни, технически отношения на човека с Бога, уреждащи по едва ли не ритуално-правен ред въпросите за спасението и успокоението на съвестта или свеждането ѝ до изцяло етически въпроси, може да работи добре в законодателната сфера, но категорично не изразява значимостта и функциите на светогледа. Християнското светоусещане е цялостна система, която има претенции да обгръща абсолютно всички измерения на съзнателното човешко присъствие в света, и като такава то притежава далекообхватни проявления и в изкуството.

Позволих си това разграничаване на *световете*, които можем да обособим в светогледната система на вярващия човек, с главната цел да задам хоризонт на очакване, в който може да се интерпретират антиномичните конструкции

⁸ Всички библейски цитати подавам по синодалното издание Библия 2010.

⁹ Синтезирайки библейските споменавания на рая и ада, Георгиос МЕТАЛИНОС [2009] говори за *състояния (начини), които извират от един и същ нетварен Извор и се преживяват като два различни опита*.

у Далчев. Струва ми се, че приемайки такъв ключ към поезията му, можем обосновамо и без вътрешна съпротива да се откажем от назоваването на неговите парадоксални твърдения като антиномии и да погледнем на тях през призмата на тяхната безспорна валидност, при условие че ги съотнесем към съответната реалност, която назовават. Типичен пример е *Камък с вечно и свето е само мъртвото / живото живее в грях*¹⁰, където – ако четем буквално – би се оказало, че в *грях* живее и природата (понеже и хора, и дървета *остаряват*), а всичко клони към неподвижността на неумолимата смърт. Едва перспективата на спасението обаче би разкрила жизнеутвърдителната надежда, която е в пълна противоположност с буквалния прочит на текста – тъкмо защото съществува възможността за премахване на греха, *живото*, което продължава да *живее*, има потенциала да се освободи от закона на тлението.

В търсенето на фундаменталните послания в Далчевото творчество обаче аз бих отишъл още по-далеч, като припиша на неговия християнски светоглед още по-конкретни черти. Имам предвид белезите на източнохристиянската духовност, днес отъждествявана предимно с православната ценностна и догматическа система и най-вече с отличителните черти на византийската богословска интуиция, които в контекста на XX век чертаят редица отлики от творчеството на автори от Западна Европа и Америка, възприемано също като християнско.

На първо място, именно на източнохристиянската сетивност се приписва историческа устойчивост във възприемането на грехопадналия свят като увреден и всепроникнат от болестта на греха. Затова и акцентът в призоваването на Христос е много повече като към Лекар, отколкото като Съдник. Образът на Логоса като Лекар и Учител може да бъде проследен до корените на патристичната традиция¹¹. Съответно църквата ще бъде свързвана с представата за *болница*, *лечебница*, а мисленето на греха като *болест* вследствие самоволното отдалечаване от Бога изтласква на заден план неговото разглеждане като закононарушение, престъпление с юридически последствия¹².

Заразата на греха се разпростира с пълна сила и върху цялата човешка природа, включително върху познавателните способности. Затова и източната сетивност – и това е вторият неин съществен белег – никога няма да приема разума като самодостатъчен извор на познание. Рационализмът, основаващ се на една предзададена дарба на човека да постига адекватно знание за земния свят и за Бога, е окончателно отречен от православната традиция чрез *Триадите* на Григорий Палама, насочени срещу Варлаам Калабриец и неговите последователи¹³.

¹⁰ Всички цитати от Далчев са по изданието на събраните му съчинения [ДАЛЧЕВ 1984].

¹¹ Срещаме го още в съчинението *Педагог* (кн. I, гл. 1) на Климент Александрийски († ок. 215).

¹² Срв. напр. термините *culpa* (чл. 1849) и *offensa* (чл. 1850) при определянето за грях в Катехизиса на Католическата църква от 1992 г. [КАТЕХИЗИС 2002: 532].

¹³ Цялостен коментар на последствията от варлаамитските спорове, въпреки радикализираните заключения, вж. ЛОСЕВ 1993: 865–871.

Тук приемам за необходимо да въведа допълнително пояснение към проблема за отношението на православната духовна традиция към рационализма. Източнохристиянският светоглед по никакъв начин не отрича познавателния потенциал на разума, но за сметка на чисто интелектуалните усилия утвърждава т. нар. *синергия* – *съ-работничество* между човека и благодатта, според което за спасението, изискващо разумни усилия на индивида, е неизменно необходима активността на двете страни¹⁴. Оттук и постоянното недоверие на православната култура към безблагодатното философстване и рационализъм¹⁵, както и на Далчевия лирически човек към сухата мъдрост на *книгите*.

Така вместо към обособени сфери на разума и чувствата усетът на източнохристиянската традиция насочва към възприемане на човека като *цялостно* същество, откъдето и огромният акцент върху понятия като *синергия* и *трезвение*, означаващи именно *цялостното* съсредоточаване на телесните и духовните сетива към познанието на Твореца и сътворения свят. Следователно като трети отличителен белег на източнохристиянското светоусещане, видим в творчеството на Далчев, бих открил отказа от строги разграничения между тяло и душа¹⁶, свещено и профанно, светско и църковно, разум и емоции¹⁷, доколкото стремежът към спасение се основава на надеждата за цялостно благодатно просветление на творението: *Централната тема, или интуицията, на византийското богословие е, че човешката природа не е статично, „затворено“, автономно цяло, а динамична реалност, определена в самото си съществуване от отношението си с Бога. Това отношение се разглежда като процес на издигане и като причастие (общуване) – човек, създаден по образа на Бога, е призван свободно да постигне „богоподобие“.* Неговото отношение

¹⁴ По заключението на Й. Майендорф [2014]: ... *цялото участие в Неговото битие остава дар и благодат, а човешкият отговор може да бъде само благодарение или съ-работничество (синергия), но никога „притежание“ или „заслуга“.*

¹⁵ Вж. главата *Противопоставяне на светската философия* [Майендорф 1995: 96–97]. Сrv. с други обобщения на същия: ... *византийското богословие разкрива един и същ възглед за човека, призван да „познае“ Бога [...] не просто чрез някакво външно действие на Бога или чрез рационалното познание на предустановени истини, а като „стане Бог“.* [1995: 11]; ... *доколкото обожението „в Христа“ не е учение, сводимо до рационални категории, то е най-добре изразено от тези, които го преживяват опитно. Като цяло византийското християнство повече от латинския Запад се доверява на своите светци и на пророците като авторитети в полето на богословието.* [2007: 40].

¹⁶ По думите на митр. Калистос Уеър: *В действителност, платоническото деление на тяло и душа няма място в християнската традиция. Библията разглежда човешката личност в холистични категории и въпреки значителното влияние на платонизма, тази цялостна гледна точка получава непрекъснато потвърждение в гръцкото християнство.* [прев. м. – КР: WARE 2011: 71].

¹⁷ ... *всеки път, когато споменава „сърцето“, авторът [Макарий Египетски] просто иска да обозначи вътрешната личност на човека, „Азът“ в най-голямата му дълбочина. Така или иначе, „сърцето“ никога не означава само емоционалната страна на човека, както това понякога става на Запад.* [Майендорф 1995: 91].

с Бога е едновременно даденост и задача, непосредствено изживяване и очакване за още по-велико видение, което може да се постигне в свободното усилие на любовта. Динамизмът на византийската антропология лесно може да се противопостави на статичните категории „природа“ и „благодат“, които преобладават в мисълта на Западното християнство след Августин. [МАЙЕНДОРФ 1995: 10].

Така формулираните белези на източнохристиянска сетивност показват, че черти на Далчевата поезия, вече интерпретирани в българското литературознание през призмата на различни философски концепции, всъщност се коренят в много по-дълбоки мисловни традиции. Успоредяването на отделни идеи на българския поет с концепции, забелязвани например у Паскал, Хьолдерлин, Киркегор, Ремке, Рилке, Сартр, безспорно спомага разкриването на широки европейски хоризонти в творчеството му. Ако обаче за сметка на изкушаващите¹⁸ философски контексти пренебрегнем същностните християнски измерения в поезията и Фрагментите му, едва ли ще се доближим до удовлетворителното обяснение на това, което усещаме дълбоко, но което непрекъснато ни се изпълзва, а именно Далчевата уникалност. Няма как обаче да бъде другояче, след като самата национална културна традиция от края на XIX век насетне, в това число и пристрастията на родното литературознание, е настроена на други интелектуални вълни.

Християнските послания в Далчевата лирика

Търсейки християнско светоусещане, а не отделни мотиви или образи с религиозно съдържание у Далчев, се изправяме пред задачата да се конкретизира какви концепции изразяват отделните стихотворения и кои текстове можем да приемем за безспорни носители на християнски светоглед. Тук почти напълно подминавам ранните текстове от сборника *Мост* (1923), защото те онагледяват процес, безупречно формулиран от Михаил НЕДЕЛЧЕВ: ... *религиозните теми и мотиви при поредицата първоначални преработки на стихотворения и цялостни стихосбирки се редуцират, някак скриват...* [2006: 11], което всъщност води до значим художествен ефект: *В зрелия си вид, след преработки и преподреждане, поезията на Атанас Далчев носи религиозната проблематика в мощния ѝ драматизъм и с многообразието на една жива диалектика* [2006: 25]. Най-значими за християнски прочит на Далчев са именно зрелите му текстове – тези, които до момента са били частично или напълно подминавани като изразяващи религиозно светоусещане.

Още дебютната стихосбирка на Далчев съдържа няколко творби с ключови християнски послания. *Болница* например разкрива неумолимия закон

¹⁸ Едно от последствията на тези изкушения е притеглянето на Далчевата рецепция към западноевропейската традиция и с това заличаването на идейната приемственост в националния културен развой.

на смъртта в лечебница без лекар, като имаме всички основания да претендираме за алегоричен¹⁹ изказ: светът като болница за всички, като Христос е липсващият (защото е непожелан от умиращите) божествен лекар. Алегоризъм можем да приемем и в *Къщата*. Мрачната образност там е провокирала различни интерпретации, затова е основателно да зададем въпроса защо произведението не е било анализирано чрез евангелската притча за човешкото тяло (и човека като цяло) като къща и за демоните като негови нежелани гости (Мат. 12:43–45; Лук. 11:24–26)? Такава алегория ще съдържа в себе си и *нощните кучета* като нечисти духове, отварянето и затварянето на вратата като знаци за идването на демоните, както и *спящия мрак* като метафора на душевната пустота. В такава перспектива последните стихове от *Къщата* могат да бъдат безпроблемно разчетени като осъзнаване на личната смъртност от страна на *наемателя* и приемане на тържеството на смъртта без надежда за спасение.

Показателно е също, че стихотворението *Старите моми* е било разглеждано чрез асоциации с мойрите-предачки [ХАДЖИКОСЕВ 1994: 115] и чрез конфликтността *между духовната същност и нейното отхвърляне* [СТОЯНОВ 1997: 80], но образите на момите и жениха, идеите за отхвърлеността на героините и напрегнатото очакване са видени като алегория на притчата за девиците и младоженеца (Мат. 25:1–13) само в един български критически текст [АНГЕЛОВА 2007: 105–119]. А именно този алегоричен прочит задълбочава посланията на Далчевата творба с причините за страданието на жените: след като са пропуснали срещата с Жениха, старите моми могат да очакват единствено идването на *последния жених* – смъртта като край на обезсмисления им труд и грижи.

Пропускът да четем Далчев през християнски алегории пресича пътя пред разностранни послания в стихотворения като ранното *Проказан* (сабията и кавалът като българизирани алюзии за цяря и псалмопевеца Давид, автор на поетически образци за човешката богооставеност), *Книгите* (опозицията *Книгата на живота* – книгите на самотата, водещи до *изгубване на живота и света*), *Грешният квартал* (алегорията за съвременен Содом е предложена за първи път от Санте ГРАЧОТИ [1982: 19]), *Художникът и вятърът* (копнежът към улавяне на вечното и неуловимото, насочващ към разговора на пророк Илия с Бога: 3 Царств. 19:11–12).

Друг път към християнско светоусещане у Далчев предлагат милостта и прошката като основополагащи цялостно преобразяване на личността и света (отново *Грешният квартал*, *Дяволско*) в противовес на бездействието и безразличието (*И сърцето най-сетне умира*). В този контекст може да бъде раз-

¹⁹ Тук в понятието *алегория* не влагам идеята за предзададен интерпретационен ключ, свеждащ ролята на читателя до регистриране на паралели между образа и означаваната от него идея в цялата ѝ първична еднозначност. Обратно: прилагам термина като похват, който *насочва* към утвърден културен символ или идеи, без това по никакъв начин да изчерпва съдържателността на използвания художествен образ.

четен и късният текст *Към родината*, където не друго, а именно *състраданието*, отъждествяването с чуждата мъка и унижение се оказват най-силното доказателство за патриотизъм.

Специален акцент при Далчев заслужават и стихотворения, които открояват липсата на действена, пълноценна *любов* като причина за изгубената връзка между човека, ближните и вещния свят (*Повест, Съдба, Любов, Есен на Ке Волтер, Носачи на реклама, На заминаване*). Обратно – в мига, в който се осъзнава присъствието на любов (истинското чудо при Далчев), макар в най-дребни ситуации, битието отново се изпълва със смисъл и топлина (*Нищият духом, Балконът, Пролет, Работник, Завръщане, Огледало, Задните дворове, Среца на гарата, Мадригал*). Вариация на последния мотив е идеята за връщането към простотата и детската невинност като залог за пълноценен живот (*Молитва, Синеокото момче*).

Далчев има и текстове, които – разбира се, чрез метафорика, специфична поетическа логика и немалко ирония – изразяват догматически истини на християнската вяра. Така например *Метафизически сонет* настоява върху неделимата цялостност на човека, като и монологът към душата, и самата жанрова форма съдържат явна ирония към използвания още в средните векове мотив от западноевропейските литератури за разрива (разкрит и чрез преки диалози [Вж. напр. полския АНОНИМ 2014: 24–37]) между душата и тялото. На свой ред *Камък* може да бъде четен в перспектива, извеждаща парадокса *живото живее в грях* като потвърждение на смъртността в този свят – следствие на греха и обричаща на греховност, а творението не носи утеха със своето привидно съвършенство. В последната строфа на *Вечер* (стихосбирката *Париж*) чрез реторичен въпрос се напомня, че тварните същества (били те хора или ангели) са по природа ограничени във времето и пространството²⁰, а желанието за надмогване на собствената природа всъщност води буквално до нищото (*докле изчезнем най-подир съвсем*). В *Човек бе сътворен от кал* чрез ирония се потвърждават тварността на вселената и изначалната непроникнатост на душата от злото (*беззлюбното сърце*); при това злото не е безличен принцип на битието, а плод на свободна воля.

Съдържайки част от горните концепции, *Ангелът на Шартър* се оказва много по-разностранен текст по отношение на християнската проблематика у Далчев²¹, доколкото проблематизира емблематичната фигура от катедралата единствено като материален символ или същевременно като указваща отвъдна същност. Смирената жизнерадост в творбата обаче води до заключението, че без формата на ангела няма как да се стигне до мисълта за небесното създание,

²⁰Срв. Алипий–Поликарп 2003: 238–239.

²¹Тази теза полемизира с възгледа на Симеон ХАДЖИКОСЕВ [1982: 122], според когото няма възможност за религиозна интерпретация на стихотворението.

а без духовното му съдържание той не би бил нещо повече от статуя-пътепоказател в здрача²². С други думи, текстът настоява върху непрестанната връзка с отвъдния свят като залог за пълноценност на земния.

Представените дотук наблюдения позволяват като изходна точка при реконструиране на светогледните позиции в лириката на Атанас Далчев да бъде положена концепцията за безвъзвратно разпадащия се свят. На разложение са подвластни и човекът, и обединителните социални и етически лозунги на века, и самата материя, като това не е валидно само за ранните Далчеви стихосбирки. Сред такава действителност субектът непрестанно усеща своята самотност. Пустотата на физическото и душевното пространство ражда копнеж по възстановяване на връзките с околните и света, без които животът на самия индивид се осъзнава като *глух и пуст*. Този копнеж е осъзнат като предварително провален, но остава наличен заради идеалите, от чиято меродавност Азът не може да се освободи – да бъдеш *брат* за Другия, да изпиташ поне *една любов*, да съпреживееш *страданието*. В редките мигове, когато тези идеали добиват реални измерения у лирическият човек, те биват окачествявани буквално като *чудо*, макар за външния поглед да остават не повече от *безсмисленост щастлива*. Смъртта е естествен завършек на всяко житейско усилие, но дръзвациите да провиждат отвъд нея и отвъд измамната самодостатъчност на материята се въоръжават с ново отношение към настоящето, чието следствие е именно алтернатива на усещането за тоталното заличаване на битието.

Трудностите към християнски прочит на Далчевата поезия произтичат преди всичко от това, че в нея почти изцяло липсват преки назовавания на Бога. Липва и христологичната перспектива като белег за модерно християнско творчество²³. Изяснявайки въпроса за тези крещящи липси, трябва да си дадем сметка за епохата и средата, в която пише Далчев – българската интелигенция след Първата световна война, която в домогванията си към европоцентричен подем на националната култура е обръгнала на камбанен звън, ангелски крила, вейки от маслина и вечни образци. Като контрапункт на такъв словесен регистър у Далчев срещаме автомобили, публични домове, комоди и балкони. Но от това съвсем не следва, че Далчевата поезия се изолира от метафизичните хоризонти. Тя прави нещо много по-новаторско: отнася се с уважение към читателя, като му предоставя шанса да избере такава тълкувателна перспектива, каквато съответства на собствената му ерудиция и интуиции.

Надявам се, че настоящият текст не само обосновава християнския прочит на Далчевата поезия, но и възможността тя да се подложи на цялостна интерпретация в светлината на християнския светоглед на своя автор. А дали подобен прочит би намерил признание в родното литературознание, това зависи

²² Сrv. РИКЕВ 2014: 155.

²³ Сrv. МИХАЙЛОВ 2007: 53–59; МИХАЙЛОВ 2016: 6.

както от силата на научните аргументи, така и от волята за допускане на християнски контекст в осмислянето на модерната национална култура.

Библиография²⁴

- МОЖЕЈКО 1986: Mozejko E., The Poetry of Atanas Dalchev // Gustavsson, S. et al. (ed.), Proceedings of the Second Bulgaro-Scandinavian Symposium. Held at Kungälv, 9–15 August 1982, Uppsala Slavic Papers, 1986/13(1): 85–96.
- WARE 2011: Ware K., Tam skarb twój, gdzie serce twoje..., Lublin: Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska i Fundacja Dialog Narodów.
- АВРАМОВ 2011a: Аврамов Д., Атанас Далчев. Мирогледно-естетически аспекти // Аврамов Д., Литература и изкуство. Мирогледно-естетически контексти, София: ИЦ Боян Пенев: 402–427.
- АВРАМОВ 2011b: Аврамов Д., Светогледът като екзистенциална необходимост – Атанас Далчев // Аврамов Д., Литература и изкуство. Мирогледно-естетически контексти, София: ИЦ Боян Пенев: 428–457.
- АЛИПИЙ–ПОЛИКАРП 2003: Алипий (архим.), Поликарп (архим.), Догматическо богословие. Курс от лекции, Св. Гора Атон: Св. вмчк Георги Зограф.
- АНГЕЛОВА 2007: Ангелова С., Старите моми // Ангелова С. Вратите. Интерпретации върху религиозната поезия на Атанас Далчев, Враца: Одри: 105–119.
- АНОНИМ 2014: Аноним, Разговор на майстор Поликарп със Смъртта // Риков Камен, Два зубъра и муза. Полската литература XV–XVIII век – епохи, автори, текстове. София: Балкани. 24–37.
- БИБЛИЯ 2010: Библия сиреч книгите на Священото Писание на Ветхия и Новия Завет. София: Изд. Св. Синод на БПЦ, 2010.
- ВУЧКОВ 2013: Вучков Ю., България преди, днес и утре. Мемоарна история на страната 1944–2013, София: Свурия България.
- ГЕОРГИЕВ 1985: Георгиев Н., Анализ на лирическата творба, С.: НП (1 изд.); електронно изд.: Варна, 2003: <http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/analiz/index.html>.
- ГЕОРГИЕВ 2001: Георгиев Н., Ново похвално слово за глупостта // Георгиев Н., Мнения и съмнения. (По дирите на едно литературоведско чергарство). II изд. – Варна: http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/m_s/pohvalno.htm.
- ГРАЧОТИ 1982: Грачоти С., Поезията на Атанас Далчев // Литературна мисъл, 1982/2: 18–25.
- ГЪЛЪБОВ 1927: Гълъбов К., Атанас Далчев. Литературен портрет // Изток, 1927/53 (22.01.1927): 2–4.
- ДАКОВА 2006: Дакова Б., Дадено и действително в поезията на Атанас Далчев // Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев, София: НБУ: 39–47; същото в: LiterNet, 2007/4(89): http://liternet.bg/publish/bdakova/a_dalchev.htm.
- ДАЛЧЕВ 1984: Далчев А., Съчинения в два тома. Том първи. Поезия, София: БП.
- ЕФТИМОВ 2006: Ефтимов Й., Ликантропия и призраци: Идеологията и късният Далчев // Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев. София: НБУ: 260–285.
- ЗАРЕВ 1945: Зарев П., Субективизъм и реализъм в поезията // Литературен фронт, 1945/30 (24.05.1945): 3–5.

²⁴ Достъп до всички интернет източници: 31.05.2016.

- ЗАРЕВ 1978: Зарев П., Атанас Далчев // Зарев П., Панорама на българската литература. Т. III. София: НИ: 607–620.
- ИГОВ 2000: Игов С., Българската литература XX век. От Алеко Константинов до Атанас Далчев, София: Бенида.
- ИЛИЕВ 1981: Илиев А., Спомени, София: БП.
- КАМБУРОВ 2006: Камбуров Д., (С)вещите на Далчев. Вещите вещи // Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев. София: НБУ: 114–120; същото в: Вачева А. et al. (съст.), Култура и критика, Ч. IV: Идеологията – начин на употреба, Варна, 2004–2006: <http://liternet.bg/publish3/dkamburov/dalchev.htm>.
- КАТЕХИЗИС 2002: Катехизис на Католическата Църква, София: Католическа Църква в България.
- КОЛЕВА 2014: Колева Д., Атанас Далчев – поетът философ, Пловдив: Жанет 45.
- КРЪСТЕВ 1988: Кръстев К., Спомени за културния живот между двете световни войни, София: БП.
- КУРАЕВ 2012: Кураев А., Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир? (7. изд.), М.: Никея.
- КУРТАШЕВА 2006: Курташева Б., Далчев: приближавания [предговор] // Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев. С.: НБУ: 5–8.
- ЛИКОВА 1979: Ликова Р., История на българската литература – поети на 20-те години, София: НИ.
- ЛОСЕВ 1993: Лосев А. Ф., Очерки античного символизма и мифологии, М.: Мысль.
- МАЙЕНДОРФ 1995: Майендорф Й., Византийско богословие. Исторически насоки и догматически теми. София: Гал-Ико.
- МАЙЕНДОРФ 2007: Майендорф Й., Византийската църква // Майендорф Й., Византийската църква между небето и земята, София: Гълъб, 11–50.
- МАЙЕНДОРФ 2014: Майендорф Й., Христологията в късна Византия [последна глава от книгата „Christ in Eastern Christian Thought“, Crestwood, NY: St. Vladimir’s Seminary Press: 1975: 193–207], прев. Б. Маринов: <http://dveri.bg/9xqy9>.
- МАТЕЕВ 1945: Матеев Пантелей, Бележки върху „Бележките“ на Атанас Далчев. // Литературен фронт, 1945/51 (3.11.).
- МЕТАЛИНОС 2009: Металинос Г., Рай и ад, прев. К. Константинов // Живо Предание (образи на съвременното православно богословие): <http://dveri.bg/w6u>.
- МИХАЙЛОВ 2007: Михайлов К., Съвременната православна поезия // Михайлов К., Християнство и идентичност, София: Нов човек: 53–59.
- МИХАЙЛОВ 2016: Михайлов К., Събрани около Христос [предговор] // Михайлов К. (съст.), Небе за земята. Българска християнска лирика. Антология, София: Покров Богородичен: 5–10.
- МОЖЕЙКО 2009: Можейко Е., Социалистическият реализъм. Теория, развитие, упадък, София: УИ „Св. Климент Охридски“.
- НЕДЕЛЧЕВ 2006: Неделчев М., „Молитвите на устните горят“. Образи на религиозното у Атанас Далчев – отрицания и осъществявания // Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев. С.: НБУ: 11–25.
- НЕДКОВ 1984: Недков З., Лирическите книги на Атанас Далчев и неговата творческа съдба. // Далчев А., Съчинения в два тома, т. I. Поезия, С.: БП, 310–321.

- РАДОСЛАВОВ 1928: Радославов И., Атанас Далчев. Стихотворения. София, 1928. // Хи-периион, 1928/8: 367.
- РИКЕВ 2014: Риков К., Ангелът на Шартър – между камъка и мистиката // Алманах „Извор“, 2014/21: 152–157.
- СПАСОВ 1927: Спасов П., 1926 година. Бегъл поглед върху литературния живот. // Хи-периион, 1927/1–2: 63–68.
- СТОИЧКОВА 2006: Стоичкова Н., Критическата рецепция на Атанас Далчев през тоталитарния период. Подписи, помествания, предписания, подмени// Неделчев М. et al. (съст.), Да четем Далчев. Сборник от научна конференция по случай 100 години от рождението на Атанас Далчев. С.: НБУ: 245–259.
- СТОЯНОВ 1997: Стоянов В., „Старите моми“, или безсмъртието на старостта. // Български език и литература, 1997/5–6: 77–80.
- СУГАРЕВ 2004: Сугарев Е., Далчев, самотата и светът // Култура, 2004/28 (2.07.2004): <http://www.kultura.bg/bg/article/view/9968>.
- СУХИВАНОВ 2013: Сухиванов И., Далчев – метафизик/а на неразбирането // LiterNet, 2013/2(159), 26.02.2013: <http://litenet.bg/publish2/isuhivanov/dalchev.htm>.
- ХАДЖИКОСЕВ 1982: Хаджикосев С., „Ангелът на Шартър“ от Далчев и „Ангелът на Юга“ от Рилке // Хаджикосев С., Отблизо и отдалеч, С.: БП: 117–128.
- ХАДЖИКОСЕВ 1994: Хаджикосев С., „Който търси съвършенство...“ // Хаджикосев С., Класическо, т.е. съвременно, С.: УИ „Св. Климент Охридски“: 110–120.
- ЦАНЕВА 1974: Цанева М., Атанас Далчев // Цанева М., Петима поети, С.: БП, 1974, 81–116; също в: Далчев А., Съчинения в два тома, т. I, Поезия, С.: БП, 1984: 5–27.
- ШМЕМАН 2009: Шмеман А., Историческият път на Православието, София: Омофор.

Abstract

The Christian Worldview in Atanas Dalchev's Poetry

The paper offers an interpretative approach to Atanas Dalchev's poetry that reveals not only a range of religious symbols and motifs, but, above all, the author's general Christian worldview. It gives a brief account of critical assessments of Dalchev's works, the author's definition of Christian worldview in modern arts and an overview of the most notable Christian concepts in Dalchev's poems. The paper's basic conclusion is that the poetical works of Atanas Dalchev allow the reconstruction of a worldview based on fundamental values, such as love, compassion and salvation.

**POCHOD MASEK, POCHOD TVÁŘÍ.
OTÁZKA NEJEDNOTNÉ IDENTITY V ROMÁNU
„ŽIVOT JE JINDE“ MILANA KUNDERY**

Agnieszka JANIEC-NYITRAI

Úvodní poznámky

Otázky spojené s nejistou, neustálým fluktuacím podléhající identitou patří ke klíčovým problémům objevujícím se jako jedno z témat ve středoevropské literatuře. Přítomnost této problematiky tvoří jednu z distinktivních vlastností středoevropských literatur vůbec [FIUT 2001: 23-24]. V případě Kunderova prozaického díla tyto otázky často získávají formu bipolárního rozdělení na tvář a masku a jako široce pojatá problematika identity zaujímají v tvorbě tohoto asi nejznámějšího žijícího českého romanopisce stěžejní pozici, na což upozornila již Sylvie Richterová: „*Téma identity člověka je v perspektivě, již nám Kundera nabízí, položeno jako otázka samotné soudržnosti „já“, tříšticího a rozpouštějícího se v různých odcizujících identifikacích.*“ [RICHTEROVÁ 1986: 65]. Identifikace a role, do nichž se člověk během svého života vtěluje a do nichž je násilně „vtělován“, jsou jen dočasné, ne zcela „šité na míru“. Jsou pouhým výsledkem dočasných potřeb, prozatímních aliancí, které byly vytvořeny pro potřebu chvíle. Role, do nichž je člověk vtažen mnohokrát proti své vůli či náhodou, se zdají být nevyhovující, nepohodlné a dokonce trapné. Řady, jejichž součástí se člověk stává, jsou omezující a skupiny, kterých je znenadání reprezentantem, jsou mu mnohdy cizí. Uměle nivelizované rozdíly nevytváří pocit sounáležitosti, ale mění se ve vězení.

Propojení masky s problematikou identity je jednoznačné a lze na ně nahlížet z mnoha hledisek, jak zdůrazňuje antropolog Vít Erban: „*Maska je jakýsi dodatek k tělu, který nám umožňuje ještě složitěji pracovat se svojí identitou. Ovšem – vrací se otázka – s jakou identitou? S identitou, kterou zakoušíme jako sami sebe, nebo s identitou, pod kterou nás vnímají ti druzí? Odpovězme si rovnou, že princip masky je založen na prolínání obou těchto identit – naše vnitřní i vnější 'já' jsou krajními póly pozvolného přechodu, mezi kterými existuje bezprostřední souvislost a závislost. To, jak vnímáme sami sebe a za koho se pokládáme, má bezprostřední vliv na to, jak nás vidí ostatní – a naopak to, jak nás vnímají ti druzí, přímo ovlivňuje, kým jsme sami před sebou.*“ [ERBAN 2006: 31]. Tyto jevy – napětí mezi tím, jak vnímáme sami sebe, a tím, jakým způsobem existujeme v očích ostatních, napětí mezi tím, co vnímáme jako své, a co vnímáme jako v sobě cizí - jsou Kunderou zkoumány v několika variacích: otázka vztahu tváře a masky je chápána nejen jako rozplývání se tváře a její postupná proměna v masku, ale také jako problematika vnucování jisté role, kdy člověk přestává být sám sebou a stává se někým jiným. U Kundery je však maska také

něčím, co může člověka do jisté míry chránit před okolním světem. A právě ona bipolárnost tváře a masky vystupuje u autora v mnoha variacích, které bych chtěla v této práci detailněji zpracovat a ukázat na příkladu románu „Život je jinde“.

1. Místo románu „Život je jinde“ v Kunderově tvorbě

„Život je jinde“ je v pořadí druhým Kunderovým románem. Světlo světa spatřil po románovém debutu „Žert“. Text byl dokončen v červnu roku 1969, ale v tehdejší Československu už nesměl vyjít [KOSKOVÁ 1996: 98]. Kundera začal psát svůj román v době pražského jara a dokončil jej po ruské invazi v roce 1968, jak uvádí Květoslav Chvatík: „*Psal svůj román v době, kdy na pražských ulicích hlídkovaly ruské tanky a kdy se na Václavském náměstí na protest proti ruské invazi upálil student Karlovy univerzity Jan Palach.*“ [CHVATÍK 1994: 69]. Román byl zveřejněn až ve Francii v roce 1973, takže poprvé vyšel nikoli česky, ale francouzsky (v překladu Françoise Kérela). Ve stejném roce tento román ve Francii obdržel prestižní cenu „Prix Médicis“ za nejlepší ne-francouzský román [NĚMCOVÁ BANERJEE 1980:131]. Původní česká verze textu vyšla v roce 1979 v nakladatelství Sixty-Eight Publishers v Torontu. V jistém smyslu slova se jedná o pokračování „Žertu“, tj. o účtování s politickými poměry v Československu, nicméně jsou tyto romány do značné míry odlišné.

Výstavba a koncepce druhého Kunderova románu je jiná než u románu „Žert“. Kundera opouští multiperspektivní vyprávění a román je tentokrát vyprávěn ve třetí osobě. Žánrově je tento román heterogenní: jsou v něm jednak prvky dokumentů - v pasážích věnovaných životům známých básníků jako např. Lermontovovi, Shelleymu, Keatsovi, Majakovskému, Wolkerovi, jednak esejistické komentáře či úryvky básní. Tento román lze číst jako biografii fiktivního básníka. Je to román o dospívání, ale také román o prokletí talentu a o síle slova, které dokáže ovlivnit životy jednotlivců. Román je rovněž nestejnorodý z hlediska narace: nejprve je schéma biografického textu dodržováno, později jsou jednotlivé kapitoly obohacovány o další elementy, např. o pasáže věnované básníkovi dvojníkovi, který nese jméno Xaver, a to takovým způsobem, že básníkovi životopisu jsou zasvěceny v podstatě pouze liché díly románu [CHVATÍK 1994: 61-62].

Román je rozdělen, jako většina Kunderových próz, do sedmi kapitol. Pět z nich se soustředí na hlavní postavu románu, básníka Jaromila. Helena Kosková v jednotlivých názvech kapitol („Básník se rodí“, „Básník masturbuje“, „Básník utíká“, „Básník žárlí“, „Básník umírá“) vidí ironický princip [KOSKOVÁ 2012: 40], v němž se zdá, že jednotlivé kapitoly je možné vnímat jako satiricky deformovanou hagiografii. Na druhé straně je to *Bildungsroman* [NĚMCOVÁ BANERJEE 1980: 132], znázornění cesty umělce-básníka k dospívání v komunistickém prostředí. Tento umělec-básník je jako jediná postava celého díla poctěn jménem. Ostatní postavy, např. matka, zrzka, čtyřicátník, zde figurují pouze jako bezejmenné stíny, i když i ony jsou pro celý příběh důležité. Realistické, jakoby z hagiografických textů převzaté, polohy jsou doplňovány surrealistickými pasážemi líčícími život Jaromilova dvojníka Xavera. Tímto vzniká dvojité znepokojující vidění reality, rozepjaté do dvou protikladných poloh. Na rozdíl od románové prvotiny „Žert“ zvolil tentokrát Kundera, co se narace týče, neosobní, odosobněné, objektivizované podání [HAMAN 2014: 273].

Podle Jana Čulíka tvoří leitmotiv románu varování před tím, co je přehnaně lyrické, iracionální, arbitrární, nebo dokonce hysterické: „*Kundera ukazuje, že lyrické, impulzivní jednání má v našich životech ničivé následky.*“ [ČULÍK 1991: 51]. Původní název románu měl znít „Věk lyrický“, což zůstává v souladu s Kunderovým požadavkem, že nejlepším řešením je zvolit jako titul hlavní kategorii, o níž text pojednává [KUNDERA 1998: 36]. Nicméně pod vlivem špatných rad, jak sám autor píše, změnil jeho název na „Život je jinde“. V Kunderově pojetí má lyrismus negativní konotace spojené s nezralostí: „*Lyrismus u Kundery – připomeňme si jeho výroky v 'Žertu' či 'Směšných láskách' a zejména jeho úvahy o lyrismu v románu samém – souvisí s životní nezralostí a subjektivistickým narcismem, který zabraňuje člověku překročit hranice své partikularity a subjektivity.*“ [HAMAN 2014: 272]. Kundera mistrně líčí sílu lyrického jazyka plného patosu, který je najednou schopen zastínit reálný svět a zcela deformovat realitu, je s to vytvořit paralelní, neexistující skutečnost [HVIŽDALA 1990: 1], jakýsi sen nedospělého, infantilního člověka. Kundera lyrismus odsuzuje: „*Lyrika je sebevyjádření, lyrika má v sobě narcistní princip. Člověk se stává dospělým, když překročí svůj 'lyrický věk'.*“ [LIEHM 1990: 58]. Lyrismus v sobě nese pokus o zahledění se do sebe sama, a prozaická tvorba, hlavně román, by měl naopak znamenat odklon od ustavičného zkoumání svých vnitřních konfliktů, problémů a svízeli. Právě s takovým nezralým přístupem Kundera diskutuje na stránkách „*Knihy smíchu a zapomnění*“, když do úst grafomanského spisovatele Banaky vkládá slova: „*Jediné, co můžeme učinit, řekl Banaka, je podat zprávu každý sám o sobě*“ [KUNDERA 1981: 99].

Jak autor přiznává v jednom z rozhovorů, „Život je jinde“ se zakládá na několika otázkách: čím je lyrický postoj? čím je mladost jako lyrický věk? jaký význam má trojitě manželství: lyrismus – revoluce – mladí? co znamená být básníkem? [KUNDERA 1998: 36]. Klíčovou je také otázka talentu, kterým zůstal obdařen hlavní hrdina Jaromil. Mladý básník vskutku tvoří, nebo pouze imituje? Květoslav Chvatík během své analýzy Kunderova románu upozornil na to, že Jaromil není špatným básníkem, je naopak básníkem nadaným, citlivým, ale jeho problém spočívá v povaze tohoto nadání [CHVATÍK 1994: 62]. Nelze tedy srovnávat Kunderova Jaromila s Čapkovým skladatelem Foltýnem, který v podstatě svůj talent pouze předstírá a dokáže jen napodobovat. Podobně jako Čapkův Foltýn však i Jaromil žije mimo kategorie dobra a zla, je „svatou bestií“ [NĚMCOVÁ BANERJEE 1980: 132], člověkem obdařeným talentem, kterému však schází morální cit. Existují ale i jiné pozoruhodné paralely mezi dílem Čapkovým a románem „Život je jinde“: u obou autorů stojí v centru pozornosti tematika romantického iluzionismu. Čapek kritizuje romantický absolutismus z hlediska relativismu, u Kundery se jedná zejména o tematiku spojenou s poznáním: „*Je to u něho především problematika noetická, problematika iluze a pravdy života, která se line jako ona banální 'červená nit' jeho dilem, počínajíc básnickými prvotinami.*“ [HAMAN 2014: 275]. Kunderův román jakoby jen ve vedlejší perspektivě odráží morální otázky, propojení politiky a tvorby, talentu a jeho zneužívání ve prospěch totalitního režimu.

Vzhledem k tomu, že v románu je nezralost chápána jako nestálost identity spojená právě s politikou, stává se něčím nebezpečným. Hra, kterou hraje Jaromil, aby

přesvědčil sám sebe o své zralosti, negativně ovlivňuje životy jiných lidí (např. zrzky). Jaromil zde vystupuje ve dvojí roli: dochází ke splnutí role básníka a kata [LE GRAND 1998: 93]. „*Kat bral lidem svobodu a básník jim bral řeč. Naplnil ji lyrickým klišé, a tím ztratila přesnost, jenom se leskla. Bez tohoto patetického třpytu jazyka by si kat nemohl nikdy podmanit tolik lidí...*“ [HVÍŽĎALA 1990: 1]. Nezralost zde znamená nedostatek citu pro zodpovědnost, nedostatek rozumu a neschopnost předvídat důsledky vlastního jednání. Právě v této Kunderově ostré kritice nezralosti – a také lyrismu, poezie, která absolutizuje a nebere ohled na nikoho a na nic, která sakralizuje největší hloupost a krutost – je zřetelná stopa antisentimentálních tradic románu Witolda Gombrowicze, které vytyčil v svém díle „Ferdydurke“ [LE GRAND 1998: 93].

Z výše nastíněných tematických okruhů je zřejmé, že se v románu otevírá prostor pro zkoumání lidské identity v mnoha jejích dimenzích, ale také k výzkumu vztahu tváře a masky, k určité podvojnosti, dualismu, jež se v tom kontextu objevují.

2. Skulina mezi tváří a maskou

V antropologickém pojetí je maska chápána jako nástroj k transformaci identity, ke skrývání identity, k modifikacím identity, ale také jako cesta k zániku identity, tento nástroj může plnit rozmanité funkce, např. emocionální, reprezentativní, ochrannou [POLLOCK 1995: 582]. Aleš Kovalčík na příkladu funkcí masek v díle Ladislava Fukse přibližuje následující funkce: maska s funkcí skrývání skutečné identity, s funkcí signalizační (vnitřní proměna postavy se uskutečňuje na povrchu v podobě masky), maska s funkcí alegorickou, s funkcí přetváření světa [KOVALČÍK 2006: 9-11]. Český antropolog Vít Erban nabízí pozoruhodnou typologii vztahu masky a identity, která může být nápomocná v analýze této dichotomie u hrdinů Kunderových románů: „*Masky lze rozdělit podle toho, jak pracují s identitou svého nositele: 1) maska mění identitu, 2) maska zakrývá (předstírá) identitu, 3) maska odkrývá identitu, 4) maska uchovává identitu.*“ [ERBAN 2006: 31]. Jak můžeme vidět, maska v sobě nese kontradiktorní významy a nelze ji vnímat bez kontextu této paradoxnosti.

Obecnou definici masky navrhla Kateřina Ebelová v monografii „Maska v proměnách času a kultur“: „*Maska – kulturně společenský fenomén, který je zástupným prostředkem vnější, případně i vnitřní transformace. Maska vyjadřuje konkrétní nebo abstraktní věc, případně je identická s postavou, kterou představuje. Může mít materiálovou, líčenou, mimickou nebo symbolickou podobu. Specifické vazby probíhají mezi nositelem masky, maskou a divákem, ale také zpětně od diváka k masce. Maskování poskytuje svému nositeli nejen dočasnou změnu identity, která se projevuje navenek, případně i dovnitř, novou roli, ale také částečnou nebo úplnou anonymitu. Míra identifikace nositele masky vychází nejen z její konkrétní funkce, ale také ze způsobu transformace a hloubky vnitřního splnutí s tím, co představuje.*“ [EBELOVÁ 2012: 9]. V rámci této definice bych ráda upozornila na problematiku transformace identity a na spletitou síť vzájemných vztahů mezi nositelem masky a divákem, stejně jako mezi maskou a jejím nositelem, což bude možné využít také v této mé analýze.

Podle německého filozofa Eugena Finka je maska nejstarší rekvizitou každé lidské hry [FINK 1993: 178]. Nelze tedy mluvit o dvojici maska-tvář bez zohlednění právě tohoto pojmu. V Kunderově díle lze zahlédnout především dva ze čtyř typů

her, jejichž typologii nám nabízí francouzský sociolog Roger Caillois v knize „Hry a lidé: maska a závrat“. Toto čtyřdílné členění obsahuje následující typy pojmenované podle řeckých názvů zachycujících principy hry: „alea“ (náhoda), „agón“ (soutěž, námaha, úsilí), „mimikry“ (předstírání, masky), „ilinx“ (závrat) [CAILLOIS 1998: 32-34]. U Kundery vidíme především hru jako náhodu (výrazně např. v románu „Žert“ nebo v povídkách ze sbírky „Směšné lásky“) a hru jako předstírání, tedy masku v námi analyzované próze „Život je jinde“.

Nejviditelnější příklady hry, kterou Caillois označuje jako „mimikry“, jsou u Kundery spojeny jasně a zřetelně s otázkami identity. Známa hra z povídky „Falešný autostop“ končí zoufalým opakováním slov „já jsem já“, končí tragickým rozehvěním identity. Obdobu tohoto námětu najdeme v románu „Život je jinde“. Erotická hra, kterou zrzka začíná hrát s Jaromilem – hra na doktora a pacientku – končí scénou žárlivosti [KUNDERA 1979: 236-241]. Na okraj zde lze říci, že i v tomto případě se opětovně objevuje Jaromilova dětinskost, neboť celá hra je jen jakýmsi hráním si na dospělého, odrazem infantilních her, nedospělých fascinací, které ve vývoji dítěte hrají sice důležitou roli, ale u dospělých mohou často odhalovat jisté deformace nedostatečně vyvinuté psychiky. Převtělování se do jiných rolí ukazuje hráčům, že existence jen jedné jediné identity je pouhým preludem. Ve druhém člověku nejednou vidíme někoho zcela jiného, ztrácíme důvěru v jeho „opravdovou tvář“, zjišťujeme, že může být součástí i jiných kontextů, že může patřit do jiných souvislostí, ačkoli my ho známe pouze v jedné „pro nás připravené“ roli. Skulina mezi maskou a tváří se nejednou doširoka otevírá a zeje jako propast. Rovněž začínají vznikat palčivé otázky, zda v člověku, kterého - jak se nám zdá - důvěrně známe, nevězí někdo jiný, někdo, kdo se před námi doposud skrýval. A pokud - byť jen jednou - propadneme iluzi (tak jak jí podleli hrdinové „Falešného autostopu“), je pak velmi těžké vrátit se do reality. Návrat je někdy dokonce nemožný, neboť jednou zpochybněná identita už navždy zůstává „podezřelá“, nejistá. A takové hry pak mohou končit i permanentním odcizením.

Maska však ožívá jen v kontaktu s člověkem, sama o sobě je mrtvým předmětem. Když člověk hraje „s maskou“, musí brát v úvahu, že se nejedná vždy jen o hru „bezstarostnou“, hru, která nebude mít žádné vážné důsledky. Maska totiž patří k magickým předmětům a vždy byla považována za předmět rituální, spojený s proměnou duše, se změnou identity. A právě proto Jaromil překypuje žárlivostí, protože najednou „uviděl“, že jeho zrzka může patřit i do jiných světů, může tančit tanec v jiném kruhu a být součástí jiných kontextů.

Kdo je tedy onen Jaromil? Jaromil je v podstatě sám sebou pouze coby básník. Tato role je mu nejbližší, a jak se zdá i jemu, je jedinou autentickou. Nicméně i tato role, s níž se hrdina maximálně ztotožnil, s níž se zcela identifikuje, je vlastně pouhou maskou, která srostla s jeho tváří. Navíc maskou, která je nasazena rukou někoho jiného, rukou Jaromilovy matky. Příznačným je zde již samotné jméno, které pro svého syna vybrala, jméno spojené s milováním jara, ale také jméno, jak připomíná Marie Němcová Banerjee, vyvolávající asociace s Máchovým dílem „Máj“ a s postavou Vilémovy milenky Jarmily [NĚMCOVÁ BANERJEE 1980: 132]. Jarmilova matka nasazuje synovi nejen masku Apollona, božského básníka, geniálního

tvůrce, milovníka múz, ale také ho kastruje jako muže [NĚMCOVÁ BANERJEE 1980: 132] a nedovoluje mu dospět. Symbolicky mu dává na tvář masku svého vlastního mínění o něm jako o dítěti stejně, jako se děvčátkům v Číně nasazovaly dřevěné boty zabraňující chodidlům růst a vyvíjet se. Tímto způsobem vzniká zdeformovaný, zvláštní tvor. Matka svému synovi soustavně „nasazuje zadničku“ (v pojetí Witolda Gombrowicze), vrací ho do nedospělosti, aby byl snadněji manipulovatelným, aby nemohl dozrát a neodešel od ní, nestal se „cizím“. A aby také zároveň stále tkvěl ve stavu blaženého dětství a tvořivého mládí.

Tato maska logicky není přirozená. Je výsledkem jakési umělé eugeniky, umělého experimentu, který na živém Jaromilově organismu provedla básníková matka. A výsledek je krutý. Jaromil je sice básníkem, ale básníkem zbaveným svědomí. „*Jaromil je velký básník, a přesto je lidské monstrum, které udá vlastní dívku. Jaromilova monstrozita je podstatným momentem jeho lyrického postoje ke světu, neboť konstruktivním rysem lyrismu je subjektivismus a introverze.*“ [CHVATÍK 1994: 63]. Podle Milana Kundery však toto monstrum bylo už v Jaromilovi. Jaromil-monstrum není výtvořem komunismu, komunismus pouze aktivoval dříve zaseté zrno monstrozity [CHVATÍK 1994: 65]. A podle všeho se zdá, že toto zrno v něm důsledně zasívala jeho matka.

Na druhé straně „*doba nabízí Jaromilovi další masku*“, jak výstižně poznamenal Aleš Haman [HAMAN 2014: 274]. Je to maska politického bojovníka, revolucionáře, která se však v Jaromilově realizaci mění v deformovanou škrabošku udavače, malicherného zbabělce, falešného obránce nově nastoleného systému. Okolní svět ho ujišťuje, že jeho masky geniálního básníka, velkého bojovníka tvořícího novou lepší skutečnost, nový lepší svět jsou jeho opravdovými tvářemi. Utvrzují ho tak v tragickém sebeklamu, v tragické sebeiluzi. Vždy je nablízku někdo, kdo mu někdo nasazuje gombowiczovskou zadničku, vtlačuje ho do nějaké formy, soudí ho, dává mu masku, které on chtěl nechtě začíná věřit, protože je natolik mladý a slabý, že není schopen rozlišit klam od pravdy, iluzi od reality. Jaromil se stává projekcí nikoli svých vlastních snů, ale je výtvořem tužeb a přání ostatních lidí. V této Kunderově metafoře masky se opětovně ozývá vzdálený hlas tvorby Witolda Gombrowicze. Okolní svět Jaromilovi nepřestává „nasazovat držku“, deformovat jeho skutečné „já“ (které je stejně - jak již víme - velmi slabé), posuzovat ho podle svých vlastních norem a svých vlastních přesvědčení [KANDA 2011: 59]. Jaromil se marně snaží těmito maskám vyhnout. Básně, které Jaromil píše, jsou jakýmsi autostylizačním prostředkem, způsobem, jakým chce sám sebe ukázat jiným. Jsou cestou k tomu, aby namaloval svou vlastní tvář, v podstatě jen svou vlastní „masku“. „*Posedlá touha po obdivu není jen nectnost přidaná lyrikově talentu (jako bychom ji chápali třeba u matematika nebo architekta), nýbrž patří k samé podstatě lyrické vlohy, jí je lyrik přímo definován: neboť lyrik je ten, kdo ukazuje svůj autotypický svět veden touhou, aby jeho tvář zachycená na plátně veršů byla milována a zbožňována.*“ [KUNDERA 1979: 252]. Jaromil chce být viděn tak, jak si to přeje, chce být demiurgem sebe sama, chce kontrolovat svůj obraz v očích jiných, a právě básně jsou k tomu dokonalým prostředkem, i když, jak je vidno z románu, tyto básně nikdo nečte, a pokud i čte (maminka), žádné z nich nerozumí.

Podle Kundery je jedním z důvodů, proč Jaromil píše básně, touha po nalezení své vlastní identity, po nalezení své „tváře“. Ale protože svoji „tvář“ nemůže stále najít, maluje ji, vytváří si ji sám. Svou tvorbou nasazuje masku sám sobě. „*Lyrik maluje básněmi svůj autoportrét, jelikož však žádný portrét není věrný, můžeme stejným právem říci, že si básněmi přemalovává tvář. Přemalovává? Ano, dělá ji výraznější, neboť ho trápí neurčitost vlastních rysů, zdá se být sám sobě rozmazaný, nevýrazný, nijaký, touží po tvaru sebe sama, touží, aby fotografická vývojka básní dala jeho rysům pevný tah.*“ [KUNDERA 1979: 250]. Jeho básně pojednávají o boji, o smrti, protože toto všechno Jaromil ještě nezažil, protože se ještě nedostal do styku s velkými city, s krajními situacemi. Masku Jaromila coby zkušeného člověka a zralého básníka se zdá být ve srovnání s jeho neznámým sokem, čtyřicátníkem, jehož existenci si Jaromil ani neuvědomuje falešná. „*Tíha autentické tragické životní zkušenosti tu kontrastuje s papírovostí a odvozeností životních postojů Jaromila s příkrostití až krutou.*“ [CHVATÍK 1994: 68]. Jaromilova nedospělost a nezralost vyniká právě ve srovnání s ostatními postavami. Kundera demaskuje průhlednost a prázdnotu Jaromilovy masky, pod níž se neskrývá vůbec nic ani žádná identita. Proto jsou i jeho básně, ačkoli nesou známky talentu, nepravdivé. Paradoxně Jaromil touží pouze po pevné masce, nikoli po pohyblivé, nejisté, i když v jistém ohledu zralé identitě.

Osudu člověka „postiženého maskou“ nebyla ušetřena ani Jaromilova matka, která se natolik szila s mateřstvím, natolik se s ním ztotožnila, že přestala být manželkou, snad i ženou. Celou svou identitu popřela pod vlivem všudypřítomného mateřství, mateřství totálního. Avšak tato její maska mohla být i útekem před ženstvím, jak píše Anželina Penčeva [PENČEVA 2010: 184], výsledkem strachu z přijetí role ženy. Zmíněný mechanismus je zvláště dobře viditelný v pasáži, kdy maminka píše dopis svému milenci, s nímž se už nechce více stýkat. Namlouvá sobě i jemu velké mateřské city, které jí nedovolují pokračovat v „hříšném poměru“ s umělcem. Namlouvá si je s tak velkou přesvědčivostí, s tak velkou vírou ve vlastní slova, že jim sama začíná věřit: „*Na konci psaní už sama věřila, že to nebylo její břicho ani namáhavý běh za malířovými nápady, co způsobilo její nervovou krizi, nýbrž jen její velké mateřské city, které se vzbouřily proti velké, ale hříšné lásce.*“ [KUNDERA 1979: 66]. A ve svém mateřství se zcela realizuje i dlouho poté, když už toho není zapotřebí. Zpětně na sebe navléká masku, kterou synovi sama nasadila. Snaží se s ním udržet umělou jednotu, snaží se vrátit do dávných dob, kdy byli jedno tělo a jedna krev. „*Jak jsou si oba podobní, matka i syn! Oba jsou stejně uhranutí nostalgií po monistickém ráji jednoty a harmonie [...] Jak syn dospíval, snažila se, aby byla kolem něho i nadále obestřena jak vzdušná náruč, přijala všechny jeho názory, vyznává moderní umění, hlásí se ke komunismu, věří v synovu slávu, rozhořčuje se nad obojetnictvím profesorů, kteří včera mluvili něco jiného než dnes, chce být kolem něho jako obloha, chce být stále ze stejné hmoty jako on.*“ [KUNDERA 1979: 259]. Umělé porozumění, umělé splnutí, ponoření se do falešné harmonie působí jako společný tanec v kruhu, jako neustále znějící morbidní andělský smích, který stvrzuje řád, i když tohoto řádu nelze dosáhnout, neboť se nelze vrátit do dob vzájemného porozumění mezi matkou a synem.

Jaromilova tvář, která je objektem hrdinova ustavičného zkoumání, je zbavena konkrétních, výrazných vlastností, je otiskem matčina obličejů i s jeho jemností, ženskostí, dětskostí [KUNDERA 1979: 112-113]. „*Jaké to bylo břemeno, nést tuto tvář! Jak těžká byla ta lehoučká kresba rysů.*“ [KUNDERA 1979: 113]. Kundera opět operuje s paradoxem těžkosti a lehkosti, stejně jako v popisu snů, které pronásledovaly Jaromila, v nichž klesal pod lehkostí drobných předmětů jako lžice nebo pírka. V celé své kruté a nesnesitelné tíži se objevuje maminčina tvář-masky vtisknuta do Jaromilovy tváře-masky během jednoho z básnických večírků: „*A protože věděl, že se na něho ostatní zase dívají, začal si na sobě palcivě uvědomovat svou tvář a skoro s úděsem cítil, že to, co má ve tváři, je maminčin úsměv! [...] Cítil, že má na obličejí vsazenou maminku, že ho maminka oblepila jako kukla oblepuje larvu, které nechce dopřát právo na vlastní podobu. A tak tu seděl mezi dospělými lidmi zakuklen do maminky, která ho objímala a táhla zpátky z toho světa, do kterého chtěl náležet, a který se k němu choval vlídně, ale přece jen jako k někomu, kdo do něj ještě nepatří. Bylo to tak nesnesitelné, že Jaromil sebral všechny své síly, aby se sebe matčinu tvář setřásl, aby z ní vykročil [...]*“ [KUNDERA 1979: 173]. Tento delší úryvek je jakousi poctou Witoldu Gombrowiczowi (o provenienci mezi dílem Kundery a Gombrowicze v kontextu demystifikačních technik píše Jakub Češka [ČEŠKA 2010: 63-74]). Zaznívají v něm obdobné tóny jako v díle známého polského spisovatele. Matčina tvář je jako maska, která dusí, která škrtí, která nedovoluje narodit se vlastní básnickově identitě.

Jaromil tráví hodně času pozorováním svého obličejů v zrcadle, ale také cvičením grimas a úšklebků, aby vypadaly dostatečně drsně a mužsky [KUNDERA 1979: 114]. Snaží se o tolik pozměnit svůj zevnějšek, aby imponoval ženám, aby působil dospěle. Ve své marné a směšné snaze připomíná Čapkova Foltýna, který nosil podivný účes, aby vypadal více „umělecky“ a „démonicky“. Pečlivě nastudovaná gesta skrývají nejistotu a slabost. Podle Pollocka masky mnohokrát zobrazují to, co je ve tváři nedostatečné, to, co tváři schází. V případě Jaromila a Foltýna se může jednat o předstíraný talent (hlavně u Foltýna), o předstíranou sílu či mužství [POLLOCK 1995: 584]. Masky mají maskovat to, co není dostatečné, to, čím se dotyčný člověk nemůže pochlubit. Tato funkce není však jediná, na další sémantický kontext masky upozornila Danuše Kšicová: „*Maska je nasazována nejen proto, aby něco skrývala, ale i proto, aby zvýraznila zevnější i skryté rysy tváří a duší lidí i jejich konání.*“ [KŠICOVÁ 1998: 51-52]. Na druhé straně v případě hrdiny románu „Život je jinde“ má maska vytvořená každodenním postáváním před zrcadlem být jako zeď, jako fasáda, která nás brání před světem, před ostatními lidmi. Masky v tomto pojetí je jako nárazník. Plní ochranné funkce, brání intimitu, ale zároveň má pomáhat k dosažení jistých cílů, které si člověk stanovil. Kundera poukazuje na dvojakost samotné masky: na jedné straně maska omezuje, skrývá, ale na druhé straně může jako středověká přilba chránit před zraněním ze strany jiných lidí, chránit před obnažením bezbranného „já“. Autenticita, „tvář“ i identita jsou u Kundery zároveň zobrazeny jako něco křehkého, podléhajícího neustálým fluktuacím, něco, co není nikdy hotové a co podléhá ustavičným redukcím ze strany jiných lidí.

Jaromil je jakousi odvozeninou gest, činů, myšlenek a představ, které o něm mají ostatní. Je básníkem, protože ho za básníka považuje matka, je mladým géniem, protože ho tak vnímá atraktivní filmařka (samozřejmě, že ne „upřímně“, ale z důvodu své budoucí kariéry), má v sobě jiskru výtvarného talentu, protože tu jiskru v něm viděl učitel kreslení atd. Jaromil se příliš koncentruje sám na sebe a na to, jaké reakce vyvolávají jeho činy u ostatních. Stále jako dítě sleduje, co si o něm myslí a co o něm říkají ostatní a své chování přizpůsobuje náhlým okolnostem [KUNDERA 1979: 26-27]. Trhlina mezi maskou a tváří, mezi tím, co skutečně cítil, a tím, co chtěl cítit, protože to po něm vyžadovalo okolí, se stále prohlubuje. Z tohoto zakletého kruhu masek, rolí, „držek“ a „zadniček“ není úniku. Z jedné role Jaromil plynule přechází do druhé a jeden sebeklam střídá další. Všechny pokusy o zahození či zničení masek jsou marné, protože pod každou maskou čeká další [SIWIEC 2013: 619]. Navíc Jaromil nemá ani valný zájem z masek se vysvobodit (snad s výjimkou matkou nasazené masky nedospělosti), protože mu tyto masky lichotí a dokládají jeho hodnotu. Jaromil totiž nechce vynaložit dostatečné úsilí, aby našel sám sebe, své pravé já, svou identitu.

Masky (nebo většina z nich) jsou pro něho zdánlivě pohodlné, protože, jak vyplývá z etymologie samotného slova, něco maskují, skrývají. V případě Jaromila maskují jen velkou nicotu, nedostatek „tváře“, samotný fakt, že pod maskou nic není, jen dokonale „bílý papír“, na němž teprve vlivem jiných lidí či okolností začínají vznikat rysy tváře. Tento proces ale není dokončen, protože Jaromil předčasně umírá, aniž by dosáhl dospělosti, aniž by pocítil břemeno zodpovědnosti za druhé, aniž by se dostal ze zakletého kruhu sebestřednosti. Možná je tato smrt v jistém smyslu slova útěchou, protože konfrontace se svou vlastní „tváří bez tváře“, tj. s prázdnou tváří, která se skrývá pod maskami, by pro něho byla rovněž nesnesitelná. Člověk obvykle v jistých situacích volí sebeklam, iluzi pravdy, neboť má strach uvidět svoji neretušovanou identitu (i když je jasné, že žádná identita není definitivní, že je ve své podstatě dynamická a proměnlivá), takže masky rovněž plní jistou funkci terapeutickou [KREMPLEWSKA 2014: 96]. Masky může být nástrojem existence, pomůckou k tomu, abychom pokračovali v procesu sebeidentifikace: kdo jsem a kdo rozhodně nejsem, co mi vadí a v čem jsem ve své kůži [ERBAN 2006: 31]. Ale v Jaromilově případě masky, které si sám nasazoval, i ty, které mu byly násilně nasazovány, zničily jemnou tkáň jeho vlastní tváře, vlastní identity a nechaly za sebou jen „sežehnuté pole“.

Masky, které jsou nasazovány Jaromilovi, nebo které si s velkým potěšením nasazuje (maska revolucionáře, skvělého milence atd.) zůstávají v příkrém rozporu s požadavkem umělecké autenticity a opravdovosti. Skuteční umělci chtějí být poznáni bez masek a jsou pyšní na vlastní identitu, na vlastní silnou osobnost. Jaromil je naopak nejistý, vnitřně rozervaný, a proto volí pohodlnější klam, protože. Má strach, že není dostatečně velkým básníkem.

Postavu Jaromila lze také v jistém slova smyslu označit za zloděje identit, za někoho, kdo jako měsíc nedokáže svítit vlastním světlem a svítí jen tím, co sám odráží. Nejdříve se v jeho gestech zrcadlila gesta matčina, poté gesta malíře, bývalého matčina milence, stejně tak jako i malířova slova rezonují v jeho slovech [KUNDERA 1979: 175]. Po jednom z večírků, který Jaromil strávil v diskuzích s malířem, si jeho matka začala uvědomovat, že chlapec pomalu ničí masku, kterou mu sama nasadila,

a přejímá chování matčina bývalého milence. „Jaromil byl ještě pln velkého dne a začal mamince odpovídat způsobem, kterým mluvil na marxistickém kroužku, napodoboval malířův sebejistý hlas. Maminka ten hlas hned poznala, viděla synovu tvář, z níž mluví její ztracený milenec, viděla tvář, která ji nepatří, slyšela hlas, který ji nepatří, její syn před ní stál jako obraz dvojnásobného odepření, připadalo jí to nenesitelné.“ [KUNDERA 1979: 143]. Všechno to však byla pouhá imitace, protože Jaromil připomínal tekutinu, která dostává tvar nádoby, do níž byla nalita.

Jaromil-zloděj identit, zloděj myšlenek, zloděj názorů, zloděj masek si uvědomuje své strašné ponížení, svou neoriginalitu, svou trapnost, své mládí, svou nedospělost a nicotnost své vlastní identity. „Jaromil si to uvědomoval a cítil se tím ještě více ponížen, a tak používal formulaci tvrdších a tvrdších, aby se malířovi pomstil za gesta a hlas, do nichž ho uvěznil.“ [KUNDERA 1979: 175]. Jaromil pocítil, že nežil svůj život, že jeho život byl někde jinde, že jeho život místo něho žily masky přilepené na jeho tvář. Marně se snaží o vzpouru proti svým Pygmalionům – proti matce, proti malíři, proti známému básníkovi.

Apogey grotesknosti dosahuje Jaromil-básník ve scéně při natáčení filmu, kdy ho filmařka nutí, aby recitoval své vlastní básně. Jeho hlas však zní nepřirozeně a prázdně a nakonec se raději dohodnou, že k filmu dodatečně nahrají hlas nějakého herce. Jaromil tedy jen němě otevírá ústa, jako ryba nasuchu: „*Proboha, volala na něho filmařka už netrpělivě, musíte je otevírat přesně na slova své básně, ne jen tak, jak se vám zachce. Ten herec to přece musí namluvit na pohyby vašich úst!*“ A tak stál Jaromil před balvanem, otevíral ústa (poslušně a přesně) a kamera se konečně rozzvučela.“ [KUNDERA 1979: 287].

3. Závěr

Hrdinové Kunderových próz a hlavně Jaromil z románu „Život je jinde“ se zdají říkat nahlas s Arturem Rimbaudem to, co se mnozí lidé bojí vyslovit: „Já je někdo jiný“. Kundera ve své románové tvorbě ukazuje, že maska nemá pouze estetickou hodnotu, není jen mrtvým muzeálním artefaktem, není jen objektem antropologického uvažování [ERBAN 2010: 13-14], ale kategorie masky lze skvěle využít na cestě po komplikovaných labyrintech lidského nitra, po scestích, na nichž se tvoří lidská identita. Kundera ve své tvorbě protestuje proti statickému pojetí identity, ale také proti jednotvárnému chápání masky v kategoriích přetvářky. „*Přehlížení sebeprezentace, sebezprojevu a sebevyjádření jako neodmyslitelného aspektu živé přírody bezpochyby těsně souvisí se specificky západním postojem ke vzhledu a vzezření jako nástrojích klamu, falše a podvodu a obecnou neschopností západního pojmového myšlení vyrovnat se s proměnlivostí identity.*“ [ERBAN 2010: 90]. To, že lidé nejsou koherentní, nejsou vystavěni z jednoho kusu neznamená, že jsou nepravdiví. Právě naopak. Všechno, co je stejnorodé a statické, se může jevit jako podezřelé.

Nicméně Kundera také odhaluje děsivou stránku nejisté, pohyblivé identity a poukazuje na to, jak je možné prostřednictvím experimentů prováděných na lidské totožnosti vytvořit „chameleona“, někoho, kdo nedokáže nalézt sám sebe v „božím požehnání“ masek, které mu předkládají ostatní lidé. Kundera ve svém v pořadí dru-

hém románu vytváří jakousi anatomii masek. Programově studuje a analyzuje ne-
možnost lidského útěku před „maskou“, těžký zápas o vlastní identitu, ale také píše
o hře, jejíž součástí je každý z nás. Prezentuje různé varianty skuliny tvořící se mezi
maskou a tváří. Občas se jedná o široce otevřený prostor připomínající propast, občas
je to těsná škvíra, kterou spisovatel rozevívá jako škebli nožem. Pochod masek a
pochod tváří pokračuje. Pod maskou číhá další maska a tvář (identita) se namáhavě
tvorí až během tohoto pochodu.

Bibliografie

- CAILLOIS 1998: Caillois, R. Hry a lidé: maska a závrať, Praha: Nakladatelství Studia Ypsilon.
ČEŠKA 2010: Češka, J. Barthes, Kundera, Gombrowicz // *World Literature Studies*, vol. 2,
č. 3, roč. 19, s. 63-74.
ČULÍK 1991: Čulík, J. *Knihy za ohradou. Česká literatura v exilových nakladatelstvích 1971-
1989*, Praha: Trizonia.
EBELOVÁ 2012: Ebelová, K. *Maska v proměnách času a kultur*, Praha: Grada.
ERBAN 2006: Erban, V. *Maska a tvář: hra s identitou v mezikulturních proměnách* // UNI,
roč. XVI, č. 4, s. 31-38.
ERBAN 2010: Erban, V. *Maska a tvář: hra s identitou v mezikulturních proměnách*, Praha:
Malá Skála.
FINK 1993: Fink, E. *Hra jako symbol světa*, Praha: Československý spisovatel.
FIUT 2001: Fiut, A. *Být (či nebýt) Středoevropanem* // Fiut, Aleksander, V Evropě, čili...
Olomouc: Votobia, s. 9-32.
HAMAN 2014: Haman, A. *Hledání vlastního života* // Haman, Aleš, *Tři stálice moderní české
prózy: Neruda, Čapek, Kundera*, Praha: Karolinum, s. 272-279.
HVÍŽĎALA 1990: Hvižďala, K. *Český román 1975-1980* // *Tvar*, č. 3, s. 1, 4-5.
CHVATÍK 1994: Chvatík, K. *Svět románů Milana Kundery*, Brno: Atlantis.
KANDA 2011: Kanda, R. *Gesto-detail-forma. K některým aspektům tvorby Witolda Gom-
browicze* // *Aluze*, č. 2, s. 55-61.
KOSKOVÁ 1996: Kosková, H. *Hledání ztracené generace*, Praha: H&H.
KOSKOVÁ 2012: Kosková, H. *Téma lyrického věku a homo sentimentalis v Kunderově
tvorbě*, // Milan Kundera aneb co zmůže literatura. Soubor statí o díle Milana Kundery,
eds. B. Fořt, J. Kudrnáč, P. Kyloušek, Brno: Host, s. 34-39.
KOVALČÍK 2006: Kovalčík, A. *Tvář a maska: postavy Ladislava Fukse*, Praha: H&H.
KREMPLEWSKA 2014: Krempleska, K. *Maska i mysl. Sobość a ars vivendi w myśli Ge-
orge'a Santayany* // *Analiza i egzystencja*, č. 26, s. 87-110.
KŠICOVÁ 1998: Kšicová, D. *Poetika masky v ruské moderně* // *Sborník prací Filozofické
fakulty Brněnské university. Slavica Litteraria*, X, 1, s. 49-54.
KUNDERA 1979: Kundera, M. *Život je jinde*, Toronto: Sixty-Eight Publishers.
KUNDERA 1981: Kundera, M. *Knihy smíchu a zapomnění*, Toronto: Sixty-Eight Publishers.
KUNDERA 1998: Kundera, M. *Sztuka powieści*, Warszawa: Czytelnik.
LE GRAND 1998: Le Grand, E. *Kundera aneb Paměť touhy*, Olomouc: Votobia
LIEHM 1990: Liehm, A. *J. Generace*, Praha: Československý spisovatel.
NĚMCOVÁ BANERJEE 1980: Němcová Banerjee, M. *Život je jinde. Review* // *World Litera-
ture Today*, vol. 54, no. 1, s. 131-132.

- PENČEVA 2010: Penčeva, A. Znásilněný archetyp: Ženy v románech Milana Kundery // Česká literatura v perspektivách genderu: IV. kongres světové literárněvědné bohemi-
tíky. Jiná česká literatura (?), ed. Jan Matonoň: Praha. [Ústav pro českou literaturu AV
ČR; Akropolis], s. 181–191.
- POLLOCK 1995: Pollock, D. Masks and the semiotics of identity // The Journal of the Royal
Anthropological Institute, vol. 1, no. 3, s. 581–597.
- RICHTEROVÁ 1986: Richterová, S. Tři romány Milana Kundery // Richterová, Silvie, Slova
a ticho, Mnichov: Arkýř, s. 33–66.
- SIWIEC 2013: Siwiec, M. Marionetki, maski i sny. Wokół romantycznej nicości // Ruch lite-
racki, roč. LIV, sešit 6, s. 607–624.

Abstract

“March of Masks, March of Faces. The Question of Inconsistent Identity in Milan Kundera's Novel "Life is Elsewhere"

Questions related to the uncertain identity of the subject and its constant fluctuations belong to the key issues emerging as a theme in Central European literature. The presence of these problems constitutes one of the distinctive characteristics of Central European literature as a whole. In the case of Kundera's novels these questions often take the form of a bipolar division between the face and the mask. The identity and role that a person embodies during his life are only temporary. They are merely the result of temporary needs, temporary alliances that were bound to gain something. Roles in which a man is thrown, often against his will, are inconvenient and embarrassing. These phenomena are investigated by Kundera in several variations: the question of faces and masks, understood as a process of a melting face and its gradual transformation into a mask, as well as the issue of imposing a certain role when a person ceases to be himself and becomes someone else. In Kundera's novel we can find many variations of this question. The present paper deals with the analysis of the motif of face and mask in the novel "Life is Elsewhere".

**МНИМЫЙ БЕРЛИНСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА.
ЗЕРКАЛО КАК ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В РАССКАЗЕ
«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БЕРЛИНУ»***

Enikő LOSONCZI-BAGOLY

Рассказы Набокова, бесспорно, меньше известны, чем романы писателя, несмотря на то, что сам Набоков несколько раз подчеркивал значительность этих произведений. Сравнивая их с романами, он видел разницу только в их «длительности», а не в их «выработанности»: по его словам, романы «занимают больше времени, вот и все» [ПАРКЕР 1991: 69]. Одним из этих шедевров является ранний рассказ молодого писателя-эмигранта Сирина «Путеводитель по Берлину», опубликованный в сочельнике 1925 г. в берлинской газете «Руль».

Данная работа стремится показать на уровне межтекстовой связи, на уровне его образов, слов и букв, что в центре внимания рассказа оказывается особенность художественного взгляда, точнее, перспектива и ее «ориго» — зеркало, с помощью которого создаются сплетенные в тексте отражения, перекрывающиеся во времени и в пространстве.

Кажется, рассказ переполнен противостояниями, первый из которых касается вопроса жанров: само заглавие внушает определенный жанр путеводителя, а читатель должен сразу учитывать факт, что данный текст относится к художественным произведениям, является рассказом. Следующая странная ситуация касается выбора темы: на основе заглавия рассказа и его исходной ситуации (два мужчины в пивной, один из них готовится рассказывать другу об одном из самых больших городов мира), читатель совсем прав, когда надеется на интересные берлинские истории. Но уже в первом абзаце эти ожидания превращаются в ничто, так-как выясняется, что рассказчик готовится рассказывать о таких «важных» вещах, как трубы и трамваи [НАБОКОВ 2013: 85].

Очевидно, что в рассказе вместо достопримечательностей города идет речь о необыкновенных вещах в смысле обыкновенного путеводителя, которые одновременно считаются крайне повседневными и бытовыми. Такой подход рассказчика, с одной стороны, подчеркивает особенный вид субъекта, его способность придать новое значение местам и вещам при художественном созерцании раскрытием новых ассоциативных тропин. Смена «важных с неважными», вызывающая чувство «впечатления фокуса» [ХОДАСЕВИЧ 2000: 222] придает тексту своеобразную игривость и важную ось к раскрытию его, в контексте отраженности художественных произведений друг в друге. Исследователи часто связывают рассказ с термином «остранения» [ХЕТЕНИ 2015: 93], [РОНЕН

* Статья является отредактированным вариантом доклада, прочитанного на конференции «6th Conference for Young Slavists in Budapest» 05.05.2016

1994], следовательно, возникает имя Виктора Шкловского. Хотя в литературоведении довольно часто предполагается тесная связь между рассказом Набокова и произведением Шкловского «ZOO, или Письма не о любви»¹, с точки зрения данной работы более интересен тот вопрос, что можно ли вообще говорить о систематичном взаимоотражении текстов, как результат предполагаемой долгожданной связи современников-соперников.

Первый элемент в «Путеводителе», напоминающий о произведении Шкловского — схема построения рассказа. Фрагментарность романа Шкловского — которая продиктована эпистолярной формой — у Набокова трансформируется в краткие эпизоды, создавая тоже неплотно связывающиеся друг с другом тексты-мозаики, также имеющие нумерацию, как письма в «ZOO». Далее, к внешним связывающим элементам между двумя произведениями относится странное введение к «Путеводителю», которое напоминает краткое «резюме» писем Шкловского. Самым далеко ведущим связывающим элементом между произведениями является прием выбора темы. Рассказчик «ZOO» в первом предисловии раскрывает свою мотивировку следующим образом:

«Книжка эта написана следующим образом. Первоначально я задумал дать ряд очерков русского Берлина, потом показалось интересным связать эти очерки какой-нибудь общей темой. Взял "Зверинец" ("Zoo") — заглавие книги уже родилось, но оно не связало кусков. Пришла мысль сделать из них что-то вроде романа в письмах.

Для романа в письмах необходима мотивировка — почему именно люди должны переписываться. Обычная мотивировка — любовь и разлучники. Я взял эту мотивировку в ее частном случае: письма пишутся любящим человеком к женщине, у которой нет для него времени. Тут мне понадобилась новая деталь: так как основной материал книги не любовный, то я ввел запрещение писать о любви. Получилось то, что я выразил в подзаголовке, — "Письма не о любви".

Тут книжка начала писать себя сама, она потребовала связи материала, то есть любовно-лирической линии и линии описательной. Покорный воле судьбы и материала, я связал эти вещи сравнением: все описания оказались тогда метафорами любви.» [ШКЛОВСКИЙ 1966: 167]

Если в «Путеводителе» действительно идет речь о противопоставлениях, то стоит рассмотреть их роль в двух произведениях: у Шкловского в заглавии отказ «Письма не о любви» противоречит содержанию текста, ведь в нем все-

¹ Ронен в своем исследовании предполагает между писателями связь современника-соперника, он относится к рассказу как к «путеводителю по приемам» [РОНЕН 1994] и, вероятно, слишком высоко ценит роль Шкловского, когда основой полемики между писателями считает намерение Набокова «последовательного изживания недостатков чужих текстов в своем» [РОНЕН 1994]. Гришакова помимо того, что критикует предположение Ронена о корне полемики между писателями, подчеркивает возможность существования других путей к пониманию остранения Набокова, без взаимодействия со Шкловским [ГРИШАКОВА 2001: 247-250].

таки появляется тема любви. У Набокова это ситуация осуществляется наоборот: там целый текст противоречит обещанному в заглавии: «Путеводитель по Берлину». Рассказ Набокова трудно считать обыкновенным путеводителем, ведь в тексте едва ли можно найти хоть бы одно предложение, напоминающее на туристический справочник. Таким образом, в набоковском тексте исполнена игра с игрой Шкловского, и в «Путеводителе» осуществляется преувеличение игры с приемами растворения текста Шкловского, в результате которого в набоковском тексте получается почти балаганный вариант «Писем». Но дело в том, что этот взгляд, хотя отмечает проблему в тексте, не отвечает на вопрос, «почему может быть важным противоречие», и его корни ищет на поверхностном уровне, не способствуя проникновению в глубину рассказа. Также не служит убедительным доказательством связанности текстов вывеска «Львиная Брага» в введении к «Путеводителю» — она без сомнения является интересной частью авторской игры, а не с романом Шкловского.²

После рассмотрения «ярких трюков» автора-волшебника, по частям рассказа выделяем те мотивы, которые формируют очаровательные узоры отражения магического зеркала. На этом фоне центральным организующим элементом рассказа является отраженность, ключ к рассказу — образ зеркала, исходный пункт постоянного релятивизация в тексте. Но Набоков на этом не останавливается: дело не только в том, что образ зеркала появляется в целом тексте, но его «кодирование» в тексте стало первым вестником игр слов и семантизаций букв в раннем творчестве Набокова.

² Хетени замечает, что во введении рассказа появляется хитрый элемент, который требует глубокого знания немецкой культуры, ведь опирается на неписаное правило: вывеска, которая предлагает пиво из Мюнхена вместо местного, берлинского продукта, считается трудно совместимым явлением с немецким менталитетом [ХЕТЕНИ 2015: 85]: «Утром я побывал в Зоологическом саду, а теперь вхожу с приятелем, постоянным моим собутыльником, в пивную: голубая вывеска, по ней белыми буквами начертано: «Львиная брага», и сбоку подмигивает портрет льва, держащего кружку пива» [НАБОКОВ 2013: 85]. Приведенный отрывок соединяет в себе, по крайней мере, трехмерное значение. Первый вариант, предполагаемый Хетени, касается прошлого писателя: интересным совпадением является то обстоятельство, что убийца отца Набокова именно из Мюнхена приехал в Берлин, таким образом, может быть, что мотивировкой сочетания этих двух мест служил этот травматический биографический момент [ХЕТЕНИ 2015: 85]. Хетени, кроме этого, находит подходящее к внешней теме произведения английское выражение: «lions of a place», то есть «главные достопримечательности города», из которого следует, что странная вывеска на уровне образа содержит в себе тему рассказа [ХЕТЕНИ 2015: 87]. Хотя, эти варианты возможны, тем более, что они подтверждены биографическими данными, но может быть и то, что эмблематичное животное бренда — лев, который при произношении всегда звучит как «леф», указывает на творческое объединение ЛЕФа, в ряде которого работал уже упомянутый современник писателя — Виктор Шкловский.

Что касается первой части рассказа «Трубы», там сразу происходит многократное пересечение границы между буквой и образом, именем и цифрой, которое касается вопроса релятивизации значений общепринятых знаков. Рассказчик, глядя на покрытые снегом трубы, обнаруживает надпись «ОТТО» и рассказывает о том, что «такое имя, с двумя белыми «о» по бокам и четой тихих согласных посерединке, удивительно хорошо подходит к этому снегу, лежащему тихим слоем, к этой трубе с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной» [НАБОКОВ 2013: 86].

В этой части в тексте появляется палиндром, который служит эквивалентом зеркального отражения на уровне текста [ДЖОНСОН 1979: 358], и формирует самостоятельный образ, который станет понятным исключительно в контексте рассказа. Далее, буква «О», по словам Набокова, вызывает у него синестетический образ «оправленного в слоновую кость ручного зеркала» [ДЖОНСОН 2011: 49], и «подразумевает ссылку на синестетическую ассоциацию буквы с круглым зеркалом». Поскольку палиндром «ОТТО» на основе авторской фантазии не значит, а рисует образ трубы, он формирует самостоятельный образ, ставший понятным исключительно в контексте рассказа. На этом основании Хетени доказала, что текст переполнен сочетаниями букв типа «отто» «от» «то» «ото» «оо» «о о», которые, по ее мнению, придают своеобразную ритмичность тексту и формируют метафору на уровне букв [ХЕТЕНИ 2015: 97-99]. Следовательно, на основе буквы «О» вырисовывается и выполняется тема отраженности в рассказе: она, исходя из выделенного в первой части палиндрома, «ОТТО» проходит через текст, постоянно и систематично сочетается с образом зеркала, и создает удвоенность в перспективах.

Дальше стоит обратить внимание на то, что само слово «труба» в русском языке часто используется в значении «оптической трубы» [ДЖОНСОН 1979: 358]. Это средство по функции очень выразительно указывает на вопрос перспективы: с помощью его далекие, поэтому кажущиеся маленькими вещи оказываются допустимыми для человеческого зрения. Это важно и потому, что кроме пары «маленькое-большое», существует много таких пар, которые, хотя, часто считаются простыми противоречиями, с точки зрения данной работы важны как части появления вопроса перспективы. Сюда относятся такие пары, как «важное и неважное» (с точки зрения путеводителя), «внешний мир и субъект», «история и личная судьба», «статичное положение и движение», «механическое и живое» – к которым ниже будем возвращаться.

Притом, надпись в трубах интересна и потому, что она тесно связана с пространственно-временной бесконечностью рассказа: «ОТТО» в германском языке присутствует как имя собственное, а в итальянском языке это слово считается именем числительным, со значением «восемь». Данная цифра носит в себе очень важное символическое значение: лежа, ее образ превращается в знак бесконечности «∞», таким образом снова возникает центральный вопрос рассказа, в форме взгляда на повседневные явления мира со стороны бесконечности.

Во второй части появляется образ трамвая, в котором присоединяются двойные свойства: это, как транспорт, одновременно предполагает движение в пространстве, а пассажир в это время все-таки находится в статичном положении. Поскольку трамвай можно считать своеобразным аналогом поезда, он сразу вводит в контекст тему детерминированности, предельности, характерное мироощущение русских эмигрантов того времени. А самое интересное — двойное положение пассажира, который смотрит в окно трамвая. В этой части прекрасно вырисовывается вопрос личного и общественного пространства, «желание быть невидимым, но наблюдать». Рассказчик как бы находится в положении своеобразной «внутренней эмиграции» [КУРИЦЫН 2013: 62] и становится способным смотреть на окружающий мир так, что он одновременно вне и внутри своего мира, независимым наблюдателем.

Стоит рассмотреть отрывок, в котором рассказчик рассуждает о трамвае таким образом, что он в будущем станет только остатком прошлого: «Трамвай лет через двадцать исчезнет, как уже исчезла конка. Я уже чувствую в нем что-то ожившее, какую-то старомодную прелесть.» [НАБОКОВ 2013: 86]. В этой части в одном предложении очевидно связывается прошлое, настоящее и будущее, одновременно появляется мимолетность жизни и независимая от субъекта вечность, сталкиваются друг с другом отражения в зеркале времени человеческой судьбы, кажущаяся для субъекта единственной и неповторимой, и бесконечного течения истории, с точки зрения которой все это считается просто мигом. Своеобразное «смешанное» отношение ко времени рассказчика интересно и потому, что в нем оно одновременно появляется и как вечное течение, но и имеет характера континуума — также имеет свойства непрерывного процесса (который охватывает прошлое, настоящее и будущее) и появляется как определенный промежуток. Со стороны «рационального мышления», эти понятия (гомогенный-гетерогенный, миг-беспрерывность) кажутся противоположными, несовместимыми, а в бергсоновском понимании «длительности» они все-таки прекрасно соединены. Это, кроме того, что выделяет путь к долговедущему анализу связи с набокковским пространственно-временным понятием, крайне важно и с точки зрения данного анализа, ведь дает возможность более широкого рассуждения понятия отраженности в тексте, которая таким образом появляется не только в пространстве, а также во времени, и самым явным образом выполняется в конце рассказа.

В конце второй части находится необыкновенно от Набокова открытое описание цели творчества, в которой снова появляется зеркало: «Мне думается, что в этом смысл писательского творчества: изображать обыкновенные вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времен, находить в них ту благоуханную нежность, которую почуют только наши потомки (...)» [НАБОКОВ 2013: 88]. Присутствующая в тексте двойная память тоже может быть причастной бергсоновскому пониманию памяти, поскольку обычаи берлинской жизни, благодаря сознательному наблюдению субъекта, превращаются в его личный опыт, и становятся действительно «важными вещами», частями сознания субъекта. Таким образом, в тексте появляется другой уровень

отраженности, касающаяся пространственного и временного положения рассказчика. Он в трамвае одновременно вне и внутри наблюдаемого пространства, и его положение полностью совместимо с его восприятием времени, ведь он способен выйти из своего настоящего, и смотреть на мир со стороны бесконечности, охватывать все временные векторы.

В третьей части продолжается путь рассказчика в трамвае, в ходе которого встречаемся с другим аналогом образа зеркала — окном, также открывающим новый мир и позволяющим рассказчику особенную, отдаленную от предмета повествовательную позицию. Рассказчик из окна движущегося трамвая смотрит на обычаи своего времени, видит разных работников. Это ситуация интересна и потому, что в ней все больше усиливается чувство мимолетности данной эпохи, картины тогдашней жизни становятся похожими на экспонаты в музее.

В этой части кроме вопроса времени возникает вопрос понимания красивого. «Но, быть может, прекраснее всего — блаженные, в розовых подтеках и извилинах, туши, наваленные на грузовик (...)» [НАБОКОВ 2013: 88]. В выделенной цитате происходит столкновение взгляда на мир субъекта и обыкновенного, общепринятого понимания красоты, которое вызывает такой же ошеломительный эффект, как в начале рассказа названные важными вещами трюб и трамваев.

Следующая, с точки зрения отраженности интересная часть — «Эдем». Кстати, стоит заметить, что вместо этого выражения в русском языке существует более распространенный вариант библейского сада: рай. Использование иностранного варианта слова, во-первых, подчеркивает противопоставление двух, по словарному значению синонимов, которые в контексте рассказа становятся антонимами: Эдем и Эден в тексте присутствуют как искаженные варианты (русского) рая. Притом, эти слова приносят в себе и другой интересный нюанс в контексте «набоковского алфавита»: буква «Э» имеет добавочное значение, она называется «Э оборотное» [ДЖОНСОН 2011: 50]. Исходя из этого, в контексте рассказа эта буква, возможно, одновременно свидетельствует о стремлении человека возвратиться в рай, связывается с «зеркальным отражением», указывает на ложность «берлинского рая», и, в конечном счете, в рассказе происходит релятивизация всяких явлений, положений и ценностей.

По исследованию Ронена, значительность части в первую очередь в том, что она содержит прямую отсылку к вышеупомянутому произведению Шкловского «ZOO, или письма не о любви», где тема ZOO «выступает и как метонимия, и как метафора русской эмиграции» [РОНЕН 1994]. Если принимаем его мнение, тогда ZOO в «Путеводителе» также может служить метафорой жизни русской эмиграции — появляется как «искусственный рай» [РОНЕН 1994], где ради свободы уместны решетки. Может быть, ZOO действительно напоминает эмигрантскую жизнь, ведь границы, которые защищают эмигрантов от политических преследований, одновременно ограничивают их свободу, они должны жить вне их родины и культуры. Таким образом образ ZOO является отличным примером вопроса относительности свободы: эмигранты в чужих городах живут так, как животные в ZOO. Далее, они с одной стороны живут в рае, но по какой цене? Ведь они вынуждены жить изгоями, ограниченными

правами ради выживания, и почти все равно, как называется их предел, границей или решеткой. Вопрос об относительности рая интересен и потому, что он служит центральным элементом жанра утопии/дистопии. В этом контексте интересно, что в части «Эдем» появляется та известная эмблема, которая также тесно связана с жанром дистопии: лежащая в глубине океана «пурпурная звезда о пяти концах», предок «пресловутой эмблемы» «глуповатых утопий» [НАБОКОВ 2013: 90].

Выше уже была замечена релятивизация ценностей (важность, красота) в тексте, как способ появления относительности. Четвертая часть с этой точки зрения заслуживает внимания и потому, что в ней происходит антропоморфизация животных и наделение человека свойствами животных, при котором животные и люди становятся похожими не просто по их положениям в ZOO. Эта параллель проходит через текст: язык черепахи напоминает «язык гугнивого кретина» [НАБОКОВ 2013: 90], ладонь трамвайного кондуктора «обросшая словно грубым, сухим хитином» [НАБОКОВ 2013: 86], вагон похож на покорно ожидающую самку [НАБОКОВ 2013: 87], конка кажется пузатой [НАБОКОВ 2013: 87], рабочие «бьют молотами по котырге», подобно какой-то машине [НАБОКОВ 2013: 88], мешок почтальона имеет «квадратную пасть» [НАБОКОВ 2013: 89].

Рассказ построен вокруг вопроса одновременного всестороннего изображения. Эта проблема появляется самым явным образом в последней части, где всякие, до сих пор приведенные элементы релятивизации сочетаются в ходе игры с повествовательными точками зрения. Очень интересно, как после подробного описания рассказчиком пивной, повествовательная точка зрения вдруг инвертируется, и наблюдатель внезапно становится наблюдаемым. «Пивная, в которой **мы с ним сидим**, состоит из двух помещений, одно большее, другое поменьше. В первом стоит посередине бильярд, по углам — несколько столиков, против входной двери — стойка, и за ней бутылки на полках. В простенке висят, как бумажные знамена, газеты и журналы на коротких древках. В глубине — широкий проход, и там видна тесная комнатка с зеленым диваном вдоль стены, под зеркалом, из которого вываливается полукруглый стол, покрытый клетчатой клеенкой, и прочно становится перед диваном. Эта комната относится к убогой квартирке хозяина. Там жена его, полногрудая, увядшая немка, кормит супом белокурого **ребенка**» [НАБОКОВ 2013: 90-91]. И в обратном взгляде: «Там, в глубине, ребенок остался на диване один. **Ему** оттуда **видно** зальце пивной, где мы сидим, — бархатный островок бильярда, костяной белый шар, который нельзя трогать, металлический лоск стойки, двое тучных шоферов за одним столиком и **мы с приятелем** за другим. (Э. Б.) Он ко всему этому давно привык, его не смущает эта близость наша, — но я знаю одно: что бы ни случилось с ним в жизни, он навсегда запомнит картину, которую в детстве ежедневно видел из комнатки, где его кормили супом — запомнит и бильярд, и вечернего посетителя без пиджака, отодвигавшего белым углом локоть, стрелявшего кием по шару, — и сизый дым сигар, и гул голосов, и отца за стойкой, наливавшего из крана кружку пива.» [НАБОКОВ 2013: 91].

В этой части происходит больше, чем простая смена наблюдателей, ведь она почему-то не появляется на уровне синтаксиса, повествование все время ведется от позиции рассказчика. В первой цитате повествуется от первого лица множественного числа о вещах, которые видит рассказчик и его приятель. Во втором отрывке, хотя, все и все описывается уже с точки зрения мальчика, синтаксически повествуется с такой же позиции «мы» и «он». Противостояние между повествовательной точкой зрения и повествующим человеком решается очень простым, одновременно ловким образом: рассказчик способен увидеть себя с точки зрения мальчика с помощью зеркала, в котором он как бы извне видит и анализирует себя. Далее, возникает такая странная ситуация, в которой рассказчик видит окружающих, но одновременно видит и то, как видит его мальчик — рассказчик и его отражение сталкиваются друг с другом, в результате умножения точек зрения, повествовательное «настоящее» одновременно охватывает и прошлое и будущее, в конечном счете расширяется до бесконечности в пространстве и во времени.

На основе вышеизложенного, выяснилось, что главное текстообразующее явление в рассказе — отраженность, которая создается с помощью образа магического зеркала, появляющегося в разных уровнях в тексте. Рассказ переполнен маленькими зеркальцами, отражения которых создают кажущиеся противоречия (важный-неважный, движение-неподвижность, вне-внутри, прошлое-будущее, красивый-безобразный, рай-ад, человек-животное), которые, на самом деле, являются частями эксперимента одновременного всестороннего изображения. В тексте в результате постоянного сияния магических зеркал станут допустимыми, даже взаимозаменяемыми не только левые и правые стороны, но и прошлое и будущее — в самом конце произведения создается «ретроспективная память», описывающая «будущее воспоминание» мальчика [НАБОКОВ 2013: 92].

Литература

- ГРИШАКОВА 2001: Гришакова, М. Две заметки о В. Набокове. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 247-259.
- ДЖОНСОН 1979: Johnson, D. B. A Guide to Nabokov's „A Guide to Belin”. SEEJ. Vol 23 No. 3
- ДЖОНСОН 2011: Джонсон, Д. Б. Миры и антимиры Владимира Набокова. Санкт-Петербург: Издательство SYMPOSIUM.
- КУРИЦЫН 2013: Курицын, Вячеслав. Набоков без Лолиты. Путеводитель с картами, картинками и заданиями. Москва: Новое издательство.
- НАБОКОВ 2013: Набоков, В. В. Путеводитель по Берлину. // Возвращение Чорба. СПб: Издательство АЗБУКА 85-92.
- ПАРКЕР 1991: Паркер, Ст. Я. Vladimir Nabokov and the short story. Ibid. // Галинская, И.Л. Владимир Набоков: Современные прочтения. Москва: Сб.науч.тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии. 2005. 102.
- ХЕТЕНИ 2015: Хетени, Ж. Nabokov regényösvényein. «По тропам романов Набокова». Будапешт: Kalligram.

- ХОДАСЕВИЧ 2000: Ходасевич В. Ф. О Сирине. // Классик без ретуши. Москва: Новое Литературное Обозрение.
- ШКЛОВСКИЙ 1966: Шкловский, В. ЗОО или письма не о любви. // Жили-были. Москва: Советский писатель.
- ГРИШАКОВА 2001: Гришакова, М. О визуальной поэтике В. Набокова
<http://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (дата доступа 10. 11. 2016).
- РОНЕН 1994: Ронен, О. Пути Шкловского в «Путеводитель по Берлину» Звезда. 1999.
4. <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/ronen.html> (дата доступа 10. 11. 2016)

Abstract

An Imaginary Guide to Berlin. Mirror as Text-Forming Element in V. V. Nabokov's Short Story „A Guide to Berlin”

The main purpose of the article is to find out on all possible levels of text where this, at first sight, huge dissonance between the promise of the title and the narrator's partner's opinion originates from. Moreover, I also try to find the source of the story-teller's intention on such a guide. The study aims to give a convincing proof that an artistic vision stands in the center of attention, more precisely the prospects and their “pole” — mirror, the reflections of which are woven in the text by infinite switchings in time (past, present and future) as well as in space (left and right sides). During the analysis it is suggested, that the mirror is the key concept of the novel, the starting point of a constant reflection. The image of the mirror is encoded in the text through verbal games and semantizations of letters just as in the early works of Nabokov. Reflection appears as the main text-organizational element in the strange initial situation of the novel with the help of the nabokovian magic mirror, appearing in very different levels: in letters, words and images. The story is overflowed with small mirrors, the reflections of which create seeming contradictions, that actually constitute parts of experiment of the simultaneous comprehensive image. As a result, not only the left and right sides (space) will become admissible and interchangeable, but the past and the future (time) as well. At the very end of text a "retrospective memory" appears as the final element of the author's play.

Обзоры и рецензии

STUDIA LINGUISTICA ET JURIDICA

(ОБ ОПЫТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЯЗЫКА)

ЛАРИСА ШЕВЧЕНКО (РЕД.), ДМИТРО ДЕРГАЧ, ДМИТРО СИЗОНОВ, ІВАН

ШМАТКО, ЮРИСЛІНГВІСТИКА. СЛОВНИК ТЕРМІНІВ І ПОНЯТЬ. КІЇВ: ВПЦ

“КІЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ”, 2015. ISBN 978-966-439-572-1, 348 с.

Современное исследовательское пространство уверенно преобразуется в междисциплинарное. Публикация рецензируемой книги – очередное тому подтверждение.

«Инновационный словарный проект»¹ (с. 9). Именно так квалифицируют издание его авторы – специалисты в языкознании и правоведении. Составленный в традициях учебной энциклопедистики, словарь репрезентирует ключевые понятия, определяющие сферу взаимодействия лингвистической и юридической отраслей.

Обратим внимание, что изучение интегративных процессов между языком и правом связывают с особым ракурсом стилистики – прежде всего с теорией и практикой лингвистического анализа юридических текстов (с. 6). Помимо рассмотрения профессиональной коммуникации в сфере правоотношений, к задачам новой отрасли относят профилактику и устранение «конфликтов, обусловленных различными аспектами функционирования языка (оскорбление, языковые манипуляции, вербализация призывов к насилию, плагиат и т. п.)», а также разработку «социально-речевых стратегий развития государства (проблемы государственного языка, статуса языков национальных меньшинств, языковой политики и др.)» (с. 141).

Юрислингвистический глоссарий содержит около 500 терминов, выраженных словами и словосочетаниями. Способ упорядочения реестра – алфавитный.

Собственно языковедческий фрагмент вокабулярия структурировано в категориях функциональной стилистики, лингвокогнитологии, тексто-, социолингвистики. В состав актуализированных единиц вошли, в частности:

– базовые понятия о языке как общественном явлении (*группа региональная языковая, группа языковая, диалект социальный, диалект территориальный, идиостиль, культура речи, личность языковая, меньшинство языковое, норма литературная, подстиль, политическая речь, речь дипломатическая, стиль официально-деловой, этикет языковой, язык государственный* и др.);

– термины коммуникативно-дискурсивной аспектологии (*адресант, адресат, акт языковой, аудитория потенциальная, аудитория реальная, влияние речевое, восприятие речи, коммуникант, коммуникатор, коммуникация дело-*

¹ Тут и далее перевод наш. – Л. Г.

вая, коммуникация массовая, манипуляция языковая, намерение коммуникативное, неудача коммуникативная, перверсия коммуникативная, реципиент потенциальный, стратегии коммуникативные, стратегии манипулятивные, тактики коммуникативные, тактики манипулятивные и под.);

– названия средств, приемов вербальной выразительности – лексико-фразеологических, грамматических, просодических (*антитеза, вопрос риторический, вопросы прямые, дисфемизм, инвектива, интонация, ирония, коннотация, лексика этически табуированная, лозунг политический, обращение, оним, пейорация, перифраз, слова вставные, слоган, ударение, цитирование аллюзийное, эвфемизм, эхо-фраза и т. д.*).

Заметим, что словарные статьи определенного содержания, связанные прежде всего с анализом конкретных языковых явлений, особенностей функционирования текстовых единиц, с описанием коммуникативно-манипулятивных тактик, содержат, помимо дефиниции понятия, еще и материал иллюстративный. Например, теоретической справке об *антитезе* большую выразительность придает суждение Вольтера: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но буду до последней капли крови защищать ваше право высказывать свое мнение» (с. 22). О том же, что триада «Свобода, равенство, братство» является символической для родины знаменитого мыслителя (для Франции) узнаем из статьи *слоган государства* (с. 126). В этом же смысле показательны толкования терминов *аллюзия, антипиар, антиреклама, вопрос альтернативный, жаргон, лозунг, пейорация, тактика манипулятивная «блестящей всеобщности», цитирование прямое, эвфемизм* и др.

Релевантную понятийную группу в юрислингвистическом тезаурусе формируют термины делопроизводства, номинации различных жанров письменного и устного профессионального общения; напр.: *аванпроект, авизо, акция (2), анкета (1), брифинг, вывод лингвиста-эксперта, вывод обвинительный, декларация, договор, документ, документооборот криминалистическое, жалоба, закон, заявление, коммюнике, контракт, конференция, манифест, протокол, речь* (публичное выступление), *регламент, симпозиум, соглашение, статья, съезд*. Как известно, эти и аналогичные словопонятия не считаются элементами лингвистической номенклатуры, впрочем, их лексикографическое описание можно найти в учебниках по профессиональной коммуникации.

Анализируя содержательно-фактуальную специфику рецензируемого издания, заметим, что его собственно юридический профиль отражают номены, соотносимые с различными отраслями права, в частности с избирательным, конституционным, гражданским, уголовно-процессуальным, международным. Словарь информирует о множестве реалий, актуальных для юридической сферы; среди них: *абсентеизм, автономия воли, гарантии права на информацию, дезавуирование, демарш, доказательства вещественные / косвенные / личные / производные / судебные, доктрина международного права, защита судебная, идеология правовая, имплементация, истина судебная, казус правовой, конфликт юридический, легальность, легитимность, лицо юридическое,*

органы правоохранные, плагиат, право на защиту репутации автора, психология правовая, собственность интеллектуальная, школа моральная, экзекватура, юрисдикция, юриспруденция.

Важно, что общенаучные понятия, как например: *анализ, переменность, генезис, дифференциация, мнение, конструкт, оценка, развитие, тенденция*, получают специальную – юрислингвистическую – трактовку (отчасти на это указывают соответствующие ремарки). Добавим, что авторы словаря отдают предпочтение дефинициям «открытого типа». Такой свой выбор аргументируют желанием преодолеть несовершенство лексикографической практики, когда содержание тех же понятий раскрывается неоднозначно, с методологически различных позиций и с опорой на разный культурно-исторический контекст. Как убеждают составители рецензируемой книги, их «авторские» толкования «апробированы в европейской научной традиции и в то же время согласованы с подходами исследователей в Украине» (с. 7), а значит, отражают оптимальный опыт терминологии.

Материал конкретных словарных статей целесообразно сравнить со сведениями в неспециальных источниках (см. таблицу).

Название понятия	Дефиниция понятия	
	<i>юрислингвистическая</i> ²	<i>общенаучная (общезыковая)</i> ³
Анализ	Научное осмысление единства юридического и языковедческого знания в юрислингвистике; постижение целого по составляющим, сложного – по компонентам, текста – по функциональной совокупности языковых единиц, структуры высказывания – по дифференциальным признакам (с. 19).	(1) Метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь (<i>Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006, с. 24.</i>)
Вариативность	Функциональная изменчивость текстовых языковых единиц, что рассматривается в лингвистической экспертизе как возможность / невозможность стилистической объективации нормативности высказывания в соответствии с коммуникативной ситуацией (с. 28).	Вариантность, изменчивость (<i>Словник української мови. У 20 т. Т. 2. Голов. ред. В. М. Русанівський. Київ: Наукова думка, 2012, с. 59.</i>)
Генезис	В юрислингвистике – момент формирования и эволюции явления, события, характерных черт коммуникативной ситуации, языкового сознания социума или же личности (с. 34).	Происхождение, история зарождения (<i>Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006, с. 127.</i>)

² См. рецензируемое издание.

³ Источник указан в скобках после дефиниции.

Дифференциация	Процессуальное различие лингвистом-экспертом языковых фактов, идей, методов анализа по принципу выделения интегральных характеристик явления (с. 40).	Разделение чего-либо на разнородные элементы (<i>Словник української мови. У 20 т. Т. 4. Голов. ред. В. М. Русанівський. Київ: Наукова думка, 2013, с. 242).</i>
Оценка (явлений, фактов, событий, лиц в юрлингвистике)	Лингвистический принцип квалификации языковых явлений, который предполагает изучение текста в аспекте функционирования языковых единиц – слов с особой коннотацией семантики, модальных слов, фразеологии, специфики синтаксических конструкций и под. О. формируется в результате системного анализа текста с учетом критериев нормативности / ненормативности, функционально-стилевого и жанрового соответствия / несоответствия, частотности использования языковых единиц, с учетом наблюдений юрлингвиста над индивидуальным стилем автора текста и т. д. (с. 104).	(2) Мнение о ценности, уровне или значении чего-нибудь (<i>Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006, с. 486).</i>
Развитие (в юрлингвистике)	Процесс изменений, эволюции социума, динамика трансформации политических, правовых, культурных, образовательных и др. институций, способствующие языковому совершенствованию (с. 123–124).	(2) Процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему (<i>Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006, с. 643).</i>
Тенденция (в юрлингвистике)	Вектор развития явления, общественного процесса, коммуникативной ситуации, рассматривающийся в категориях права и предполагающий объективные лингвистические характеристики, оценки (с. 136).	(1) Направление развития, склонность, стремление (<i>Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006, с. 793).</i>

Примечательно, что даже такие понятия, как *актуальный, аналогичный, гипотетический* приобретают профессиональную «окраску» в отраслевом словаре. Ср.:

актуальный – «современное направление юрислингвистического исследования, отображающее значимые, важные характеристики явления» (с. 18);

гипотетический – «характеристика вероятностного, прогнозируемого либо ожидаемого результата, обоснования или заключения в лингвистической экспертизе» (с. 34).

Метаязык науки непременно сигнализирует о методологических ориентирах этой науки. Отметим, что юридическая лингвистика в выборе исследовательских стратегий демонстрирует приверженность к традиции. *Наблюдение, эксперимент, верификация, обобщение, индукция, экстраполяция, анализ, синтез...* Инструментарий типичный, хотя, разумеется, адаптированный к решению специальных задач (см.: с. 19, 28–29, 47–50, 55–58, 67, 93–96 и др.).

Как можно убедиться, интересы языковедов и юристов последовательно сходятся в области лингвистической экспертизы. По крайней мере в рецензируемом словаре постулируется именно такой приоритет⁴: многочисленные понятия коррелируют с операционными категориями лингвистической экспертизы (см., напр., дефиниции терминов *аналог (2), архетип культурный, архитектоника текста, асимметрия коммуникативных ресурсов, вариант стиля, версия, задачи диагностические / классификационные / ситуационные / экспертные, знак рекламный, имидж, индикаторы конфликта, интервью, интертекст, информация нейтральная / нормативная / превентивная, ирония, истина судебная, казус правовой, личность языковая, мероприятия рекламного характера, ньюзмейкер, прецедентное утверждение, промоуин, распространитель рекламы, речь* (выступление, доклад), *слово подсудимого, средства массовой рекламы, суждение, суперлатив, товар, целостность смысловая, экспертиза материалов и средств видеозаписи*). Кстати сказать, на этом же фоне отчетливее представляются характерные методические принципы юрислингвистической практики; среди них – *атрибуция, аутентификация, генерализация, идентификация, мониторинг*.

Подчеркнем, что тексты различной знаковой природы (собственно вербальная продукция, видеозаписи, аудиоматериалы) являются потенциальным объектом экспертного анализа. Естественно, для языковеда первостепенную важность имеют словесные тексты разных стилей, жанров и форм репрезентации (устная / письменная); другие источники служат экстралингвистическим фоном. Профессиональные знания и умения филолога могут быть определяющими в оценке фактов межнациональной и межрелигиозной вражды; в вопросах о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан; в отстаивании права интеллектуальной собственности и под. Лингвист-эксперт «доказывает соразмерность речевого высказывания и реальной коммуникативной ситуации, сравнивает текст с его юридической оценкой, анализирует смысловые акценты в языковой коммуникации, которые могут представлять

⁴ Ср.: «Юрислингвистика объективирует теоретические подходы... анализа в судебной и следственной лингвистической экспертизе, рассматривающей спорные тексты, законопроекты и др.» (с. 141).

угрозу для жизни человека, социума, государства, для национальной безопасности и т. д.» (с. 48).

Стоит добавить, что лингвистическая экспертиза нередко распространяется именно на т. наз. конфликтные тексты – инвективные, манипулятивные, агрессивные, полиинтерпретативные. В этом случае индикаторами конфликта диагностируются коммуникативные единицы, «являющиеся причиной психологической дисфункции в восприятии текста» (с. 66–67). На сегодняшний день, мощным продуцентом патогенной вербалики являются средства массовой информации. Поэтому закономерно, что медийная терминология уверенно интегрируется в юрислингвистический метаязык. В составе последнего фиксируем, в частности, следующие понятия: *антипиар, антиреклама, блог, веб-реклама, власть и СМИ, влияние СМИ, дисбаланс информации, интервью протокольное, медиакратия, медиатекст, медиатизация, реклама недобросовестная / неэтичная / скрытая, свобода массовой информации, СМИ политические, этика журналистская*.

В целом, фактический материал рецензируемого словаря отчетливо отражает синкретическую предметность юрислингвистики. Современная отрасль апеллирует не только к первоисточникам, каковыми являются для нее языкознание и юриспруденция, но и к философии, психологии, теории массовой коммуникации, социологии, политологии, кибернетики и др.

Поиск информации по алфавитному глоссарию, безусловно, имеет свои преимущества. В то же время при описании терминологии не менее важно прояснить системные связи между понятиями. Поэтому юрислингвистическая проблематика могла бы получить более четкую аргументацию в формате толково-идеографического словаря (тезауруса).

Авторы издания не раскрывают, к сожалению, самой процедуры идентификации понятий с выбранным отраслевым направлением. Хотя можно предположить, что стандартизация терминологии была осуществлена по оптимальной схеме. Ведь анализировались «основные» и «наиболее частотные» единицы из категориального аппарата языкознания и правоведения, а точнее – понятия, «интерпретируемые юрислингвистами в исследовательской и практической работе» (с. 7). Последнее замечание наводит на мысль, что реестр словаря формировался на базе текстов специальной тематики. И действительно, объективные выводы о тождественном и характерном в метаязыке профессиональной коммуникации можно сделать только на основании подробного анализа определенных текстовых источников, их словесной архитектуры. Важно, что современные информационные технологии позволяют значительно упростить работу ученого, в том числе и лексикографа: активное внедрение корпусных стратегий в филологическую отрасль открывает широкие перспективы для текстоориентированной рецепции.

Юрислингвистический словарь, кроме собственно вокабулярия (с. 12–142), содержит список новейшей библиографии (с. 143–150), а также несколько законодательных документов, действующих в Украине и регулирую-

щих вопросы государственной языковой политики, информационных отношений, рекламной деятельности, судебной экспертизы, авторского права (с. 151–331). Этот справочный материал можно эффективно использовать в учебно-воспитательной работе, разнообразя ее, моделируя ситуации проблемных дискуссий.

Издание «Юрислингвистика. Словарь терминов и понятий» непременно будет способствовать совершенствованию профессиональной культуры тех, кого интересуют юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права.

На фоне нынешних реалий, – когда слово человека и буква закона последовательно используются как манипулятивный фактор, как орудие суггестивного воздействия, все больше патогенного, нежели терапевтического, – альянс языкознания и юриспруденции представляется своевременным, принципиально важным. Такое сотрудничество, безусловно, должно быть длительным и многосторонним.

Леся ГЛИВИНСКАЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПРАВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ:

ТЕКСТ – СМЫСЛ – ЛИЧНОСТЬ

ВАНДА ШАХВЕРДОВА, ИЕРАРХИЯ В ДИСКУРСЕ ПРАВОСУДИЯ: ВЛАСТЬ И ПОДЧИНЕНИЕ В РЕЧИ ПРОФЕССИОНАЛА И ГРАЖДАНИНА (НА МАТЕРИАЛАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ШОУ «ЧАС СУДА») // TRACTATA SLAVICA UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS. ED. KLÁRA AGYAGÁSI. DEBRECEN: DEBRECENI EGYETEM, 2012. Vol. IV. ISBN 978-963-318-125-6, 207 с.

Новейшие лингвистические презумпции объединяет, как известно, антропоцентрическая доминанта, и сосредоточены они главным образом на функциональной природе языка. В этом прослеживается закономерность эволюционных процессов, отмеченная, с одной стороны, расширением интеллектуальных «галактик», с другой – необходимостью и готовностью синтезировать атомически приобретенные знания о человеке, а также о способах его постижения.

Можно констатировать, что актуальность языковедческой проблематики соотносима прежде всего с феноменом текста, со спецификой межличностной коммуникации, с функциями и системными характеристиками языковых единиц. Особый интерес вызывают явления имплицитного характера – ненаблюдаемые когнитивные сущности, определенным образом диагностируемые на вербальном уровне.

Многогранность человека в языке и языка в человеке предопределила тенденцию к формированию универсальной категориальности, учитывающей идеи, факты, методы различных отраслей научного знания.

Исследование Ванды Шахвердовой убеждает в том, что дискурсология – «территория многих наук»: лингвистики, социологии, психологии, философии, антропологии... Анализ дискурса не имеет «ни дисциплинарных, ни фокус-объектных ограничений»; эта полипарадигмальная предметная область

носит «принципиально комплексный характер» и «всегда открыта для дальнейшего расширения» (см.: с. 19).

Очевидно, что работа с множественным теоретическим инструментарием сложна для анализа, поскольку даже при едином объекте изучения, при общей проблематике основные положения исследовательских концепций могут быть методологически несопоставимы. В этом случае важна некая отправная точка, способствующая оптимальному междисциплинарному взаимодействию. Таким соединительным звеном в дискурсологической работе В. Шахвердовой послужила прагматика, предусматривающая различные аспекты порождения и восприятия речи, учитывающая когнитивные и социокультурные закономерности функционирования языка (см.: с. 15, 22–25, 143). Язык как действие, язык с точки зрения пользователя – таков ключевой выбор прагматики. А ее основная задача – «выяснить, каким образом придается высказыванию дополнительное значение, как возможно то, что смысл предложения в контексте значит больше, чем заложено в его составляющих» (с. 22).

Монография В. Шахвердовой включает два раздела, в каждом из которых – несколько глав, содержит выводы, библиографию, приложения, что и определяет ее структурную завершенность.

Первый раздел «Теоретические аспекты исследования» знакомит профессионального читателя с общими эпистемологическими предпосылками выполненной научной работы, а также конкретизирует ее метаязыковую основу (гл. 1–3, с. 13–57). Важно, что в своих оценках коммуникативной практики, актуальной для правового дискурса, В. Шахвердова исходит «исключительно из анализа текстов» (с. 14), тем самым предвзято объективность и мотивированность результатов исследования.

Подчеркнем, что на современном этапе развития лингвистики, ввиду масштабного внедрения корпусных стратегий, значимость текстоцентрического принципа не вызывает сомнений. Обращение к тексту нацелено среди прочего на раскрытие внутренней мотивации вербального, на обнаружение допустимых смыслов и в целом тех явлений, которые при лингвистическом анализе предстают в категориях идиолектики, коннотации, пресуппозиции и др. Важно и то, что происходит «во внешней, осязаемой реальности, определяемой как контекст коммуникативного действия», и то, что проистекает «во внутренней реальности коммуникатора» (с. 22). Таким образом, на функционально-текстовом уровне можно установить не только закономерные, системные, но и частные, нерегулярные параметры коммуникации.

Одним из наиболее продуктивных вариантов текстолингвистического анализа (и шире – дискурс-анализа) является, по мнению В. Шахвердовой, конверсационная модель. В этом случае исследованию подлежат языковые факты,

которые реализуются в естественных, неподготовленных условиях. Интересно, что такой анализ, во-первых, игнорирует наличие гипотезы⁵, а во-вторых, ориентирован на вполне конкретную эмпирическую базу – повседневную разговорную речь. В то же время автор рецензируемой книги доказывает целесообразность иного, нетипичного, конверсационного подхода, в котором есть место и научным предположениям, и разнообразию в жанрово-стилистическом отношении языковому материалу. Трудно не согласиться с тем, что в описании устного дискурса, обслуживающего, например, социальный институт права, должно учитывать характер повседневной речевой деятельности, безусловно, акцентируя на особенностях всевозможных коммуникативных интеракций⁶.

«Теории не возникают без предпосылок, однако нередко, даже если и не сразу, проходя различные процессы становления и развития, начинают сильно отличаться от предшественников» (с. 25). Убеждаемся, что в кругу исследователей нет единого мнения относительно сущности конверсационного анализа⁷ (подробнее об этом: с. 18–32). Последний апеллирует к разным первоисточникам, каковыми являются социология, феноменология, этнометодология, и фактически предстает комплексным научным конструктом, в котором усматривают одновременно и разновидность анализа дискурса, и социологическую теорию, и качественную натуралистическую программу.

Напомним, что становление конверсационного анализа приходится на вторую половину XX в. и связано прежде всего с именем американского социолога Харви Сакса (Harvey Sacks)⁸. Будучи сотрудником центра по исследованию суицида (Лос-Анджелес), Х. Сакс имел возможность изучать телефонные разговоры своих коллег с клиентами. Ученый заметил, что даже в приветствиях собеседников обозначается определенный алгоритм общения – начальная цель детерминирует речевые шаги коммуникантов. Обратим внимание на вывод В. Шахвердовой: «Цели участников дискурса... создают сложную, организованную особым образом систему, которая ограничивает и делает

⁵ «Исследования в духе КА [конверсационного анализа] предпочитают не выдвигать гипотез, а при выборе объекта исследования исходить из выводов аналитика... Представители КА подчеркивают свою независимость от заранее заданного теоретического аппарата; это значит, что в начале исследования не обязательно предварительно обозначить круг исследуемых явлений, материал сам их представит в процессе интерпретации» (с. 13, 34).

⁶ Ср.: «...Речь, характерная для институтов, сильно отличается от повседневной, так же, как и речь различных институтов и различные речевые жанры в стенах одного института отличаются друг от друга» (с. 15).

⁷ В данном случае показательна и сама этимология ключевого понятия: лат. 'conversio' означает 'преобразование, изменение'.

⁸ Отметим некоторые работы ученого: A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation (1974, в соавторстве); The preference for self-correction in the organization of repair in conversation (1977, в соавторстве); Methodological remarks (1984); Lectures on conversation (1992); Social science and conversation analysis (1998, в соавторстве); An initial characterization of speaker turn-taking in conversation (2004).

в некоторой степени предсказуемым поведение говорящих» (с. 36). Ср. также: «Социальную роль определяют специальные цели, цели достигаются посредством стратегий, а стратегии воплощаются в различных (в том числе и речевых) действиях индивида» (с. 65). То, к чему прежде всего стремится говорящий, манифестируется в его стратегиях, иными словами, «повторно реализуется в неповторимом потоке речи» (с. 36).

На сегодняшний день главная задача конверсационного анализа сводится к рассмотрению «социальных тактик и ожиданий, на основе которых собеседники конструируют свое собственное поведение и интерпретируют поведение другого» (см.: с. 27). Добавим, что важны, с одной стороны, действия, производимые говорящим, а с другой – форма, в которую они облачаются. В целом, первостепенное значение имеют, как видно, и продуцирование речи, и ее декодирование, т. е. апперцепция.

Таким образом, при всей синкретичности конверсационного подхода его языковедческая составляющая является приоритетной. Иными словами, все социальные институты, ритуалы, вся организация общества зарождаются и воссоздаются в процессе речевой деятельности, т. е. непосредственно связаны с феноменом вербальной интеракции. Подчеркнем, что задача конверсационного анализа – «описание общества», а «путь к этой цели ведет через лингвистическое исследование» (с. 31).

Проблематика рецензируемой научной работы определила выбор особого категориального инструментария. В списке доминантных терминопонятий оказались следующие: «социальный институт», «власть в дискурсе», «лицо», «идентитет». Для большей наглядности представим этот фрагмент исследования в таблице (см. ниже).

Исходное понятие	Содержание понятия
<i>Социальный институт</i>	Воплощается в дискурсивной реальности, в типизации действий индивидов. Основывается на ролях коммуникантов. Эти роли, т. е. единицы коллективного знания о работе института, не тождественны. Одни – базируются на сведениях, доступных всем представителям определенной культуры; другие – предполагают социальное распределение знания (напр., поведение судьи ограничено требованиями института права).
<i>Власть в дискурсе</i>	Свидетельствует об иерархии в кругу говорящих, о различии их прав и обязанностей. Имеет место соглашение по умолчанию: члены общества соблюдают некоторые правила; определенные типы высказываний становятся чьей-то привилегией. Контроль, мотивированный профессиональными соображениями, нацелен на подчиненных участников интеракции (непрофессионалов). В повседневной коммуникации максимы, управляющие поведением человека, например этикетные каноны, лимитируют возможность проявления властной позиции.

<i>Лицо</i>	Имеет диалектическую природу – склонность к вариабельности и постоянству, – манифестируя не так индивидуальный облик говорящих («не то, что кто-то думает о себе»), как их взаимные усилия, сферу межперсональных отношений («то, что кто-то думает о том, как другие скрыто или явно выражают наличие у него желаемых качеств»). Обозначает внутрисистемный для вербальной практики феномен, который коммуниканты создают сообща, посредством оценки сказанного, исходя из ретроспективной (учитывающей прозвучавшее ранее) интерпретации речевых шагов ⁹ . Фактически предположения в отношении лица участники интеракции имеют до ее начала.
<i>Идентитет</i>	Одно из проявлений «концепта о себе» (другое выражается <i>лицом</i>); сам индивид, обладающий набором относительно постоянных признаков (социальных, психологических и т. п.). Наличие тех или иных признаков связано с выполнением некоторых условий. К примеру, носитель профессионального идентитета, юрист или врач, должен иметь вполне определенный опыт, конкретные познания, подготовку, детерминированные спецификой социального института. Исходя из дискурсивной ситуации, коммуникативных задач, индивид может сознательно ориентироваться на «незаконно присвоенный» идентитет (выдавать себя за профессионала / непрофессионала), но в целом, это не приводит к потере личностных признаков.

Второй раздел в монографии В. Шахвердовой имеет прикладную значимость, о чем свидетельствует его название – «Анализ текстов» (гл. 4–8, с. 59–141). Тут рассмотрены языковые явления, которые наиболее выразительно демонстрируют иерархию в юридическом дискурсе. Ассиметричные отношения предполагают различную установку коммуникантов – либо на доминантную позицию профессионала-судьи, либо на подчиненную позицию непрофессионала-гражданина.

Заметим, что ключевую роль в разговорном анализе отводят транскрибированному материалу. Именно такой источник считается надежным инструментом верификации. Запись должна отобразить прежде всего динамику коммуникативных событий (одновременный разговор, паузы, вздох, смех) и артикуляционные признаки звучащей речи (ударение, интонация, особое произношение)¹⁰. Примечательно, что исходным материалом для репрезентации

⁹ Ср. также: «...лицо легко ранимо, может быть потеряно и обретено, «сохранение» лица требует постоянного внимания и усилий со стороны всех членов социального взаимодействия; это стремление сохранить лицо считается универсальным. Однако некоторые действия могут угрожать лицу, угрожать индивиду потерей лица. Такие акты... называются ликоугрожающими (face-threatening acts). Индивиды прибегают к определенным методам, стратегиям, чтобы сохранить лицо – свое и других» (с. 130).

¹⁰ В рецензируемой книге текстовый материал, послуживший объектом исследования, представлен полностью – в отдельном приложении (с. 165–207). Помимо этого

правового дискурса был избран медиатекст – юридическое телешоу «Час суда» (программы транслировались на канале НТВ в сентябре 2005 г.).

Безусловно, медийная коммуникация – это социальная рефлексия на действительность, на реальное и возможное в жизни человека и общества. Но все же возникает вопрос: насколько достоверными могут быть сведения о правовом дискурсе, если их источник является производным, а не первичным (судебная процедура опосредована медийным форматом)? В защиту своего выбора венгерская исследовательница предлагает следующие аргументы:

1. Телепроект основан исключительно на реальных сюжетах: и проблемы, и доказательства настоящие.

2. Последовательность действий предписана не более, чем в иных судебных процессах.

3. Съемка велась скрытыми камерами, что указывает на естественность коммуникативных условий.

4. Судья (ведущий) – профессиональный юрист.

5. Участники-непрофессионалы – рядовые граждане (истец, ответчик, свидетели), представляющие свои или чьи-то интересы, как и предусмотрено законодательством (с. 62–64).

Важно, что при анализе медийного гипертекста было зафиксировано множество коммуникативных событий, свидетельствующих об асимметричности правового дискурса, т. е. выражающих различную позицию говорящего – властную или подчиненную. В конечном же итоге были отмечены магистральные, наиболее частотные явления, а именно:

- а) симультанная речь;
- б) контроль над темой;
- в) исправление ошибок;
- г) ирония.

Показательно, что симультанная коммуникация осуществляется при вполне конкретных условиях. Она как бы «призывает к действию процессы, направленные на прекращение проблематичного состояния» (с. 69). Желая побыстрее объясниться, в «борьбе» за слово (за речевой шаг), люди говорят одновременно – главным образом в ситуациях пресечения темы – с целью ее комментирования, дополнения, развития, либо в связи с нарушением этикетных канонов, судебного устава, или же реагируя на ликоустрашающие акты (обвинение, обличение, подозрение и др.). Напротив, когда необходимо подчеркнуть важность сказанного (тут прерогатива остается за судьей), участники интеракции менее склонны к симультанной речи. В целом, при синхро-

приводится краткое описание случаев, которые рассматривались в судебных заседаниях (с. 162–163).

низации общения для высказываний профессионала (судьи) характерна категоричность¹¹; мотивация непрофессионала (гражданина) часто реализуется как выражение готовности к сотрудничеству. Важно, что, используя формально одинаковые языковые средства, носители различного идентитета производят нетождественные – в силу конкретных намерений говорящих – коммуникативные действия (см. подробнее: с. 73–94).

Еще один важнейший атрибут правового дискурса – контроль над темой. «Тема – “явление чувствительное”», – соглашаются ученые (см.: с. 97). Кто является инициатором темы? Какова мотивация ее определенного развития? Как обладатели разного идентитета поддерживают или отвергают тему, начинают или заканчивают ее обсуждение? Какую роль играют тематизирующие речевые обороты? Ответы на эти вопросы в очередной раз проясняют тот факт, что в институте правосудия отношения между сторонами имеют асимметричный характер.

Напомним: позиции власти и подчинения детерминированы различием в правах и обязанностях говорящих; социальная роль индивида так или иначе отражается на его коммуникативной практике.

В судебном процессе инициатива темы принадлежит главным образом профессионалу. Судья решает, что именно является реальностью, воссозданной в дискурсе, т. е. какая из версий события (правонарушения) соразмерна с действительностью. Если в повседневных условиях какие-то темы не затрагиваются по обоюдному согласию говорящих, то в институте права этот принцип не действует: обсуждают то, что предписано судьей. Наблюдается полная предопределенность тем и абсолютный контроль над ними со стороны профессионального лица. В арсенале судьи – различные тактики: спецификация темы, ее пресечение или же игнорирование, управление ответами сторон (ср.: с. 96–114). Непрофессионалы принимают такие дискурсивные действия как должное.

В реализации доминантной или подчиненной коммуникативных установок не менее интересным является механизм исправления ошибок, производимый говорящими. Закономерно, что дискурс правосудия предполагает последовательный контроль над формой и содержанием языковых сообщений. И в этом – очередная привилегия профессионального лица: посредством солидарной ориентации на идентитет, приобретенный в рамках правового института, создается властная позиция личности, обладающей специальными познаниями. Необходимо подчеркнуть, что право на контроль индивид получает не как свидетель или участник события, опыт которых, казалось бы, наиболее аутентичен, а именно как профессионал, знания которого проистекают из его институциональных функций. Судья обязан представить юридически однозначное, аргументированное решение, а потому отслеживает любые неточности, постоянно корректирует сказанное. Как убеждает В. Шахвердова, особый статус

¹¹ Такое проявление властной позиции сигнализирует о том, что спонтанная дискуссия не желательна в судебном процессе – ее должно прекращать, возобновляя оптимальный ход интеракции.

в институциональном дискурсе имеют т. н. внешние исправления (исправления с внешней инициативой). Часто они конструируются по образцу «Вы имеете в виду X?», где X – элемент, предложенный для замены ошибочного. Механизм подобного контроля основан на неуверенности говорящего в правильности понимания какого-то предыдущего речевого шага собеседника (подробнее об этом: с. 116–128).

И наконец, ирония – релевантный фактор, в котором выражается асимметричность коммуникативного поведения индивидов. С какой же целью иронизируют участники судебного процесса? Какие средства используют при этом? Как в целом воспринимается скрытая насмешка?

Существенно, что маркеры иронии встречаются в репликах носителей разного идентитета. Для судьи – это средство упорядочения, структуризации интерперсонального общения, возможность направления разговора в нужное русло. Для других участников процесса – способ выражения эмоций. Предсказуемо, что со стороны и судьи, и граждан ирония используется в адрес непрофессиональных лиц как отрицательная, критическая оценка их поведения. Ирония – признак «негативной вежливости»: говорящий желает произвести ликоустрасшающий акт, но не хочет быть ответственным за это (с. 133). В анализируемом дискурсе отмеченный феномен проявляется в виде юмористических высказываний, олицетворения, гиперболы, риторических вопросов и т. п. (см.: с. 133–141).

Обобщая результаты своих научных изысканий, В. Шахвердова акцентирует на том, что факт неравноправных отношений в коммуникации является следствием социальных ролей его участников. В юридическом дискурсе подобная асимметричность порождается и поддерживается последовательно. Лицо с профессиональным идентитетом – представитель института права – воплощает власть. И языковая практика индивида, безусловно, отражает его полномочия: контролировать участников интеракции; ограничивать их действия; выдвигать предписания; игнорировать конвенциональные требования; совершать весомые ликоустрасшающие акты; оценивать компетентность собеседника; осуществлять финальную интерпретацию событий. Лицо с непрофессиональным идентитетом – рядовой гражданин, который нуждается в защите, – отдает предпочтение «смягчающим» коммуникативным стратегиям; высказывает согласие; стремится сохранить лицо; выражает готовность к сотрудничеству. Если обладающий властью не зависим от последствий своего поведения, то действия подчиненного строго регламентируются.

Стоит признать, что иерархия в человеческом обществе – не исключение, а правило. Всегда были и всегда будут, к сожалению, господствующие и угнетаемые, развитые и развивающиеся, бедные и богатые... Такова диалектика жизни, таков баланс сосуществования.

Таким образом, в книге Ванды Шахвердовой «Иерархия в дискурсе правосудия: власть и подчинение в речи профессионала и гражданина» затронуты важнейшие вопросы межличностных отношений. И выполненный анализ языковой коммуникации, реализованной в институциональной сфере, оставляет надежду

на то, что высокий профессионализм, добропорядочность, взаимопомощь имеют значительно большую общественную ценность, нежели их антинормы.

Как известно, интерперсональная речевая практика – явление осознанное. А потому крайне важно, чтобы в институте правосудия, как и в других социально значимых сферах, вербализованная действительность создавалась по принципу качества (в терминологии Г. П. Грайса): «Не утверждайте, если не имеете весомых доказательств и не уверены в истинности своих суждений».

Очевидно, что и сама лингвистическая аргументация должна соответствовать особому требованию – раскрытию глубинных механизмов языка как субстанции человеческого мышления.

Лариса ШЕВЧЕНКО – Леся ГЛИВИНСКАЯ

В. Ю. КОПРОВ 2011: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. МОСКВА. РУССКИЙ ЯЗЫК. КУРСЫ, ISBN 978-5-88337-269-7, 168 с.

Рецензируемая монография представляет собой синтез многолетнего преподавательского опыта как с русскими, так и с англоговорящими студентами по синтаксису английского и русского языков профессора Воронежского государственного университета. Автор ставит перед собой цель сопоставить синтаксис русского и английского языков в системно-структурном и семантико-функциональном планах, фокусируя на типологические различия. Книга таким образом предназначена для довольно широкого круга читателей: она адресована учащимся филологических факультетов, будущим переводчикам и преподавателям русского и английского языков.

Композиция пособия соответствует поставленным задачам: оно состоит из трёх частей, которые дальше подразделены на отдельные главы.

В четырёх главах первой части заложена теоретическая база исследования. В первой главе изъясняются основные синтаксические понятия (предложение, высказывание, синтаксическая конструкция), и представляются разные подходы языковой типологии (традиционный, логико-грамматический, ситуативный). Применяемой теоретической базой служит русская версия функциональной грамматики, семантико-функциональная модель. Выбранная база отвечает поставленным целям, ведь рассматривается в ней «выражение одних и тех же семантических структур различными языковыми средствами» [АШПАРОВА 2012: 10].

Во второй главе даётся краткий обзор концепций типологии предложения русского и английского языков. Для реализации этой цели первым шагом является определение минимального состава предложения в отдельных языках. Данная проблематика имеет долгую традицию в научной литературе обоих языков. Относительно определению минимального состава русского простого предложения бытуют три концепции: 1. концепция предикативного минимума

2. теория информативного или номинативного минимума и 3. так называемые неконфронтационные концепции.

Что касается классификации разных типов английских простых предложений, в англистике обнаруживается чрезвычайно многообразие концепций и подходов к описанию простого предложения [QUIRK 1982, ЛЕВИЦКИЙ 2003]. В целях описания семантико-структурного устройства русского и английского простого предложения автор опирается на идею информативного минимума.

Как показывает описание разных типов русских и английских простых предложений, существуют разные аспекты устройства предложения. Они вкратце излагаются в третьей главе. Автор перечисляет семь аспектов устройства предложения: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический. С точки зрения анализа устройства предложения упомянутые семь аспектов распадаются на две группы, на системно-языковую (которая содержит номинативный, номинативно-релятивный и частично предикативный аспект) и на речевую (включающую в себя целевой, частично предикативный, актуализирующий, стилистический, эмоционально-экспрессивный аспекты) группу. В целях дальнейшего исследования в рамках теории семантического синтаксиса учитывается системно-языковая группа аспектов устройства предложения.

В заключительной главе первой части пособия автор обсуждает вопросы синонимии. Интерес к вопросам синонимии возрос с разработкой функциональной грамматики. Использование, определение различий между синонимичными конструкциями представляется затруднительным для носителей русского языка. Рассматриваются критерии синонимичности, такие понятия как перифраза, синтаксический синоним, вариант, семантико-функциональное поле.

Вторая часть монографии предназначена для семантико-структурного сопоставительного анализа русских и английских простых предложений.

Семантическую структуру предложения составляет совокупность предметных актантов и признаковой компонент. В семантике предложения разграничиваются три уровня описания: типовое значение, инвариантная семантическая структура и так называемый лексико-грамматический вариант инвариантной семантической структуры.

Типовое значение является языковой универсалией и выражает структуру предметных ситуаций. Оно может служить основой для типологии синтаксиса неблизкородственных языков. Анализ семантики предложений должен вестись на каждом из указанных выше уровнях.

Во первых двух главах данной части автор опирается на номинативный аспект исследования. У этого аспекта выделяются два подаспекта анализа: ситуативно-структурный (который применяется к анализу в первой главе) и релятивно-структурный (применяемый во второй главе).

Согласно ситуативно-структурному подаспекту строение предложения рассматривается отражением предметной ситуации. Предложения дифференцируются по семантике и количеству предметных/ актантных компонентов, по принадлежности признакового компонента к той или иной части речи, и

по принадлежности компонентов к тому или иному лексико-грамматическому разряду. В соответствии с критерием количества актантов различаются одноактантные, двухактантные, трёхактантные и четырёхактантные.

Поскольку одно типовое значение может объединять несколько инвариантных семантических структур (далее ИСС), для разграничения ИСС используется принадлежность к части речи. В русском и английском во многом совпадают частеречные классы: номинативный, вербальный, адъективный, нумеративный, партиципальный.

На основе структурных схем различаются 8 типов простого предложения в обоих языках. Показано, что в ситуативно-структурном подаспекте устройства предложения между русскими и английскими предложениями существует много общего.

Кроме сходств автор обращает внимание и на явление несовпадения количества актантов в двух языках. (Ужинали дома. - They had supper at home.) Данное явление восходит к разным причинам (замене признакового компонента двумя компонентами, расхождению в способах номинации событий).

Раскрытие межъязыковых различий осуществляется во второй главе, сопоставлением синтаксиса языков при помощи релятивно-структурного подаспекта.

Релятивно-структурный подаспект устройства предложения составляют грамматические категории личности/ безличности, подлежащности/ бесподлежащности, залоговости и определённости. Данные категории тесно взаимосвязаны друг с другом. Во второй главе упомянутые категории отдельно рассматриваются и сопоставляются.

Самыми своеобразными представляются категории личности/безличности и подлежащности/бесподлежащности. В русском существуют обе категории. Безличность представлена особой группой глаголов, обозначающих явления природы. Бесподлежащные могут быть и личными (Звонят) и безличными (Вечерет) (28). Однако, для типологии английского предложения оппозиция подлежащности/ бесподлежащности не является релевантной, поскольку все предложения являются подлежащими. Всегда присутствует лишь пустое, формальное подлежащее *it*. Поскольку признаковый компонент в таких предложениях согласуется с *it*, они считаются безличными. Таким образом безличность в английском выражается не грамматически, а лексически (*It is cold.* 28).

Категория залога является универсальной в языках номинативного строя, таким образом в обоих языках существует оппозиция действительный-страдательный залог. Различия наблюдаются в морфологическом выражении категории. В русском пассивное значение выражается двумя конструкциями: вербальной (Книга читается девочкой. 33), партиципальной (Игрушка сломана мальчиком. 33), а в английском категория залога представлена одной формой - партиципальной конструкцией (*The toy was broken by the boy.* 34). Также показано, что категория залога в английском отличается от русской более широкой формой функционирования. В то же время в русском семантико-функциональное поле залоговости включает в себя взаимные (Он обнялся с братом.

37) и возвратные формы глагола (Мел пачкается. 37). Данные оттенки залоговых значений в английском выражаются лексическими средствами (самим глаголом или местоимениями ((John dressed (himself) They kissed (each other) 41)).

Схема релятивно-структурного аспекта устройства предложения и результаты типологического сопоставления по этому подаспекту суммированы в схеме и таблице (50-52).

В третьей главе даётся обзор категорий предикативного аспекта предложения в исследуемых языках, т. е. модальности, вида, времени и лица (персональности).

Модальность в обоих языках выражается грамматическими (наклонения) и лексическими (модальными словами, глаголами, частицами) средствами и интонацией. Модальность недействительности в английском выражается четырьмя наклонениями, пока в русском одним.

Категории вида и времени трактуются вместе, ведь они исторически взаимосвязаны. Даётся исторический обзор видо-временной системы в двух языках, и также представляется современная система вида и времени в двух языках.

Относительно категории лица языки отличаются способом выражения: в русском она находит выражение при помощи личных окончаний, а в английском личными местоимениями.

В четвёртой главе даётся синтез изложенных в предыдущих главах принципов. При семантико-структурной классификации предложений русского и английского языков учитываются количество актантов, частеречный тип признакового компонента, грамматические признаки актантов и семантическая структура. По этим критериям автор различает 18 типов структур: одноактантные номинативные, адъективные, нумеративные, вербальные, партиципиальные, двухактантные адъективные, вербальные и партиципиальные, трёхактантные вербальные и партиципиальные и четырёхактантные вербальные и партиципиальные предложения.

В третьей части автор фокусирует на вопросы перевода, поскольку синтаксис двух языков сопоставляется в семантико-функциональном плане. Особое внимание уделено полям физического воздействия субъекта на объект, локализации и посессивности. Изучается синонимия простых и сложноподчинённых предложений, выражающих причинно-следственные и временные отношения. Рассмотрены особенности официально-делового стиля двух языков.

Первым шагом рассматривается актуализирующий аспект высказывания. Самым важным средством выражения актуального членения является порядок слов. Представляются примеры для прямого/нейтрального и инвертированного/обратного порядка в обоих языках. Показано, что для каждого компонента синтаксической структуры имеется нейтральная и актуализированная позиция (Как например для локализатора начинающая позиция не является нейтральной: In the corner stood a table set for three. - В углу стоял сервированный на троих столик. 85). Общеизвестным представляется, что сопоставляемые языки отличаются тем, что в русском порядок слов является относительно свободным, а в английском — фиксированным.

Во второй главе для более чёткого семантического сопоставления перечислены инвариантные семантические структуры (ИСС) языков. Рассмотрены 12 таких структур. Результаты сопоставления семантико-структурных типов предложений обобщены в таблице (109). Очевидно, что анализируемые ИСС в русском находят выражение вдвое большим разнообразием конструкций чем, в английском.

В третьей главе подробнее рассматриваются три важнейших семантико-функциональных поля (СФП) предложений с типовым значением «отношение между двумя субстанциями»: СФП физического воздействия, локализации и посессивности. Изучаются глагольные формы, выполнение актантных позиций, актуальное членение, дополнительные значения

В последней главе автор обращается к проблемам синонимии простых осложнённых и сложноподчинённых причинно-следственных и временных предложений (т. е. рассматривается разница между конструкциями типа: Переходя улицу, внимательно смотри по сторонам. - Когда переходишь улицу, внимательно смотри по сторонам.). Данные конструкции представляют интерес, поскольку они являются синтаксическими синонимами. Перечисляются факторы, влияющие на выбор тех или иных конструкций в двух языках. Показана и частота использования отдельных конструкций в процентном отношении в изучаемых языках. (144)

Заключающая глава стоит особняком в монографии, ведь здесь изучается особый функциональный стиль - синтаксис официально-делового стиля. Сопоставляются основные параметры русского и английского официально-делового общения. Автор обращает внимание на то, что из-за универсальности задач имеются универсальные черты данного стиля (формально-логическое изложение информации, лаконичность, однозначность терминов). С другой стороны, данный стиль характеризуется и особенностями, вытекающими из типологии языков или из национально-культурных характеристик носителей.

В конце монографии дается значительный список рекомендованной по теме русско- и англоязычной литературы.

Следует, однако, сделать несколько критических замечаний о монографии.

Хотя проведённое исследование является несомненно полезным и ценным, обращает на себя внимание недостаточное изложение материала. Монография является учебным пособием, адресованным и иностранным студентам и переводчикам. Соответственно этой цели, например в конце каждой части приводятся вопросы и задания для самоконтроля. Поэтому логичным было бы в первой части подробнее представить теоретическую базу исследования (т. е. семантико-функциональную грамматику), ведь незнакомым с данной теорией читателям пользование монографией является значительно затруднительным. Тем более, что англоговорящие студенты осведомлены в западных версиях функциональной грамматики (см. труды ГИВОНА). Целесообразным было бы провести функциональный сопоставительный анализ английских и русских предложений в рамках референтно-ролевой грамматики. Данная теория делает возможным

одновременное изучение синтаксической, семантической и прагматической сторон конструкций и их типологическое сопоставление. [ВАН ВАЛИН, ЛАПОЛЛА: 1997]. Представляется интересным, что автор оставил данные подходы без внимания, хотя в библиографическом указателе встречается ссылка и на них.

При трактовке отдельных проблем рассуждения автора на первый взгляд не всегда являются ясными. Это происходит от того, что отсутствуют введения и обобщения в начале и в конце отдельных структурных единиц. Тоже затрудняет понимание, что схемы и таблицы часто не снабжены развёрнутым объяснением.

Недоразумения может вызвать употребление термина «определённость» во второй части монографии. Категория определяется автором следующим образом: «Функциональная сущность данной категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления семантических актантов в составе предложения» (42) В языковой типологии данный термин ассоциируется с детерминизацией имён с помощью артиклей (например в английском и венгерском) или постфиксов (в болгарском). Трактовка проблем эксплицитного/имплицитного выражения актантов является закономерной для теории перевода, ведь она вызывает лексические преобразования, однако исследование данного явления считается проблематичным со стороны синтаксиса, ведь опущение актантов часто возводится к проблемам эллипсиса (Для разграничения грамматического нуля и эллипсиса см. МЕЛЬЧУК 1979: 246).

Монография имеет теоретический характер, но сопоставление русских и английских конструкций осуществляется множеством примеров. Автор следует принятой в России традиции в том смысле, что часть примеров взята из текстов художественной литературы. Однако язык художественной литературы представляет особый регистр языка и он часто является отдалённым от разговорной речи. В этом отношении лучше было бы следовать традиции работ по теории перевода [БРЕУС 2000, КЛАУДИ 2007] или западных синтаксических трудов и взять примеры из текстов современной периодики, поскольку они лучше отражают литературную норму. Также, в этом регистре имеются параллельные корпуса.

На некоторых местах имеются неточные переводы (см. Правильный ответ был только один. - The correct answer was the only one. 91) и остались ошибки в английских переводах (The Danube is longer than Tisa. 95).

Несмотря на вышеупомянутые недостатки, монография заполняет известный пробел, поскольку существуют мало работ по сопоставительному синтаксису английского и русского языков, и также является ценной работой в области теории перевода.

Литература

- АШРАПОВА, А. Х. 2012: К вопросу функционального синтаксиса в разноструктурных языках (в аспекте сопоставительного изучения языков. // Филология и культура. 27/1. 9-12.

- БРЕУС, Е. В. 2000: Основы теории и практики перевода с русского на английский. Издательство УРАО.
- ВАН ВАЛИН, Р. Д., ЛАПолЛА, Р. 1997: Van Valin, R. D., LaPolla, D. Syntax: Structure, Meaning and Function. CUP. Cambridge
- КВЭРК, Р. 1985: Quirk, R. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, London, New York.
- КЛАУДИ К. 2007: Klaudy, K. Nyelv és fordítás Tinta Könyvkiadó, Budapest
- ЛЕВИЦКИЙ, Ю. А. 2003: Основы теории синтаксиса. Издательство Пермского Университета, Пермь
- МЕЛЬЧУК, И. А. 1979: Syntactic or Lexical zero in Natural Language // Proceedings of the fifth annual meeting of the Berkeley Linguistic Society. 224-260.

Beáta GYÖRFI

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА АКИШИНА - ХИРОКО КАНО «СЛОВАРЬ РУССКИХ ЖЕСТОВ И МИМИКИ» 2-Е ИЗД., МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО ООО «РУССКИЙ ЯЗЫК», ISBN 978-5-88337-108-9, 2015. 208 с.

В настоящее время лингвисты уделяют большое внимание вопросам невербальной коммуникации, так как невербальные средства играют значительную роль в процессе общения. В число невербальных компонентов принято включать кинетику и проксемику. К кинетическим компонентам речи относятся жесты, мимика, позы, телодвижения.

Язык жестов богат, он выражает эмоции и значения, жесты сопровождают, дополняют, а также уточняют речь. Мимика и жесты, как и языковые единицы, служат символическими знаками и образуют словарь языка тела.

В российской литературе авторы, публикующие по теме невербальных компонентов, в основном опираются на работы Т. Николаевой, Г. Колшанского, Е. Земской, Т. Холоповой и М. Лебедевой. В их работах описываются аспекты невербальной проблематики, например, особенности невербальной коммуникации японцев в связи с культурной спецификой их коммуникации и в сопоставлении с невербальной коммуникацией русских. Также дается стилистическая характеристика жестово-мимических средств японцев и невербальный и речевой этикет японцев (в официальном, деловом и бытовом общении). В центре внимания стоит отношение жестов и мимики к языковым средствам (лексике и фразеологии), или же проблемы невербального общения между русскими и японцами. Таким образом, российские ученые уделяют большое внимание вопросам русско-японской невербальной и межкультурной коммуникации.

Основные словари по русским жестам и мимике в сопоставлении с японскими были созданы японским и российским авторами А. Акишиной и Х. Кано, авторами данной монографии. «Словарь русских жестов и мимики» («Росиаго мибури-гэнго дзитэн», Токио, 1980) был первым в мировой практике систематическим описанием русских жестов и мимики. Словарь содержал около 400 единиц жестов и мимики и около 90 иллюстраций. В 1997 году

в Японии вышло дополненное издание этого словаря на японском языке («Росиаго дзэсутя: хе:гэн дзитэн», Токио, 1997), содержащее 450 единиц жестов и мимики, и несколько отличающееся от предыдущего издания. Сравнение русских жестов с японскими несколько было сокращено. Настоящая работа (состоящая из 349 единиц) является переработанным изданием словаря 1997 года, и главная разница, что она направлена не на сопоставление значений русских жестов и мимики с японскими, как раньше, а целью является предоставить толковый словарь с описанием русских жестов с их значениями. Авторы представляют свой словарь как «лексикографическое описание устойчивых вербальных единиц (речений), называющих кинетические невербальные знаки, то есть жесты, мимику и позы. Цель книги - дать описание жеста (физического действия) и его значение, показать, как вербальная единица, передающая жест, употребляется в речи».

Книга состоит из предисловия, трех разделов, алфавитного указателя и приложения с развернутым комментарием о дефиниции жеста, о жестах у разных народов, о невербальном поведении русских. В конце словаря также отдельно освещаются вопросы о жестах и мимике в связи с их функциями, даются общие сведения о частях тела, принимающих участие в жестикуляции.

В «Предисловии» объясняется выбор темы, определяется цель исследования, а также даются основные теоретические положения. В трех разделах «Жесты», «Мимика» и «Обряды, приметы, суеверия» словарные статьи состоят из речения, описания жеста, потом дается толкование значения жеста и его возможное словесное сопровождение. Потом приводится пример из художественной литературы или же дается авторский пример. Если жест закреплен в фразеологизме, то приводится сам фразеологизм с его значением и примером.

Материал первых двух разделов сгруппирован по названиям основных частей тела, участвующих в выполнении жеста. Внутри групп материал расположен по алфавиту словесных обозначений жестово-мимических единиц. Примеры приведены главным образом из русской литературы XIX-XX веков, из работ таких авторов как Л. Леонов, Ф. Достоевский, Г. Тропольский, М. Шолохов, И. Гончаров, В. Беляев, Л. Толстой, А. Чехов, И. Тургенев, А. Малышев, Б. Можаяев, Н. Гоголь, М. Булгаков и др. Приведенные примеры повышают качество работы, так как наименее разработанная часть проблематики, связанной с невербальными средствами выражения, это отражение жестового поведения в художественном тексте. Здесь требуется комплексный подход, художественное изображение охватывает не только вербальную речь, но и взаимодействующие с ней жестовые и мимические элементы, используемые коммуникантом. Происходит передача средств одного кода (паралингвистического, неязыкового) средствами другого (лингвистического, языкового), включение одной семиотической системы в другую.

На краях страниц эпизодически приводятся ссылки на практические правила поведения, с примерами (например, правила русского этикета рукопожатия). Это очень ценная информация, ведь пока основные коммуникативные жесты во всем мире универсальны, многие невербальные компоненты общения представляются специфичными для каждой культуры. Общепринято,

люди, чем более южного происхождения, тем энергичнее жестикулируют, и тем богаче их мимика и язык жестов. Почти во всем мире кивок означает "да", покачивание головой из стороны в сторону означает «нет». Однако, даже у близких друг к другу народов некоторые жесты имеют прямо противоположное значение. (Известно, что в Болгарии головой качают в знак согласия, а кивают – в знак несогласия.)

Словарь представляет жесты, выражающие целый ряд эмоций: размышление, смущение, растерянность, неловкость, одобрение, радость, недовольство, горе, отчаяние, ожидание, волнение, беспокойство, уверение, отчаяние, задумчивость, обдумывание, благодарность, свободу, гордость, независимость, просьбу, сосредоточенность, послушание, внимание, размышление, отказ, раздумье, удовольствие, гордость, нервозность, удивление, забывчивость, гнев, раздражение, несогласие, скрытое волнение, одобрение, решительность, категоричность, беспомощность, безвыходность. К некоторым словарным статьям дается источник (например, «хватать/схватить себя за волосы», жест, выражающий горе, отчаяние – жест, оставшийся от обряда оплакивания умерших). В статьях дается и справочник, какой пол, какие слои общества, в каком возрасте пользуются данным жестом (например, в случае жестов приветствия). Очень интересны статьи, в которых жесты переключаются с фразеологизмами (например, «хлопать/хлопнуть рукой по шее» → «сидеть на шее»: быть в тягости).

Мы могли бы привести еще много примеров. Ценность словаря состоит в том, что дает «ключ» в эпохе, когда люди путешествуют по миру не только в отпуск или по бизнесу, но они проводят много времени за рубежом с целью стажировки, работы. Чтобы ассимилироваться, приспособиться к новым обстоятельствам, необходимо знать культуру данной страны, правильно понимать не только слова, но и жесты, поведение, чувства, ритуалы, позы, желания. Переводчикам также необходимо понять сигналы тела окружающих людей для правильной передачи информации. В то же время, и лингвист, держа словарь в руках, чувствует, что это методологически уникальная книга, ведь жанр невербального словаря неординарный. Словарь способствует повышению эффективности коммуникации, в результате чего облегчает освоение особенностей невербального общения.

Литература

- АКИШИНА 1991: Акишина, А. А., Жесты и мимика в русской речи. Москва: Русский язык.
- Земская 1983: Земская, Е. А., (отв. ред.) Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Москва: Наука.
- КАНО–АКИШИНА 1980: Кано Х., Акишина А.А., Росиаго мибури-гэнго дзитэн. Токио
- КАНО–АКИШИНА 1997: Кано Х., Акишина А. Росиаго дзэсуя: хе:гэн дзитэн. Токио.
- НИКОЛАЕВА 1969: Николаева, Т. М., Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста. // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. Москва

- КОЛШАНСКИЙ 1974: Колшанский, Г.В., Паралингвистика. Москва: Наука.
- КРЕЙДЛИН 1999: Крейдлин, Г.Е., Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Москва: Индрик, с. 170-186.
- КРЕЙДЛИН 2002: Крейдлин Г. Е., Невербальная семиотика. Москва: Наука.
- ХОЛОПОВА–ЛЕБЕДЕВА 1995: Холопова Т. И, Лебедева М. М., Протокол и этикет для деловых людей. Москва, Изд. центр «Анкил»: ИНФРА

Приложение

Образец словарной статьи:

ГЛАДИТЬ, погладить ПО ГОЛОВЕ (по волосам, по щеке, по лицу) *кого*
ВОДИТЬ, проводить провести РУКОЙ ПО ГОЛОВЕ *чьей* (по волосам *чьим*)
△ Ладонью проводят (один или несколько раз) по голове или щеке другого человека.

○ Ласка, одобрение. Утешение, сочувствие. Употребляется по отношению к детям или между близкими людьми. В других случаях приобретает фамильярно покровительственный характер.

⊙ Может сопровождаться выражениями: «Молодец!», «Умница!», «Не бойся!», «Ну- ну!», «Ничего!», «Всё пройдёт», «Ничего страшного» и т. д.

□ [Марина (гладит её по голове:)] Дрожит словно в мороз! Ну, ну, сиротка, бог милостив. Липового чайку или малинки, оно и пройдёт... Не горюй, сиротка... А. Чехов. Дядя Ваня. Серёжа! – сказала она. Серёжа! – И опустила золотистую голову на руки. Большой, с набухшими жилами рукой он осторожно провёл один раз по её голове и руке. А. Фадеев Молодая гвардия. Бабушка почувствовала мою застенчивую ласку..., не спугивала, не мешала мне, просто гладила по голове, чем ещё шибче разнежила. В. Астафьев. Последний поклон. Он погладил сына по седой голове и сказал: - По сути, ты человек добрый и хороший. Ю. Трифонов. Старик.

◇ Гладить погладить по голове (по головке)

△ - описание жеста

○ – толкование значения

⊙ - словесное сопровождение

□ - примеры

◇ - фразеологизмы

полужирный шрифт – основной вариант

через косую черту – совершенный вид

в круглых скобках – лексические варианты

в квадратных скобках – факультативные компоненты

Krisztina KISSNÉ KOVÁCS

**МАКСИМ Д. ШРАЕР: БУНИН И НАБОКОВ. ИСТОРИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА.
МОСКВА, 2015. АЛЬПИНА НОН ФИКШН ISBN 978-5-91671-362-6, 222 с.**

Сборник Максима Д. Шраера «Бунин и Набоков. История соперничества» сразу поражает читателя своей пленительной обложкой, с которой обращены глаза литературных великанов — глубокий взор Бунина на закате своей жизни и тонкий взгляд Сирина в расцвете своих лет. Но то, что по истине поражает и вызывает приятный внутренний трепет — это выразительные взгляды, которые, хотя лица прозаиков в похожем положении, обращены в непримиримо другую сторону.

Проблематика развития отношений между этими исполинами русской литературы XX-ого века является одним из самых загадочных вопросов в литературоведении. Работа Максима Д. Шраера без сомнений основана на глубоком знании истории русской эмиграции и тщательном изучении огромного количества архивных материалов, на основании которых впервые публикуется книга, включающая в себя переписку Бунина и Набокова, дневниковые записи писателей и комментарии свидетелей к их взаимоотношениям. Это способствует тому, что его исследование становится в крайней степени уникальным — непоколебимая непредвзятость и объективность исследователя-набоковеда, благодаря которой читатель получает единственный в своем роде материал, объективно раскрывающий путь дружбы и соперничества прозаиков, вместо банального и неуместного обвинительного акта или мольбы любой из сторон.

Исследовательская работа, рассматривающая литературное соперничество, всегда основана на перспективе литературной эволюции, «по образцу» которой явление соперничества обычно основано на механизме портящихся отношений учителя и ученика или на конфликте современников. Шраер находит во взаимоотношениях Бунина и Набокова конфликт бывшего учителя и ученика, произведения которых часто публиковались в одних и тех же журналах («Современные записки», «Новый журнал», «Руль», «Издательство им. Чехова») и пользовались поддержкой тех же самых издательств («Слово», «Петрополис»), он также принимает во внимание теорию формалистов о том, что «писатели реагируют на своих литературных „дядей”» (9. с.). Поэтому в своей книге М. Шраер раскрывает и описывает подлинную историю пятидесятилетних взаимоотношений писателей как личных, так и литературных, охватывающих в себе путь от истинной дружбы «прилежного ученика» и «великого мастера» (49.с.) к взаимной нетерпимости.

«Если Вам попались в газете «Руль» стихи моего сына (подпись «Cantab»), черкните мне Ваше мнение о них.» (30. с.) — предыстория знакомства писателей начинается этим письмом Владимира Дмитриевича Набокова к семейному другу Бунину. На основе раскрытых материалов (переписки писателей, дарственных друг другу надписей книг, дневниковых записей их семьи и современников), первый период связи начинающего писателя Сирина и тогда уже

прославленного прозаика Бунина можно характеризовать как отношения учителя и ученика (или литературного дяди и племянника), который длился приблизительно до вручения нобелевской премии Бунину в 1933 году.

После нескольких лет «литературного ученичества», уже в 30-ых годах звучат первые «нотки раздражения» (64. с.) в бунинских кругах, начинается период соперничества писателей. В это время, после двенадцатилетней переписки, состоялась их первая встреча в Берлине, на вечере в честь получения Нобелевской премии Буниным, где выступает «талантливейший из молодых зарубежных писателей» (85. с.) – Сирин. Снимок этой встречи, — на котором «Бунин и Набоков стояли на сцене бок о бок, как две звезды русской литературы» (85. с.) — публиковался с подписью: «Два поколения русской литературы» (85. с.). Итак, перед публикой уже стоят не только один из молодых поэтов и его наставник, а новый лидер литературы молодого поколения и король эмигрантской литературы старшего поколения. В течении последующих лет дружеское отношение писателей постепенно превращается в «скрыто-нескрытную» враждебность, хотя их литературные связи по-прежнему сохраняются и их переписка — несмотря на ее сильно изменившийся тон — продолжается.

Апогеем соперничества считаются 1930-40-ые годы. По мнению М. Шраера, этот период взаимоотношений писателей основан на четырех главных аспектах. Шраер выделяет роль смерти в повествовании обоих писателей: в бунинской прозе смерть появляется как «прием построения концовки рассказа» (159. с.), где она происходит «в высшей точке любви и счастья главных героев» (160. с.). Набоков высказывал на этот счет довольно презрительное мнение, в частности, в его письме к Адамовичу: «Характерно, что они все умирают, ибо почти все равно, как кончить, а кончить надо» (160. с.). Следующая проблема касается метафизики в творчестве писателей: пока «Бунин вовсе не стремился создать в своих произведениях альтернативные модели мироздания» (160. с.), Набоков, напротив, «в своих рассказах строит различные модели того, как выглядит мир иной» (161. с.). Из второго вопроса следует, что по бунинскому представлению «судьба абсолютно непостижима для человеческого разума, она — подобна любви — иррациональна и переворачивает наше привычное и инстинктивное тяготение к ясному будущему» (161. с.). Позиция Набокова в этом вопросе также противоречит бунинской, поскольку в его произведениях «текстура человеческой жизни есть только «развитие и повторение тайных тем в явной судьбе», «потусторонние узоры проступают в трещинках и пробелах повседневной жизни (яви), судьба как и смерть становится вопросом литературной техники, «приемом» (162. с.). Четвертым моментом Шраер ставит вопрос «о значении памяти в произведениях писателей» (162. с.), в котором авторские мнения опять несовместимы. В произведениях Бунина «у памяти нет заданной структуры, и очертания воспоминаний часто зависят от индивидуальных свойств того, кто вспоминает, и от обстоятельств, при которых происходит акт вспоминания» (163. с.). У Набокова «воспоминания почти всегда находятся под жестким контролем автора/рассказчика», они имеют крайне

важную роль в момент целостности, способствуя созданию «космической синхронизации» (163. с.).

Кроме этих вопросов существует еще один фактор, который осложнял непростые отношения писателей. Необходимо принять во внимание, что эмиграция как образ жизни всегда связана с личной трагедией и огромными потерями, а для писателей она одновременно означает и оторванность от широкой русскоговорящей публики. Эта ситуация поднимает один из важнейших вопросов русской эмиграции — «возможно ли создать и сохранить литературную культуру отдельно от ее органической языковой среды?» (22. с.) —, который станет все более и более тревожным с приближением Второй мировой войны и осознанием невозможности возвращения в Советский Союз.

Набоков, с одной стороны, понимает, что нельзя больше оставаться в Европе из-за возрастающей угрозы фашизма — пришло время спасти свою семью, т. е. вывезти ее с континента и опять эмигрировать в неизвестную страну. Но, с другой стороны, он как писатель, уже перед этими историческими событиями чувствует безвыходность образа жизни эмигрантов, как это в какой-то мере проявляется в его романе «Машенька»: там Ганин прощается не только с бывшей любовью, а с Россией и даже своей русской частью.

В ходе изучения дальнейших жизненных путей Бунина и Набокова нельзя забывать о том, что — как жена Бунина замечает в своем дневнике, — Набоков был «дома в четырех языках» (47. с.), а владение Бунина иностранными языками было далеко не таким совершенным. Об этом свидетельствует тот факт, что рекомендательное письмо (необходимое для места лектора в Англии или в Америке) Набоков составил сам себе по-английски, а Бунин потом просто подписал. Таким образом, Набоков хоть и был вынужден покинуть Европу, но он действительно имел шанс построить жизнь в Новом свете, в то время как у Бунина не было ни мотивации, ни возможности «начинать вновь» свою жизнь. Так получилось, что бывшие «литературные родственники» на 1940-ые годы «стали соседями по коридору чужой культуры». (140. с.)

Сирин с семьей уехал в Америку, пересекая не только границу Нового Света, но и границу языков: он превращался из русского эмигранта в американского прозаика Набокова — история постоянного изгнания закончилась. Бунин остался во Франции, планировал опубликовать свой последний шедевр — «Темные аллеи», с надеждой взять реванш над Набоковым — так начался последний акт их дуэли.

В последней части шраеровской работы показываются всевозможные сходные черты в произведениях Бунина и Набокова или отсылки в романах друг к другу (например бунинский рассказ «Генрих» и рассказ Набокова «Весна в Фиальте», «Убедительное доказательство» и «Другие берега», «Пнин» и «Ада или радости страсти», «Говори, память» Набокова), указывая на то, что, хотя эпоха их личного отношения завершилась, литературный диалог между ними поднялся на новый уровень.

Последний шанс на личную встречу представился на вечере в честь 80-летия Бунина. Организатором вечера был Марк Алданов, который хорошо знал

обе стороны и пытался стать «гипотенузой» в состоявшемся «треугольнике». Работа Шраера со всех сторон показывает эту ситуацию: почти умоляющую просьбу Алданова к Набокову, в которой он просит его «если есть какая-то возможность, не отказываться» (168. с.) от выступления, письмо тяжелобольного Бунина к Алданову, в котором он пишет «... я буду очень благодарен В. В. Набокову-Сирину, если он прочтет что-нибудь мое на этом вечере. Передайте ему, пожалуйста, мой сердечный поклон» (168. с.). История завершилась решительным отказом Набокова, в котором он назвал Бунина человеком, который «по складу своему ему чужд» и прозаиком, который «стоит ниже Тургенева» (168. с.), а также предложением переслать Бунину свою поддержку для приезда в Нью-Йорк. Последний представитель классической русской литературы умер в 1953 году, оставив после себя «племянника», до конца своей жизни отрицавшего его влияние.

Исследование Максима Шраера рисует подлинную картину загадочной личной и литературной связи двух выдающихся фигур русской эмиграции. С помощью книги разворачивается история эмблематичного соперничества, полного эмоций, взлетов и падений, ярких успехов и болезненных провалов, которая одновременно оказывается неисчерпаемой темой в литературоведении и формирует своеобразный миф о дуэле поколений.

Enikő LOSONCZI-BAGOLY

SZVÁK GYULA (SZERK.): A MI RUSZISZTIKÁNK: TANULMÁNYOK A 20/25. ÉVFORDULÓRA. RUSZISZTIKA KÖNYVEK XL. BUDAPEST, RUSSICA PANNONICANA, 2015. ISBN:978-963-7730-97-9, 415. P.

Russian studies in Hungary, rooting back to decades of tradition, are carried out in several locations in the country. Scientific research of the history of Russia is now conducted within institutionalized form, with workshops centred in Pécs, Szeged, Szombathely and Budapest, the last of which is of specific importance. The most prominent scene of Russian studies in Hungary is the Centre of Russistics at Eötvös Lóránd University (ELTE), which celebrated its 20th anniversary this year. In fact, it was a double anniversary, since year 2015 was also the 25th anniversary of the Institute of Russistics, the predecessor or founder-institution of the Centre of Russistics. In honour of this double anniversary a volume of essays „*Our Russistic Studies*” – edited by professor Gyula Szvák – was published last year, as the 40th issue of Russian Studies Publications.

The compilation is well-edited in its structure: beyond its thematic classification, it also has a balanced chronological build-up. Thus it is structured around five basic units: 1. *Studies in Historiography*, 2. *History of Middle- and Early Modern Age*, 3. *Modern history*, 4. *History of the Soviet era*, 5. *Russian Language and Cultural History*. The volume contains works of twenty authors altogether, where along with the works of noted Russicists the youngest generation has also been given an opportunity

to present their research. The compilation contains essays of six young researchers who at the moment carry out their postgraduate studies.

The first unit contains three works on historiography. Gyula Szvák's study „*The Budapest School of Russian Cultural Knowledge*” presents the history and involvement, as well as the characteristic features of the Budapest branch of the Russian studies research in Hungary. In the historical review the development of the institutionalized background is of specific importance. As part of this, besides presenting the establishment of the Institute of Russistics and the Centre of Russistics, the author also focused on the work of the MTA-ELTE Research Group of Russistics operating with the collaboration between the Hungarian Academy of Sciences and Eötvös Lóránd University. Besides, the author emphasizes the significance of the Department of Russistics at ELTE, accredited in 2010, as well as the ELTE's PhD-program on Russistics, launched the same year, with their significant role in both educating junior researchers and in safeguarding the traditional values of Russian studies in Hungary. Gyula Szvák shows the most important trends of research on Russian studies within various periods of Hungarian historiography. Finally, he presents a detailed overview of the major tendencies in the works of scholars connected to the Budapest research school of Russistics. As second within the historiography works, we must highlight Alexandra Medzibrodzky's critical analysis of F. Duchinski's theory. In her theoretical work, the Polish-born historian and ethnographer presents the differences between the Aryan Slavs and the Turanian Muscovites. The author points out that while Polish and Ukrainian people, being genuine Slavs, belong to the group of high ranking nations of Europe, Russians are not classified among those, since, as he believes, they are in fact not Slavs, but belong to the group of Turanian people. Besides analyzing Duchinski's line of thoughts, as opposed to Duchinski's beliefs, Alexandra Medzibrodzky also presents the assessment of the reflections on Duchinski's works formulated by his contemporaries, the Russian historian N. I. Kostomarov and the Polish linguist Jan Baudouin de Courtenay.

The latest tendencies of the Russian historiography are outlined by the study of Szabolcs Suhajda, who summed up the latest tendencies through the example of the thematic changes that took place in the scientific journal „*Rosijskaja istorija*” (Russian history). In his work Szabolcs Suhajda focused on the period of the editor in chief Andrej Medushevsky (2007–2012), as well as on the changes experienced after he left and during the transitory period.

The second part of the volume concentrates on Middle- and Early Modern Age. Sándor Szili in his treatise investigated the incidence and the way of occurrence of the word 'kagan', reflected in the title of Kiev sovereigns in the 11th century. There are many historiographic points of view in the subject, however no consensus has been reached on form the title was used related to the Old East Slavic monarchs, therefore, the author attempts to clear up the topic by assessing the available contemporary sources and texts. Gábor Gyóni has chosen a topic from the Middle Ages: “*Oleg Svyatoslavich: Fault Lines and Choices of Value.*”, and focuses on the history of Rus during the 11th and 12th century, more specifically the period of the fights between the Kiev Grand Prince Vladimir Vsevolodovich Monomakh and Oleg

Svyatoslavich, and the Olgovichs. In his study the author points out that beyond the traditional political historical aspects, the events have an additional implication, since as the systems of alliances line up, the outlines of the opposing cultural patterns also uncover themselves.

Orsolya Szaniszló's study represents the transition to the era of Modern history. She analyzes the issue of social integration of Russian women as a result of Peter the Great's reforms. In order to demonstrate the changes, the author presents a comprehensive view on the customs and duties of women during the era prior to that, with a specific interest in presenting women's suites, the function of which was to create a separation from men, minimizing the interactions between men and women. The Tsar's regulations at the beginning of the 18th century concerning the right to leave the suites, the initiation of mixed-sex social events, as well as the introduction of a court etiquette and fashion to the Western model were the first steps towards the elimination of women's segregation and the start of integration. The treatise gives an assessment of long-term impacts of the laws introduced by Peter I.

The section of Modern history contains the most studies, majority of which is related to the 19th century. In his ambitious work Zoltán Sz. Bíró describes the structure of the Russian political system, with its major institutional corner stones and operational mechanisms. As a basic element of his work, the author explains the permanency of royal prerogatives, based on which it was impossible to impose any restriction on the totality of the Tsarist power, either legally or institutionally. The author presents an in-depth overview of the institutional history related to supreme and central state powers, while he also attempts to highlight the important fact that all the important processes that eventually lead to the separation of the different powers of legislative, executive and judicial systems took place during the 18th and 19th centuries, despite the seeming constancy of the system.

László V. Molnár demonstrates an important segment of the Hungarian and Russian relations through the carrier of Mihály Balugyánszky. The Hungarian-born lawyer had a significant carrier at the Tsar's court, where he served during the reign of both Alexander I and Nicholas I. László V. Molnár targeted to demonstrate Mihály Balugyánszky's scientific and political activities conducted during his years in St Petersburg.

After the overview of the Hungarian-Russian relations, French-Russian ties have come to the front. Erzsébet Bodnár's work *"French-Russian Negotiations on the Partitioning of the Ottoman Empire in 1807 and 1808"*, is mainly based on aspects of diplomatic history. On the French-Russian peace negotiations following the 4th Coalition defeat, Napoleon and Alexander I, besides their objective to arrange the European affairs, also discussed the future of the Ottoman Empire with its possible partitioning. The issue remained topics after the summit held in 1807. Erzsébet Bodnár gives us a comprehensive presentation of the process of French-Russian consultations concerning the Eastern Question, as well as the Russian Empire's policy changes used with the Sublime Porte.

Zsófia Mészáros' study also discusses issues on Modern History. In her work on D. I. Pisarev, the author presents the oeuvre of the most prominent ideologist of the

Russian nihilism, rendering a curious insight in the specificities and major characteristics of the ideological trend Pisarev represented.

Szergej Filippov wrote a study on the ideological basis of political terror. His work focuses on the radical movement *the Russian People's Will (Narodnya Volya)* with the whole ideological system. Filippov describes the views of the members on terror, along with their evolvement until the formation of the terrorist wing of the movement in the 1870s and 1880s. Szergej Filippov offers a profound insight into the self-justification the members of the movement used during the series of assassinations and massacres, and the process that lead to the enemy image they believed to be true.

Finally, as closing unit of the section on the 19th century history, follows Szilvia Nagy's study with the title "*Vera Ivanovna Zasluch – From Terrorism to Marxism.*" Zasluch was a participant and executor of the political terrorist attempts during the 1870s, and her prosecution and trial started in 1878 made her the symbol of revolutionists. However, Vera Zasluch's way of political thinking gradually moved away from the "narodnik" (populist) ideas and turned to Marxism. The stages of the personal change between these ideologies are presented in Szilvia Nagy's treatise.

The fourth major unit of the volume contains studies related to the Soviet era and its historical issues. The opening study of the panel is Ákos Szilágyi's study titled "*State and Formalism*". Representatives of the formalist art movement of the 1920s were enemies of the Stalinist regime, since the "*leftism*" of the Avant-garde style was identified with the left-wing ideologies of Trockij's oppositions. Therefore, besides the antiformalist campaign and Stalin's cultural revolution, in the 1930s a process of undermining the artists of the movement took place. The study presents a substantial analysis of the way of thinking characteristic of the era, as well as the Stalinist Regime's responses to that, with the emblematic event of Dimitri Shostakovich's prosecution.

Ferenc Havas in his study "*Stalin – the "scientist": the Marrism debate*", presents the evolving and influencing of the scientific life during the Stalinist era following 1948, presenting a curious case study of the Marrism-debate, as one of the many debates at the end of 1940s and in the beginning of 1950s. In the dispute of linguistic issues the official Stalinist point of view was also represented, but as opposed to the indirect way it used to participate on the scientific scene, it was unprecedented that this time Stalin personally took part in the scientific debate. In his study, Ferenc Havas besides reconstructing the antecedents and the events of the Marrism-debate, also gives a complex and extensive interpretation of the whole debate.

Tamás Krausz and Éva Mária Varga in their study "*The Concealed Genocide: Hungarian Invading Troops in the Soviet Union.*" revealed the activities against humanity of the Hungarian invading troops at the Eastern front. Through processing the documents of the lawsuits filed against Generals, available in the Archives of Russia's Federal Security Service, the authors highlighted the way the infantry divisions of the Hungarian Invasion Group in the East treated civilian population. Until now it has been an unrevealed part of the Hungarian history, so the co-authors have filled a scientific gap with their work. Ákos Fóris' study also reveals the vicissitudes at the Eastern front, targeting to present the interrelations of the Partisan and Jewish

politics used at the territories invaded by the Axis powers. Ákos Fóris states that there is a close interrelation between efforts to eliminate the Jewish population and the antipartisan activities of the invading troops, especially on the territories in Belorussia. The author also mentions the participation of the Hungarian invading troops in the above-mentioned processes.

The last panel contains Russian language and cultural-historical studies, the first item of which is Ilona Kiss' treatise, which describes the organic Russia-image constructed by Pavel Florensky. The origin of Florensky's concept was the Trinity Monastery, which embodied the essence of the Russian existence and history. The main objective of the study was to present the way of thinking of the Russian theologian and philosopher through the analysis of his writings. Erzsébet Schiller's study is also based on aspects of text interpretation and literary critical analysis. Erzsébet Schiller presents the peculiar life situation of war captivity in Russia and the victim's connection to its captors through the works of Rodion Markovits, the Hungarian novelist and prisoner of war in Russia during the World War I.

Zsuzsanna Gyimesi's study on Andrei Platonov's short story "*Rubbish Wind*" is a specific analysis of the reasons and motivations of the Holocaust presentiment as it is manifested in the short-story. Finally, Ildikó Pálosi's linguistic treatise, as the final item of the compilation, examines the correlation of the dynamic and static meanings of the verb come/go, regarding their mental denotations. In her research the author studied the different functional cases of the verb-pair come/go in Hungarian, Russian and Ezra Mordvinian languages.

Katalin SCHREK

IN MEMORIAM

ПРОФЕССОР ЛАСЛО ДЭЖЁ (1927-2016)

С прискорбием сообщаем, что 16 августа 2016 года на 88 году жизни скончался профессор Ласло Дэжё, бывший заведующий Кафедрой общего языкознания Дебреценского университета, известный лингвист, который был сотрудником нашего университета в данной позиции более 13 лет.

Профессор Ласло Дэжё родился 26 октября 1927 г. в селе Будьи, в тридцати километрах от Будапешта. Среднюю школу он закончил в знаменитой гимназии г. Ходмезёвашархей, где определяющее влияние на его будущее оказал преподающий там в то время писатель Ласло Немет. Как сам Ласло Дэжё вспоминал о нём, его занятия по философии и литературе пробудили у него интерес к философии и теоретическим вопросам.

С 1946 г. Ласло Дэжё продолжал учиться в Коллегии им. Дьерффи в Будапеште, в учреждении, воплощающем в то время идею народного движения с целью оказывать помощь талантливым студентам в их дальнейшем образовании. В коллегии он изучал венгерскую и английскую филологию,

а также философию. После закрытия Коллегии по политическим причинам он недолгое время учился в т. н. Народной языковедческой коллегии, затем (в 1948 г.) стал студентом русистики известной Коллегии Этвеш. Он закончил Институт Ленина в 1952 г., где проявлял особый интерес к применению философии в языкознании.

В первый период своей лингвистической деятельности Ласло Дэжэ занимался вопросами исторической диалектологии, в том числе историей закарпатских диалектов, темой, которая стала предметом его кандидатской диссертации, воспринятой исследователями-украинистами с большим интересом. По собственному мнению, он досконально изучил эту область науки и это послужило причиной того, что в дальнейшем стал заниматься другими лингвистическими вопросами.

Важным периодом его жизненного пути считались годы проведённые в Институте языкознания Академии наук (1964-1972). Здесь он участвовал в работе группы, занимавшейся порождающей грамматикой, исследуя как теоретическое, так и прикладное языкознание. В этой группе, интерес которой распространялся на новые события развивающейся области языкознания, исследователь занимался преимущественно языковой типологией. Он стал руководителем Института венгерско-английских сопоставительных работ, продолжая исследование. Эта научная деятельность была особенно важна в период, когда нужно было возродить англистику заново, практически из ничего. Благодаря этой работе он познакомился с методологией контрастивной грамматики, достиг результатов международного уровня.

Во второй период своей профессиональной деятельности Ласло Дэжэ работал в Дебрецене специалистом общего языкознания с 1972 г. на Кафедре общего языкознания, где он продолжал свою работу как по историческому языкознанию, так и по типологии. Как результат этой многосторонней работы, ему удалось соединить лингвистическую типологию с сопоставительным языкознанием. Важным итогом его научной деятельности можно считать соединение прикладной и теоретической части его исследований, практической целенаправленности его исследований: его работа прямой дорогой вела к усовершенствованию как преподавания иностранных языков, так и теоретического изучения венгерского языка. Особенно важно упомянуть о дружбе и плодотворном сотрудничестве Ласло Дэжэ с профессором Ференцем Паппом, в то время заведующим Кафедрой русского языкознания, который был всегда готов служить референтом, критиком или сотрудником в обсуждении всевозможных научных вопросов.

После 1986 г. Ласло Дэжэ стал профессором Падуанского университета в Италии, где он долгое время служил научным и общественным интересам венгерской филологии, в то же время успешно продолжал свою научную деятельность в разных областях теоретического и прикладного языкознания.

Его научное наследие состоит из 7 книг (особенно по диалектологии и типологии, также включая в себе тему преподавания иностранных языков) и

46 научных статей (по различным вопросам венгерского, русского, украинского языков и по вопросам общего языкознания, особенно типологии, а также преподаванию иностранных языков). Его научные труды публиковались на венгерском, русском и английском языках, немало его работ доступно также в интернете.

Хотя профессор Ласло Дажё уже не с нами, коллеги и ученики хранят его деятельность и память.

László HUNYADI

ПУБЛИКАЦИИ ПРОФЕССОРА ЛАСЛО ДЕЖЁ (1955-2016)

1955

Poznámky Dobrovského ke kodexu“Acta Apostolorum” *Studia Slavica* 1 (1955). fasc. 1-3, pp. 415–416.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_01/?pg=428&layout=s (23.11.2016.)

1957

Урбаріальні записи с Мараморошської Верховини. *Studia Slavica* 3 (1957) fasc. 1-4, pp. 235-260.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_03/?pg=252&layout=s (22.11.2016.)

1958

К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI-XVIII вв. [1.] *Studia Slavica* 4 (1958), pp. 71-96.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_04/?pg=84&layout=s (23.11.2016.)

1959

Adalékok a magyar szövegek cirillbetűs átírásának történetéhez. *Magyar Nyelvőr* 83 (1959) 3. sz., pp. 311-322.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MagyarNyelvor_1959/?pg=320&layout=s (24.11.2016.)

1961

A cirillbetűs címek átírásának néhány kérdése. *Magyar Könyvszemle* 1961. 2. sz., pp. 198-203.

http://epa.oszk.hu/00000/00021/00244/pdf/MKSZ_EPA00021_1961_77_02_180-203.pdf#page=19 (23.11.2016.)

A fehérorosz és makedón címek átírásáról. *Magyar Könyvszemle* 1961. 4. sz., pp. 520-521.

http://epa.oszk.hu/00000/00021/00246/pdf/MKSZ_EPA00021_1961_77_04_503-524.pdf#page=18 (24.11.2016.)

К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI-XVIII вв. [2.] *Studia Slavica* 7 (1961), pp. 139-176.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_07/?pg=154&layout=s (25.11.2016.)

Egyetemi jegyzetek feldolgozása gépi lyukkártyák segítségével. *Tudományos és műszaki tájékoztatás* 9 (1962) 3. sz., pp. 62-65.

Gépi lyukkártyák és alkalmazásuk a magyar könyvtárakban. *Tudományos és műszaki tájékoztatás* 9 (1962) 6. sz., pp. 21-33.

http://tmt.omikk.bme.hu/show_news.html?id=2662&issue_id=225 (25.11.2016.)

О синтаксисе украинских грамат I. (Сложноподчиненные предложения). *Slavica* 2 (1962), pp. 59-83.

1963

Abbreviaturae Cyrillicae. Bodnárné Bernáth Edit közreműködésével összeállította Moravek Endre és Wéger Imre. Budapest: 1961. [recenzió] *Magyar Könyvszemle* 79 (1963) 3, p. 296.

http://epa.oszk.hu/00000/00021/00252/pdf/MKSZ_EPA00021_1963_79_03_279-300.pdf#page=18 (24.11.2016.)

A cirillbetűs címek nemzetközi átírása. *Magyar Könyvszemle* 79 (1963) 3, pp. 271-273.

http://epa.oszk.hu/00000/00021/00252/pdf/MKSZ_EPA00021_1963_79_03_269-275.pdf#page=3 (24.11.2016.)

A kárpátaljai irodalom kezdetei. *Filológiai Közlöny*. 9. (1963) 1-2., pp. 156-161.

http://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/arcanum/FilologiaiKozlony_1963/adatok.html#page/158 (24.11.2016.)

Машинный перевод русских конструкций с глаголами на -ся на венгерский язык. *Studia Slavica* IX. (1963) fasc. 1-4, pp. 239-255.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_09/?pg=268&layout=s (01.12.2016.)

Некоторые синтаксические вопросы машинного перевода с русского языка на венгерскийю *Slavica* 3 (1963), pp. 47-58 p.

Az orosz szenvedő szerkezetek gépi fordításának nyelvtani kérdései. *Magyar Nyelvőr* 87 (1963) 4. sz. pp. 446-453.

http://real-j.mtak.hu/6029/1/MagyarNyelvor_1963.pdf (01.12.2016.)

1965

Рецензия на книгу Antal László: A formális nyelvi elemzés. Budapest: Gondolat, 1964. *Magyar Nyelvőr* 89 (1965) 1, pp. 126-130.

http://real-j.mtak.hu/6031/1/MagyarNyelvor_1965.pdf (01.12.2016.)

A kárpátaljai hivatalos írásbeliség emlékei. Úrbéri feljegyzések. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Könyvtár, 1965, 111 p.

"A magyar főnév analízise és szintézise" című konferencia. *Magyar Nyelvőr* 89 (1965) 1, pp. 143-144.

http://real-j.mtak.hu/6031/1/MagyarNyelvor_1965.pdf (29.11.2016.)

A magyar szórend strukturális vizsgálata. *Általános nyelvészeti tanulmányok* III. (1965), pp. 45-64.

http://real-j.mtak.hu/1145/1/ALTNYELVTAN_03.pdf (29.11.2016.)

Notes on the word order of simple sentences in Hungarian. *Computational Linguistics*. IV. 1965, pp. 3-59.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_CLetCL_04/?pg=0&layout=s (29.11.2016.)

О языке урбарияльных записей 1771-1774 гг. *Studia Slavica* 11 (1965) pp. 71-93.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_11/?pg=84&layout=s (02.12.2016.)

Рецензия на книгу Структурно-типологические исследования. Сборник статей. Москва изд, АН СССР 1962. *Általános nyelvészeti tanulmányok* III. (1965) 1, pp. 227-232.

http://real-j.mtak.hu/1145/1/ALTNYELVTAN_03.pdf (02.12.2016.)

1966

A kárpátaljai „népi irodalom”. *Filológiai Közlöny*. 12 (1966) 1-2., pp. 146-157.
http://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/arcanum/FilologiaiKozlony_1966/adatok.html#page/148 (01.12.2016.)

A szemantika és a lexikológia néhány kérdése. *Általános nyelvészeti tanulmányok* IV. (1966) 1, pp. 31-67.

http://real-j.mtak.hu/1146/1/ALTNYELVTAN_04.pdf (01.12.2016.)

Лексика сельского хозяйства и промышленности в закарпатской деловой письменности XVII-XVIII вв. *Studia Slavica* 12 (1966) fasc. 1-4. pp. 81-86.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_12/?pg=94&layout=s (01.12.2016.)

Рецензия на книгу Joseph H. Greenberg (ed.): *Universale of Language. Report of a Conference held at Dobbs Ferry, New York. April 13 — 15. 1961.* Cambridge, Mass.: The M. I. T Press, 1963. 269 p. *Általános nyelvészeti tanulmányok* IV. (1966) 1, pp. 238-242.

http://real-j.mtak.hu/1146/1/ALTNYELVTAN_04.pdf (01.12.2016.)

1967

Dezső László — Szépe György: Adalékok a topic – comment problémához *Nyelvtudományi Közlemények* 69 (1967) 1, pp. 365–388.

http://real-j.mtak.hu/2741/1/NyelvtudomanyiKozlemenyek_069.pdf (01.12.2016.)

A magyar tárgyi bővítményes egyszerű mondatok szórendjének tipológiája. In *A magyar nyelv története és rendszere. A debreceni nemzetközi nyelvész-kongresszus előadásai.*

1967, pp. 229-233. (Nyelvtudományi Értekezések, 58. sz.) О синтаксисе украинских грамот II. *Slavica* 7 (1967), pp. 3-26.

Очерки по истории закарпатских говоров. Budapest: Akadémiai K., 1967, 305 p.

Szórend és mondathangsúly. *Általános nyelvészeti tanulmányok* V. (1967) 1, pp. 81-123.

http://real-j.mtak.hu/1147/1/ALTNYELVTAN_05.pdf (01.12.2016.)

1968

К вопросу об исторической типологии славянского порядка слов (На основе сербохорватского и украинского языков XIV. в.) *Studa Slavica* 14 (1968) fasc. 1-4. pp. 101-117.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_14/?pg=112&layout=s (02.12.2016.)

1969

Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров *Studia Slavica* 15 (1969) pp. 45-72.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_15/?pg=56&layout=s (01.12.2016.)

A főnévi csoport. *Általános nyelvészeti tanulmányok* VI. (1969), pp. 27-160.
http://real-j.mtak.hu/1148/1/ALTYELVTAN_06.pdf (01.12.2016.)

1970

Bese L. – Dezső L. – Gulya J.: *On the syntactic typology of the Uralic and Altaic languages*. Budapest: Akadémiai K., 1970, [16] p. In *Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages*. [Szeged, 28-30 Aug. 1968] [org. Department of Linguistic and Literary Sciences Hungarian Academy of Sciences. Chair of Uralic Studies József Attila University]; ed. L. Dezső, P. Hajdú]

A gyermeknyelv mondattani vizsgálatának elvi-módszertani kérdései. *Általános nyelvészeti tanulmányok* VII. (1970), pp. 77-99.

A magyar jelzős főnévi csoportok szőrendjéről. *Nyelvtudományi Közlemények* 72. köt. (1970) 1. sz., pp. 395-421.

http://real-j.mtak.hu/2744/1/NyelvtudomanyiKozlemenyek_072.pdf (01.12.2016.)

Морфология закарпатских урбариальных записей XVIII в. *Slavica* 10 (1970), pp. 83-98.

Ószerbhorvát mondattan. Doktori értekezés tézisei. Budapest, 1970, 18 p.

Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages. [Szeged, 28-30 Aug. 1968] [org. Department of Linguistic and Literary Sciences Hungarian Academy of Sciences. Chair of Uralic Studies József Attila University]; ed. L. Dezső, P. Hajdú]. Budapest: Akadémiai K., 1970. 184 p.

1971

Az angol-magyar kontrasztív nyelvtan kérdései. *A magyar nyelvért és kultúráért.* 1. sz. Budapest, 1971, pp. 134-139.

A jelzős „főnévi csoport”kérdései a magyarban. Budapest: Akadémiai K., 1971, 78 p.

(Nyelvtudományi Értekezések, 76. sz)

Language Typology and Contrastive Linguistics/ Laszlo Dezso and William Nemser // Four Papers of the Pecs Conference on Contrastive Linguistics (Pecs, 14-16 October 1971). The Hungarian-English Contrastive Linguistics Project, Working Papers No. 4.

Mikes Melánia – Dezső László – Vukovic Gordana: *A főnévi csoport.* In *Szerbhorvát—magyar kontrasztív nyelvtan.* A Hungarológiai Intézet Nyelvészeti Füzetei 1. Kiadja a Hungarológiai Intézet a Tartományi Tudományügyi Közösség támogatásával. Újvidék, 1971.

Tipológiai és kontrasztív nyelvtan a nyelvoktatásban. *Magyartanítás Külföldön* 3 (1971), pp. 50-54.

http://epa.oszk.hu/02400/02427/00003/pdf/EPA02427_MagyartanitasKulfoldon_1971_03_050-053.pdf (28.11.2016.)

Tipológiai vizsgálatok. // *Szerbhorvát—magyar kontrasztív nyelvtan.* A Hungarológiai Intézet Nyelvészeti Füzetei 1. Kiadja a Hungarológiai Intézet a Tartományi Tudományügyi Közösség támogatásával. Újvidék, 1971.

Recenziója: Vajda József DEZSŐ LÁSZLÓ: TIPOLÓGIAI VIZSGÁLATOK

[http://adattar.vmmi.org/cik-](http://adattar.vmmi.org/cikkek/1519/letunk_1972_05_15_vajda_jozsef_dezso_laszlo_tripologiai.pdf)

[kek/1519/letunk_1972_05_15_vajda_jozsef_dezso_laszlo_tripologiai.pdf](http://adattar.vmmi.org/cikkek/1519/letunk_1972_05_15_vajda_jozsef_dezso_laszlo_tripologiai.pdf) (28.11.2016.)

Tipološka razmatranja. Prev., adapt. Malanija Mikes; [ed.] Lingvistički Radovi Instituta za Hungarologiju Novi Sad, [Forum], 1971, 108 p.

(Kontrastivna gramatika srpskohrvatskog i mađarskog jezika, 1.)

Tipológiai vizsgálatok. Újvidék: Fórum, 1971, 96 p.

(A Hungarológiai Intézet nyelvészeti füzetei. Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan)

1972

Bevezetés a mondattani tipológiába. Budapest: TIT Idegennyelv-Oktatási Központja, 1972, 165 p.

Dezső László – Nemser, William: *Nyelvtipológia és kontrasztív nyelvészet* // Horváth Miklós – Temesi Mihály (szerk.): *Összevető nyelvvizsgálat, nyelvoktatás*. Tankönyvkiadó, Budapest, 1972. pp. 13-44.

A mondat aktuális tagolásának és szórendjének kérdésköre. In: Telegdi Zsigmond (szerk.): *Hagyományos nyelvtan - modern nyelvészet*, Budapest: Tankönyvkiadó, 1972, pp. 85-105.

Mikes Melánia – Dezső László – Vuković Gordana: *A főnévi csoport alapkérdései*. Újvidék: Hungarológiai Intézet, 1972, 117 p.

(A Hungarológiai Intézet nyelvészeti füzetei. Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan 2.)

Településtörténet és nyelvjárástörténet. In *Általános nyelvészeti tanulmányok VIII.* (1972). pp. 31-39.

http://real-j.mtak.hu/1150/1/ALTNYELVTAN_08.pdf (01.12.2016.)

1973

Általános Nyelvészeti Tanulmányok IX. Grammatikai tanulmányok. Szerk. Telegdi Zsigmond és Dezső László. Budapest: Akadémiai, 1973.

http://real-j.mtak.hu/1151/1/ALTNYELVTAN_09.pdf (01.12.2016.)

Вопросы общей и славянской синтаксической типологии *Studia Slavica* 19 (1973) 1-3. sz. pp. 1-16

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_19/?pg=18&layout=s (01.12.2016.)

Grammatikai tanulmányok. Szerk. Telegdi Zsigmond és Dezső László. Bp.: Akadémiai K., 1973.

Histoire du peuplement et histoire du dialecte. *Slavica* 12 (1973), pp. 5-16.

A mondatn tipológiai megközelítése. *Általános nyelvészeti tanulmányok IX.* (1973), pp. 23-64.

http://real-j.mtak.hu/1151/1/ALTNYELVTAN_09.pdf (01.12.2016.)

Melanija Mikes – Laslo Deže – Lajos Matijević: *Pitanje ekvivalencije nominalnih sintagmi*. Novi Sad: Forum, 1973. 89 p. Mikes Melánia – Dezső László – Matijevics Lajos: *A jelzős főnévi csoport*. 1973, 95 p.

(A Hungarológiai Intézet nyelvészeti füzetei. Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan 3.)

1974

Синтаксис сложного предложения урбарияльных записей XVIII в. *Slavica* 13 (1974), pp 5-20.

1975

A magyar nyelv típusa. *Magyar Nyelv* 71 (1975), pp. 68-274.

1976

Az ószerbhorvát oklevélszövegek szerkezete. *Általános nyelvészeti tanulmányok* XI. (1976), pp. 79-92.

http://real-j.mtak.hu/1135/1/ALTNYELVTAN_11.pdf (01.12.2016.)

Problemi di tipologia sintattica. In *La tipologia linguistica*, Ramat Paolo (ed.) Bologna: Il Mulino, 1976, pp. 239–263

1977

Исторические пласты лексики закарпатского украинского литературного языка XVI в. *Slavica* 14 (1977), pp. 43-60.

1978

Általános Nyelvészeti Tanulmányok XII. Az emberi nyelv sokfélesége. Szerk. Dezső László, Hajdú Péter és Telegdi Zsigmond. Budapest: Akadémiai, 1978. 334 l.

Elmélet és törvényszerűségek a tipológiában. *Általános nyelvészeti tanulmányok* XII. (1978) 29-59.

http://real-j.mtak.hu/1136/1/ALTNYELVTAN_12.pdf (01.12.2016.)

1979

A nyelvtudomány szerepe az idegennyelv-oktatás komplex megközelítésében. Bp., TIT, 1979, 1983, 202 p.

О взглядах и стиле автора закарпатской Няговской Постиллы середины XVI в. *Slavica* 16 (1979) pp. 5-18.

On the Integration of Typology. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum*. Tom. 29. (1979), pp. 217-227.

http://real-j.mtak.hu/832/1/ACTALINGV_29.pdf (29.11.2016.)

On typological Characterologies. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum* 29. (1979), pp. 107-128.

http://real-j.mtak.hu/832/1/ACTALINGV_29.pdf (29.11.2016.)

A szituatív nyelvoktatást segítő nyelvészeti kutatások néhány kérdése. *Modern Nyelvoktatás* 17. 1. (1979), pp. 35-40.

1980

Studies in English and Hungarian contrastive linguistics. Ed. L. Dezső; W. Nemser. Bp., Akadémiai Kiadó, 1980. 589 p.

1981

О языке украинского полемиста М. Андреллы и закарпатской «народной литературе» XVII в. *Studia Slavica* 27 (1981) fasc. 1-4. pp. 19-52.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/MTA_StudiaSlavica_27/?pg=28&layout=s (01.12.2016.)

1982

Contrastive Studies Hungarian – English. Szerk. Dezső László. Bp.: Akadémiai Kiadó, 1982. 121 p. (*Studia comparationis linguae hungaricae*)

Az idegennyelv-elsajátítás elméleti alapjainak interdiszciplináris megközelítéséről. *Általános Nyelvészeti Tanulmányok* 14 (1982), pp. 29-43.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/ALTNYELVTAN_14/?pg=30&layout=s (29.11.2016.)

Studies in Syntactic Typology and Contrastive Grammar. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982, 307 p.

Typological studies in old Serbo-Croatian syntax. Köln: Böhlau Verlag, 1982. (*Slavistische Forschungen*, bd. 38.)

Word order, theme and rheme in Hungarian and the problem of word order acquisition. In Dezső László – William Nemser (szerk.) *Studies in English and Hungarian Contrastive Linguistics.* Budapest: Akadémiai K., 1982, pp.245-298.

World-order typology of Hungarian attributive noun phrases. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum* 32. (1982), pp. 71-101.

https://adtplus.arcanum.hu/hu/view/ACTALINGV_32/?pg=76&layout=s (01.12.2016.)

1983

Вопросы обучения русской грамматике в свете проблематики преподавания иностранных языков в Венгрии. *Slavica* 19 (1983), pp. 9-26.

Orosz és szovjet általános nyelvészet. Szöveggyűjtemény [egyetemi segédkönyv]. Szerk. Dezső László, Jurij Szergejevics Maszlov. Budapest: Tankönyvkiadó, 1983.

1984

A tipológiai karakterológiáról. *Általános nyelvészeti tanulmányok XV.* (1984), pp. 7–12.

http://real-j.mtak.hu/1139/1/ALTNYELVTAN_15.pdf (01.12.2016.)

Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской

Простое предложение. Вр., Tankönyvkiadó, 1984, 263 p

1985

Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ). Дебрецен: KLTE, 1985.

1986

Beszélgetés R. O. Jakobson profeszorral. *Nyelvtudományi Közlemények* 88 (1986) 1-2. sz., pp. 145-157.

http://real-j.mtak.hu/2760/1/NyelvtudomanyiKozlemenyek_088.pdf (01.12.2016.)

Украинское языкознание XVI-XVII вв. В. В. Німчук Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Лаврентій Зизаній, Граматика словенська. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятника. *Slavica* 22 (1986), pp. 161-163.

1988

Passiveness in Hungarian with reference to russian passive. In *Passive and Voice*. Ed. by Masayoshi Shibatani. 1988. (Typological Studies in Language 16) 291-328.

1989

A XVI-XVIII. századi kárpát-ukrán nyelvemlékek magyar jövevényszavai. Budapest: Akadémiai K., 1989. 99 p. (Nyelvtudományi Értekezések, 128. sz.)

Confronto dei sistemi di reggenze dei verbi italiani ed ungheresi: fatti e considerazioni tipologiche. *Quaderni Patavini di Linguistica* 8–9 (1989–1990), pp 65-76.

1990

Die grammatische Auffassung von Georg von der Gabelentz un die Typologie. *Nyelvtudományi Közlemények* 91 (1990) 1-2, pp. 33-38.

http://real-j.mtak.hu/2771/1/NyelvtudomanyiKozlemenyek_091.pdf
(28.11.2016.)

Древнеболгарский древнерусский и древнесербский литературный языки проблемы их сравнительного и типологического изучения. *Slavica* 24 (1990), pp. 9-26.

Questions of the investigation of the complement of adjectives in European languages. In: *Toward a Typology of European Languages*. Ed. by Johannes Bechert, Giuliano Bernini, Claude Buridant. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990, pp. 273-304.

1992

La partitività in italiano, slavo e nelle lingue ugrofinniche: i problemi del tipo nominativo-accusativo di frase. // *L'Europa linguistica: contatti, contrasti, affinità di lingue*. Roma, Bulzoni, 1992.

Рецензия на книгу Park Soo-Young: Vergleichende Analyse der Satzgliedstellung in Deutschen, Ungerischen und Koreanischen. Verlag: Wiesbaden Harrassowitz, 1987. *Kratylos* 1992, 37. pp. 182-183.

1996

A ruszinok hivatalos írásbelisége a XVII–XVIII. században. Szótár, elemzés, szövegek = Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках. Словарь, анализ, тексты. Nyíregyháza, 1996, 335 p.(*Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia*, 4.)

1998

Az uráli és korai indoeurópai főstruktúrák tipológiai összevetése = Typological Comparison of Root Structuring in Uralic and Early Indo-European. *Nyelvtudományi Közlemények* 96. köt. (1998/1999), pp. 3-43.

<http://www.nytud.hu/nyk/reg/096.pdf> (28.12.2016.)

2000

A XIX. és XX. századi nyelvtudomány történetéről (Jegyzetek Máté Jakab két-kötetes művéről) *Magyar Nyelv* 96. évf. 4. sz. (2000), pp. 483-486.
<http://www.c3.hu/~magaryelv/00-4/dezso.htm> (28.11.2016.)

The historical change in object cases in Serbian compared with Ukrainian and Russian.. *Južnoslovenski filolog*. Beograd 56/1-2 (2000), pp. 329-334.

A magyar alkalmazott és általános nyelvészetről és két szlavistáról a hatvanas években. // Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2000, pp. 7-10.

Two approaches to morphological typology and the diachronic characterization and comparison of languages. In Olga Mišečka-Tomić (szerk.) *History and Perspectives of Language Study*. Amsterdam: Benjamins, 2000, pp. 71-83.

2001

Nyelvi és metrikai típusok a régi magyar népdal verselésének és dallamának jellemzésében. *Magyar Nyelvőr* 125 (2001) 2. sz.
<http://epa.oszk.hu/00100/00188/00022/125208.htm> (28.11.2016.)

2002

Általános és egybevető nyelvészeti megjegyzések Székely Gábornak 'A lexikai fokozás' című könyvéről. *Magyar nyelv* 98 (2002) 3, pp. 355-357.

2004

Areális tipológiai megjegyzések J. H. Greenberg könyvéről. *Nyelvtudományi Közlemények* 101 (2004), pp. 273-289.
http://real-j.mtak.hu/2773/1/NyelvtudomanyiKozlemenyek_101.pdf
(28.11.2016.)

A magyar nyelv tipológiai jellemzése = Typological characterization of hungarian grammar. Szerk., előszó Székely Gábor). Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 2004, 428 p.

2006

A nyagovai posztilla = Няговские поучения = The Niagovo postilla. Alekszej Petrov szövegkiadásának fakszimiléje Dezső László bevezető tanulmányával; szerk., előszó Zoltán András. Repr. Nyíregyháza: Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék, 2006, 226 p.

Формальные требования

Формат текста: любой редактируемый текст (*.doc; *.docx; *.odt; *.rtf итд.). При использовании в качестве дополнительных и других шрифтов просим отправить их с статьей.

Объем публикаций: статьи до 50000 знаков, **обзоры и рецензии** до 12000 (с пробелами).

Язык статьи: любой славянский язык, английский и немецкий язык.

Содержание: статья должна содержать имя и фамилию автора, его э-мейл адрес, должность, и резюме к статье. Просим указать тематический блок опубликования (языкознание, литературоведение, культурология, обзор/рецензия).

Резюме: на английском языке (для материалов на славянских языках), на русском языке (для материалов на английском или немецком языках).

Цитирование: ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора малыми прописными, год издания и страница [ФАМИЛИЯ 2006: 66]. Если авторов двое, в скобках указываются их фамилии через тире [ФАМИЛИЯ1–ФАМИЛИЯ2 2006: 66], а если больше – указывается фамилия только первого с добавлением *и др.* [ФАМИЛИЯ и др. 2006: 66], в английском варианте *et al.* [SURNAME et al. 2006: 66].

В библиографии приводится только цитируемая в статье литература, следуя примеры:

а) монография: МАКАРОВ 2003: Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. Москва: ИТДГК Гнозис.

б) сборник: ТЕСТЕЛЕЦ 2007: Тестелец, Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Розина, Р. И., Кустова, Г. И. (ред.) Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. Москва: Языки славянских культур 773-789.

в) периодическое издание: ПОЖГАИ 2008: Pozsgai I. Употребление дательного самостоятельного в Синайском патерике // Gadányi K., Mojszejenko V. (ed.) *Studia Slavica Savariensia* 1-2. Szombathely 309-324.

г) интернет сайты: ЗЕРНОВА 1998: Зернова Р. На море и обратно. Иерусалим // <http://www.akhmatova.org/articles/zernova.htm> (дата доступа: 2015. 04. 25.)